Ассоциация «Военная книга»

Ю. А. Нешумов

ГРАНИЦЫ АФГАНИСТАНА

Трагедия и уроки

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Юрий Алексеевич
Нешумов

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Ю. А. Нешумов

ГРАНИЦЫ АФГАНИСТАНА:

Трагедия и уроки

Москва – Жуковский
«Граница» – «Кучково поле»
2006

ББК 66.4(0)
Н38

Нешумов Ю. А.

Н38 Границы Афганистана: трагедия и уроки. — М.; Жуковский: Граница; Кучково поле, 2006. — 352 с., 4 л. илл.

ISBN 5-98756-018-3 (Граница)
ISBN 5-901679-21-0 (Кучково поле)

Автор книги, продолжительное время возглавлявший штаб Погранвойск Советского Союза, ярко и с глубоким знанием описывает афганские события, последовавшие после Апрельской революции 1978 г. и бесспорно повлиявшие на историю нашей страны. Непосредственный участник многих оперативно-стратегических решений и действий, он сумел сделать серьезные выводы из тех трагических событий, которые не утратили своего значения и в наши дни, особенно в связи с «чеченской проблемой» и нарастающей волной терроризма.

ББК 66.4(0)

ISBN 5-98756-018-3
ISBN 5-901679-21-0

© Нешумов Ю. А., 2006
© КЖИ «Граница», 2006
© ООО «Кучково поле», 2006

От автора

Этот круглый, крепкий шар земной
неделим, как тело человека.
Боль, родившись в стороне одной,
В стороне другой застонет эхом...

Аль-Хамиси

Время и годы многое стирают из памяти, но она чаще срабатывает избирательно: события неординарные, драматические, затрагивающие судьбы многих людей и страны в целом, забвению обычно неподвластны и незатухающая память о них часто возвращают нас к раздумьям о тех днях и их оценках.

Такими, навсегда памятными для многих, останутся события в Афганистане в конце 1970-х и в 1980-е годы.

Этим событиям, в отличие от других военных конфликтов прошлых лет, не предшествовали обычные в таких случаях сердитые политические и дипломатические перепалки, были более чем застенчивы в их освещении и наши средства массовой информации. Они развивались как-то исподволь, без огласки и многим (в том числе и автору этих записок) первоначально казались сугубо локальными, затрагивающими лишь самих афганцев. Однако, с вмешательством в эти события наших войск, вынужденных вести там боевые действия, нести потери — драматизм ситуации стал очевиден. Такое «вползание» в конфликт объясняется причинами в основном сегодня известными: скоропалительными, без достаточной проработки реше-

ниями, в основе которых преобладали волевые идеи, замешанные больше на эмоциях, шапкозакидательстве и недостоверной информации. Восточная мудрость гласит: «Чтобы создать оазис, не нужно землетрясения». И сегодня вряд ли кого нужно убеждать в том, что наше участие в афганских делах в те годы (с учетом интересов безопасности наших южных границ) могло быть иным, более взвешенным и эффективным. Мы часто спрашиваем себя: что нас побуждает возвращаться к тем, уже далеким афганским событиям?

Казалось бы, на фоне таких исторических потрясений, как развал Советского Союза, серьезного изменения всей геополитической карты мира, других крупных событий, им суждено померкнуть, уйти в прошлое. А мы о них часто вспоминаем и даже отмечаем их даты.

Эти воспоминания ведь не столько об афганской экзотике (хотя и это есть): о диких причудах природы этой страны, яркой краске древних афганских городов и кишлаков, жарких верстах пыльных дорог, и самих афганцах — людях, живущих трудно, в суровых условиях, но гордых и независимых, наивных и по-восточному мудрых, ценящих верность и дружбу.

Мне кажется, что для таких серьезных, «болевых» событий, как афганские, нужна своя временная дистанция: возможность осмыслить происходившее, исключив соблазн первых и потому почти всегда эмоционально-субъективных ощущений. Конечно, и фактор возможностей, условий и времени тоже играет роль. Но главные причины все-таки не в этом.

Есть одно обстоятельство, которое объясняет наше незатухающее внимание к той афганской кампании: там, в 80-е годы наша армия, пограничники, подразделения спецназа КГБ встретились с противником, действующим необычно (чему в академиях не учили). Этот противник («душман») применял, по сути, традиционные для Афга-

нистана, но малоизвестные для многих армий (в том числе и нашей) формы и способы боевых действий. Их основу составляли налеты и засады, диверсии на коммуникациях в сочетании с активным террором в городах и других населенных пунктах.

Эта война «из-за угла» изматывала войска, заставляла приспосабливаться к новым условиям ценой проб и ошибок. Откровенно говоря, решение опубликовать эти записки было вызвано, в значительной степени, событиями в Чечне, более тягостными по своим последствиям (и потерям) нежели в Афганистане. Даже исключая политические аспекты тех и других событий, надо признать, что в них повторились и даже приумножились наши ошибки и неудачи в применении оперативных, силовых форм и способов борьбы с мятежниками в Афганистане. И где гарантия, что подобное не повторится в каком-то ином приграничном регионе?

В записках многие события, казалось бы, не имеют прямого отношения к пограничным делам (личность Амина, состояние афганской армии и др.), но этому есть объяснения. Пограничные проблемы, как известно, всегда государственные и обычно затрагивают интересы многих (в первую очередь силовых) ведомств. Афганские пограничные проблемы были в то время критическими. И нужны были усилия для привлечения к решению этих проблем всех силовых структур ДРА. Авторитет советских пограничных войск КГБ в тот период был довольно высок не только среди наших друзей и союзников, но и в других странах мира. Поэтому представители наших погранвойск, выполняющие поручения Андропова и Матросова за рубежом, всегда имели возможность встреч с руководством страны и ведомств, причастных к пограничным делам. К сожалению, и это не всегда давало желаемый результат, но, как говорится, «Восток — дело тонкое».

Автору этих записок, в те годы начальнику штаба Пограничных войск КГБ, довелось с небольшой группой наших офицеров-пограничников непосредственно участвовать в решении этих проблем в ДРА с началом активной заброски в эту страну из Пакистана и Ирана вооруженных формирований мятежников, караванов с оружием и боеприпасами. В последующем этими вопросами, а также действиями наших пограничных подразделений в северных провинциях ДРА, кроме штаба ПВ, занималась Оперативная группа ГУПВ.

Записки, естественно, не претендуют на полное освещение всех событий, происходивших в тот период в Афганистане, и касаются в основном лишь тех проблем, которыми занимались в ту пору автор и его товарищи.

Хотел бы сразу оговориться: отсутствие тогда по ряду вопросов согласованных взглядов в наших силовых структурах (Минобороны, КГБ, МВД) на события в ДРА не могли не сказаться и на решении пограничных и некоторых других проблем, влияющих на стабилизацию обстановки в этой стране. Так, к лету 1979 г. с ростом активности мятежников, главным образом в приграничных районах Афганистана, вопросы борьбы с ними и надежного прикрытия наиболее активных участников границы (в основном с Пакистаном) были, пожалуй, главными для безопасности этой страны.

В этих условиях естественным казалось бы стремление руководства ДРА в первую очередь организовать защиту этих участников границы (с привлечением армии и царандоя) и незамедлительно переориентировать (следовательно, и переподготовить) армию и силы безопасности к операциям и оперативно-боевым действиям против мятежников, применявших партизанские методы борьбы. К сожалению, в силу целого ряда причин эти проблемы, в том числе и формирование пограничных частей (афганская погранслужба тогда была чисто символической) ре-

шались очень трудно, с большим сопротивлением многих должностных лиц и некоторых наших военных представителей.

В последующем же, когда было упущено время и силы мятежников настолько окрепли, что могли держать под своим контролем целые приграничные районы, рассчитывать на создание здесь надежной охраны и защиты границы уже не приходилось. Возникали и другие, не менее сложные проблемы в управлении и координации усилий действующих в Афганистане советских и афганских силовых структур, их подготовке, что затрудняли стабилизацию обстановки в стране. Удивительно, но в достаточно широко освещаемой у нас «афганской» теме в основном обсуждается в качестве главного обычно лишь один вопрос — как и почему наши войска оказались в Афганистане? Известно, что политическая и нравственная оценка решению о вводе войск в ДРА даны ясные и недвусмысленные, тем не менее накал эмоций не ослабевает.

Попутно пытаются представить, к примеру, Амина — наиболее одиозного и жестокого диктатора и его единомышленников едва ли не лучшими друзьями Советского Союза. Крайне скупо либо совсем не освещаются вопросы эффективности наших оперативных, боевых действий и операций, причины серьезных неудач и неоправданных потерь, что осложняло и ситуацию в Афганистане и наше положение там (сказанное относится и к пограничным подразделениям, которые действовали в ДРА).

Думается, что и до ввода наших войск в ДРА многое можно было поправить для стабилизации обстановки в этой стране, не прибегая к силовым акциям. И в этом большая роль принадлежала нашим представителям и советникам при руководящих лицах и силовых ведомствах. Не секрет, что обострению обстановки здесь к весне и лету 1979 г. в значительной мере способствовали экстремистские, амбициозные решения и действия тогдашних лиде-

ров ДРА, главным образом, Амина, их нежелание найти общую платформу для союза с духовенством, местной буржуазией, вождями племен, другими национальными силами. При всей деликатности нашего положения тогда, думается, у нас все-таки были возможности препятствовать подобным негативным явлениям (включая и репрессии), но наши ведомства и их представители в ДРА не сумели этого сделать. Несогласованность, отсутствие четкой координации ведомственных усилий в достижении главных целей нашей помощи этой стране, нежелание считаться с объективной реальностью — все это, по сути, сводило на нет трудную и опасную работу наших специалистов в Афганистане.

Наши пограничники в афганских событиях принимали непосредственное, активное участие практически с вступлением первых советских частей в ДРА. Масштабы их оперативно-боевых действий в северных афганских провинциях простирались от Зульфагара (стык границ СССР, Ирана и ДРА) до Малого афганского Памира включительно. Им, как и их боевым товарищам—воинам наших армейских частей в ДРА, довелось все испытать: и радость побед, и горечь потерь и неудач. Они с достоинством и честью выдержали эти испытания и выходили из Афганистана последними, в боеготовом состоянии и организованно.

Действия в экстремальных условиях всегда способствовали росту командирской зрелости, профессионализма офицеров. В годы афганской кампании получили закалку многие офицеры и генералы погранвойск. Здесь закреплялся опыт не только действовавших, но и занявших в будущем руководящие посты в погранвойсках страны генералов В. Шляхтина, К. Тоцкого, В. Проничева, И. Вертелко, Г. Згерского, В. Донскова, Н. Резниченко, И. Коробейникова, М. Валиева, В. Рожкова, Б. Агапова и др.

Это был опыт особый — управления силами и средствами в специальных операциях и оперативно-боевых

действиях. Позднее они получат иное наименование — «контртеррористические операции».

Этот опыт, при умелом его использовании, мог сыграть решающую роль в других конфликтах, например, в Чечне. И не вина офицеров-«афганцев», что этот опыт там был мало востребован.

Китайцы говорят: «Прошлое — учитель будущего». Наше прошлое, связанное с событиями в Афганистане в конце 1970-х и в 1980-е годы на многое открывает глаза и многому учит. Недооценка этого опыта, как мы знаем, нам дорого обошлась в Чечне. Стремление полнее показать наши действия в подобных конфликтах с объективной оценкой побед и неудач обусловлено не поиском виновных, «крайних», не смакованием недостатков и ошибок, а познанием истины, интересами будущих решений и поступков. В искреннем желании поделиться взглядами на происшедшие события в ДРА, принести дань глубокого уважения к памяти тех, кто верно и стойко исполнял свой воинский и служебный долг в этой стране, видимо, и состоит цель моих «афганских» воспоминаний. Публикацией записок на основе блокнотных пометок и записей, местами разрозненных, торопливых, предназначенных тогда в основном для личного пользования, но сохранивших отголоски тех афганских событий, и хотелось бы внести посильный вклад в это дело.

ГЛАВА 1
Афганистан: тревожное лето 1979 г.

К силе его не присматривайся,
К вере его приглядись

Афганская поговорка

Первые впечатления с прибытием в Кабул. Встречи с Амином, обсуждение пограничных вопросов. Наши первые советники в провинциях. Тактика мятежников. Наши планы и меры по пограничным делам, первые препятствия. Тараки — обсуждение ситуации. Поездка в Нангархар. Амин и хазарейцы. Разговор с Андроповым. Афганские пограничники — в армии, их серьезные потери на западе. Вылет в Герат. Конфронтация в руководстве ДРА. Возвращение в Москву.

Воистину неисповедимы пути военные: еще накануне готовил с офицерами штаба рекогносцировку в Арктике, а спустя пару дней оказался в самолете, летящем в прямо противоположном направлении — на Кабул.

Но все по порядку.

В марте 1979 г. штаб пограничных войск работал в обычном режиме. Обстановка на границе с Афганистаном нами оценивалась как относительно стабильная. Активность вооруженной оппозиции в отдельных афганских провинциях и в самом Кабуле воспринималась как явление почти неизбежное в этой стране после каждой смены власти. Мартовские события в Герате (мятеж отдельных частей гарнизона 17-й пехотной дивизии) были уже сиг-

налом тревоги, поскольку это было рядом с нашей границей. Но к тому времени наши пограничные отряды и заставы на этой границе были неплохо оснащены технически и в боевом отношении, и вполне надежно ее охраняли.

Утром 17 марта во время моего обычного доклада текущих дел В. А. Матросову (в то время начальник Пограничных войск КГБ), он неожиданно поинтересовался моей оценкой ситуации в Герате и, выслушав довольно скудную тогда у нас информацию об этом, добавил: «Только что звонил Юрий Владимирович. Вы должны быть у него сегодня к 14.00. Очевидно, речь пойдет о поездке в Афганистан».

Встреча у Андропова была непродолжительной. Он оценивал ситуацию в Афганистане как весьма тревожную. Подчеркнул, что ее обострение у наших южных границ может представлять для нас серьезную угрозу. Опасения, по его словам, вызывают рост террора и диверсий, других вооруженных акций мятежников. Мне и генералу Б. С. Иванову (в то время первый заместитель начальника ПГУ КГБ) предстояло уже завтра вылететь в Кабул. Основные задачи сводились к оценке ситуации в стране («оттуда идет много противоречивой информации») и на границах ДРА с Пакистаном и Ираном, подготовке предложений по улучшению их прикрытия и охраны, а также оказанию помощи представительству КГБ в Кабуле. Несколько смущало отпущенное на это короткое время (месяц), но, как мы с Борисом Семеновичем и предполагали, оно потом нам неоднократно продлевалось.

18 марта с Б. С. (так звали его между собой сослуживцы) были в аэропорту. Тут же, у самолета познакомились с нашим послом в ДРА А. М. Пузановым. Он был в отпуске и, узнав, что в Кабул вылетает спецрейс, присоединился к нам. Александр Михайлович был известной личностью не только в МИДе. Опытный партийный и советский работник (в сталинское и хрущевское время был первым сек-

ретарем Горьковского обкома партии, а затем председателем Совмина РСФСР), он довольно долго работал в Афганистане и, конечно, многое знал об этой стране.

Обменивались мнениями уже в самолете. Посол считал неэффективными действия афганских властей по стабилизации обстановки из-за их слабого профессионализма, недооценки объективных факторов. Ситуацию осложняли, по его словам, частая непредсказуемость их действий, особенно Амина, несогласованность и даже соперничество между силовыми ведомствами ДРА. Многое из этого нам с Б. С. Ивановым тоже было известно и, к сожалению, в реальности этих оценок мы вскоре убедились. Лично у меня ситуация в Афганистане и до совершения там Апрельской революции в 1978 г. вызывала неоднозначную оценку.

Постоянные заверения наших политических и государственных деятелей о традиционной советско-афганской дружбе и сотрудничестве, зародившейся в первые годы советской власти, конечно, были небеспочвенны: последовательно наращивалось наше экономическое сотрудничество с этой страной. Афганистан придерживался нейтралитета и не тяготел к каким-либо военно-политическим блокам. Короля Захир-Шаха, к примеру, почти ежегодно принимали в СССР с широким гостеприимством. Это не считая почти ежегодных его наездов на охоту в горные районы Таджикистана. Но были в этих отношения и другие нюансы, большинству малоизвестные.

Так, королевская жандармерия и служба безопасности, если и не поощряли, то безмятежно реагировали на многочисленные противоправные действия своих жителей, особенно кочевников на советско-афганской границе, и это довольно часто приводило к пограничным инцидентам. Их спецслужбы готовились в основном в западных странах, опекались оттуда и у нас были основания полагать, что они активно сотрудничают с западными службами. Даже в редких случаях, к примеру, когда в Афганиста-

не нелегально оказывался советский гражданин, могущий быть использованным в разведывательных целях против СССР, афганские спецслужбы укрывали его и тайно переправляли его нашим по тем временам вероятным противникам.

Надо объективно признать, что за этими внешними, казалось бы, не глобальными событиями на советско-афганской границе, мы, точнее, наша разведка (в том числе и пограничная), неглубоко оценивали и слабо прогнозировали происходящие в этой стране внутренние изменения. А события там с начала 1970-х гг. развивались не по-восточному стремительно.

Нарастало острое противостояние между набирающей силу молодой Народно-демократической партией Афганистана — НДПА (исповедующей демократические принципы и дружбу с СССР) и исламскими группировками радикального, экстремистского толка. Характерно, что и те, и другие выступали против королевского режима Захир-Шаха, а затем и Дауда, совершившего переворот в 1973 г.

Попытка радикальных исламистов поднять мятеж в 1975 г. и захватить власть в Афганистане была подавлена правительственными силами Дауда, и это событие у нас в Среднеазиатском погранокруге (я в то время был его руководителем) и в Центре (на Лубянке) практически прошло незамеченным.

В случае прихода к власти исламистов становилось реальностью создание вдоль южных границ СССР вожделенного для Запада (Бжезинский и К°.) пояса исламских государств («исламской дуги»): Турция, Иран (с приходом там в 1979 г. к власти духовников Хомейни), Афганистан и Пакистан, идеологически нацеленных на регионы Кавказа и Средней Азии.

При живучести радикальных исламских традиций среди части населения наших среднеазиатских и закавказских

республик и сохранении в северных районах Афганистана старой «басмаческой» базы (обосновавшейся там еще в 1930-е гг.) такой сценарий мог дорого нам стоить. Кстати, уже позднее, после так называемой Саурской (Апрельской) революции 1978 г. в Кабуле (к сожалению, тогда нами почти незамеченной), мне не раз приходилось слышать заверения некоторых афганцев — участников тех событий, что решиться на такой поспешный шаг их подвигла опасность захвата власти исламскими радикалами.

Думаю, что в этом есть доля истины, кстати, объясняющая отчасти и нашу повышенную (хотя и запоздалую) причастность к тем афганским делам. Словом, размышлять было о чем.

Вечером 18 марта прибыли в Кабул. Кабульский аэропорт напоминает дно огромной горной чаши и, приземляясь, самолет кругами довольно близко обходит нагромажденные по бокам скалы и каменистые террасы. Первые дни ушли на знакомство с персоналом посольства, сотрудниками представительства КГБ и изучение обстановки.

Представительство КГБ возглавлял мой старый товарищ — полковник (позже — генерал-майор) Леонид Павлович Богданов, начинавший офицерскую службу в погранвойсках, опытный специалист по Востоку. В составе представительства находился и пограничник — полковник Владимир Александрович Кириллов (мой сослуживец по Кавказу), прибывший сюда несколько ранее.

Как и предполагалось, события в Герате были лишь частным эпизодом, хотя в них, как выяснилось в последующем, проявились ошибочные и неоправданно жесткие меры провинциальных властей в отношении сотен афганцев-беженцев, возвратившихся из Ирана. Что, собственно, и вызвало недовольство и выступление части военнослужащих 17-й дивизии.

В стране нарастала активность оппозиционных режиму Тараки — Амина сил, применявших весь набор харак-

терных для Востока средств борьбы — от дезинформации, широкого распространения ложных слухов (запускаемых обычно из мечетей и с базаров) до вооруженных нападений на отдельные военные и административные объекты, а также актов диверсии и террора. Участились случаи перехода границы небольшими, но хорошо вооруженными группами мятежников из Пакистана и Ирана, где осели десятки тысяч афганцев, ушедших туда после апреля 1978 г. Там главари афганской оппозиции спешно создавали лагеря по подготовке боевиков, опираясь на мощную материально-финансовую поддержку Запада и богатых арабских шейхов. В этих лагерях, позднее станет известно, начинал свою «карьеру» террорист-организатор Усами бен Ладен, подружившийся с американскими и пакистанскими спецслужбами.

Кабул и многие провинциальные центры полнились слухами о готовящихся якобы антиправительственных мятежах и заговорах, о жестокости властей и правоохранительных сил и армии, действующих часто неуклюже-провоцирующе.

Внешне же, к примеру, в Кабуле мне это показалось мало заметным. Сотни людей в самых разнообразных, порой экзотических одеяниях растекались по многочисленным рынкам, дуканам и мечетям. Поток машин всех марок, размалеванных, загруженных до отказа «бурбухаек» вперемежку с верблюдами и ослами. И повсюду — терпкий запах кожи и кошмы, костров и мангалов. Все это создавало обманчивое впечатление обыденной расслабленности. К вечеру город пустел и переходил во власть многочисленных патрулей. Поездки по городу в такое время небезопасны: можно было нарваться на беспорядочную стрельбу какого-нибудь ошалевшего патрульного сарбоза.

Посольство наше — город в городе, в отличие от всех остальных. Построенное в 1960-е гг. с настоящим совет-

ским размахом, оно занимает площадь в несколько гектар на юго-восточной окраине Кабула, недалеко от дворца Тадж-Бек (пригород Дар-Уль-Аман). Здесь есть все для автономной жизни, включая свои источники водоснабжения, тепла, света, школу и даже хлебопекарню. Часть семей сотрудников посольства выехала в Союз (в одной из освободившихся квартир мы с Борисом Семеновичем и разместились), но многие семьи остались и это создавало послу дополнительные проблемы, поскольку их безопасность в городе, куда они выходили несмотря на грозные запреты, стала непредсказуемой.

На второй день отправились в МВД ДРА. В этом ведомстве, точнее, в царандос (что-то близкое к нашим внутренним войскам) находился Отдел пограничной службы ДРА. Познакомились с заместителем министра, начальником царандоя и куратором Отдела пограничной службы капитаном Таруном. Тарун, небольшого роста, коренастый офицер 33–35 лет, чертами лица смахивающий на хазарейца. Хорошо говорил по-русски (учился у нас в каком-то техникуме на Украине), был доброжелателен и словоохотлив. Однако, когда мы попросили его дать оценку состояния погранохраны, ее службы, он долго и пространно излагал «руководящие указания товарища Амина». Стало ясно, что конкретное состояние дел он не знает (об этом предупреждал и полковник В. А. Кириллов), и мы завершили на этом встречу, удовлетворившись его заверениями о всяческой поддержке им наших предложений и мер.

Удручающим осталось впечатление и от знакомства с Отделом погранслужбы (ОПС). Отдел ютился в двух или трех обшарпанных кабинетах, без каких-либо элементарных условий для обычной штабной работы. Его штат состоял из девяти офицеров, при знакомстве с которыми выяснилось, что среди них нет ни одного профессионала-пограничника. Под стать им был и начальник Отдела майор Хисамутдин, бывший летчик, получивший тяжелую

травму ноги при авиационной катастрофе. Конечно, ни настоящих дислокационных карт, как и других нужных оперативных документов (директивы, сводки и пр.) эти «пограничники» не вели, не имели, да и не могли этого делать.

Уже позднее, размышляя об этом, я стал понимать, что причина подобного крылась не столько в постреволюционном хаосе (ведь были же в Афганистане свои пограничники!) и неразберихе, сколько в сознательном намерении новых властей держать, как и в прошлом, охрану границы чисто символической. Позднее Амин на одной из встреч заявил прямо, что «...границу с Пакистаном, установленную англичанами (известна как «линия Дюранда») мы не признаем...». Власти, разумеется, не ожидали, что такая политика с обострением обстановки приведет к большим неприятностям. Прозрение к ним придет немного позднее.

Мы же тогда, потратив пару дней, сумели обобщить всю имеющуюся в Отделе информацию, уточнить дополнительными запросами недостающие сведения из провинций и составить в общих чертах представление о состоянии афганской погранслужбы.

Ее основу составляли погранбатальоны в провинциях (1–2), находящихся в подчинении местных органов царандоя. Каждый батальон имел 3–4 погранроты, а те — несколько пограничных постов (офицерские или сержантские). Всего на границе с Пакистаном (более 2 тыс. км) имелось 13 погранбатальонов, на границе с Ираном (более 860 км) — 3 погранбатальона, и на севере (граница с СССР — около 2 тыс. км) — 9 погранбатальонов. Их штатная укомплектованность составляла не более 40–50% к штату, а общая численность была около 8 тыс. человек. Думаю, не нужно объяснять, какая это была «защита» границ и каковы были возможности тех пограничников.

Боевой и специальной техники они не имели. Комплектовались на общих основаниях, но лишь тем пополне-

нием, которое оказалось непригодным для армии, то есть после армейского призыва. В отличие от армии, пограничники не имели централизованного снабжения (на радость царандоевским казнокрадам), их снабжение оплачивалось деньгами (опять — таки через провинциальный царандой) и многие пограничники, чтобы прокормиться, вместо службы подрабатывали у местных баев, охраняли дуканы и лавки. Конечно, эти подразделения были неспособны ни надежно охранять хотя бы отдельные, наиболее важные участки границы, ни тем более противостоять нападениям бандгрупп из Пакистана и Ирана.

Все это, мягко говоря, вызывало удивление, так как военную помощь (и весьма солидную) этой стране мы оказывали уже много лет, с 1956 г. За это время, к примеру, СССР поставил сюда (по данным ГКЭС) по различным контрактам: более 600 танков, 770 бронетранспортеров и БМП, более 2 тыс. орудий и минометов, 220 самолетов и вертолетов, около 140 тыс. автоматов и свыше 15 тыс. ручных пулеметов. И все это в основном уходило в армию.

20 марта состоялась встреча с Х. Амином, который к тому времени фактически руководил страной и бдительно опекал силовые структуры. После наших кратких с Б. С. Ивановым представлений и передачи приветствий от Ю. В. Андропова, Амин высказал удовлетворение контактами силовых ведомств сторон. Он оптимистично охарактеризовал ситуацию в Афганистане, хотя и не скрывал озабоченности некоторыми негативными тенденциями, упомянув и события в Герате. Касаясь пограничных проблем, он выразил готовность рассматривать любые наши предложения, подчеркнув, что «мы не обидимся на любые, даже резкие замечания».

Меня насторожили его фразы об ограниченных возможностях (прежде всего — кадровых) в развертывании погранвойск и необходимость «учитывать эти реалии». Пришлось объяснить, что укрепление пограничной служ-

бы, тем более действующей, по сути, в экстремальной ситуации, не может быть достигнуто без подготовленных офицеров, на это требуются годы. Из числа сержантов и солдат можно в ограниченное время (5–6 месяцев) подготовить некоторое количество офицеров, но они будущий костяк погранвойск не составят. Поэтому, организуя подготовку кадровых офицеров-пограничников в Академии царандоя (разумеется, с нашей помощью), в настоящее время вряд ли можно обойтись без поддержки армии и МВД (царандоя). Тем более что эти ведомства располагают значительным количеством офицеров и в лучшей степени, нежели пограничники, укомплектованы.

Амин ответил, что он подумает об этом и вновь подтвердил свою готовность встречаться по нашим вопросам в любое нужное время. Амин производил впечатление умного, волевого руководителя восточного типа. Среднего роста, смуглый, по-спортивному подтянутый. Взгляд цепкий, изучающий. По-русски не говорит. Мысли излагает четко, убедительно. Чувствуется хорошее знание ситуации и людей, его окружающих. Вернувшись в посольство, обменялись впечатлениями.

Поступившая из Герата дополнительная информация подтвердила наши первоначальные предположения: у гератских властей не было оснований для применения оружия (в том числе и артиллерии) по скоплению людей, хотя и были слухи о возможных нападениях мятежников. К тому же не было сомнений в том, что многие факты недовольства, накапливающиеся там среди местного населения и в гарнизоне (его превратили в место ссылки всех обиженных и штрафников), не могли быть тайной для властей Кабула. К сожалению, разграбленными в этом гарнизоне оказались не только склады текущего довольствия, но и мобилизационные запасы оружия и боеприпасов.

Вечером во дворе посольства встретил знакомого дипломата, приехавшего машиной из Герата. Он несет под

мышкой автомат Калашникова: купил в дорогу на гератском базаре за 50 афгани (по тем временам 5 пачек сигарет), а сейчас, кому его сдать. А мы голову ломали — как и чем вооружить тут пограничников?»

Понемногу удалось обобщить и проанализировать обстановку в приграничных провинциях. Она довольно тревожная: резко возросла активность враждебных правительству ДРА эмигрантских организаций «Исламская партия Афганистана» во главе с Г. Хекматьяром и «Исламское общество Афганистан» во главе с Б. Раббани. Оживились и другие, в том числе и проиранские исламские группировки. Непосредственным же сколачиванием и переброской в Афганистан вооруженных групп, главным образом из числа афганских беженцев, занимались пакистанские органы военной разведки. Почти ежедневно происходили обстрелы и попытки нападений на афганские пограничные посты.

Со многими провинциями и местными гарнизонами часто не бывало связи. В Кабуле появились слухи о возможном нападении на советское посольство (кстати, охраняемое лишь четырьмя штатными дежурными без оружия).

Вечером говорил по «ВЧ» с В. А. Матросовым. Доложил обстановку, о встрече с Амином, о наших ближайших замыслах. Попросил дать добро на мои донесения о вызове сюда в ближайшее время группы офицеров-пограничников в качестве советников на наиболее активные участки границы и команды (взвод) пограничников со средствами усиления (технические средства, служебные собаки) для охраны посольства. Вадим Александрович предложения одобрил, отправку людей обещал ускорить.

Первые же дни пребывания в Кабуле обозначили проблемы, решать которые надо было незамедлительно. Прежде всего требовалось организовать сбор и обобщение информации об обстановке на границах ДРА и в приграничных провинциях.

Кто много служил на Востоке, тот знает, как сложно здесь в скопище многочисленных слухов, по-разному излагаемых фактов и событий определить их достоверность.

Проблема осложнялась не только отсутствием у афганских пограничников единой вертикали органов управления и своей системы связи. Многое зависело от отношения к этому руководителей провинциальных органов царандоя, в чьем ведении находились пограничники.

Наш замысел предусматривал ежесуточный сбор, передачу информации от подразделений и отделов погранслужбы провинций до Кабула, ее обобщение и анализ ежедневно и еженедельно (в сводках) и был одобрен руководством МВД.

Естественно, на первых порах значительную часть этой работы предстояло выполнить нашим офицерам. Были уточнены задачи погранбатальонам с учетом особенностей обстановки и их состояния (укомплектованность, оснащения и пр.). В директиве, подписанной заместителем министра Таруном, предусматривалось: прикрытие войсковыми нарядами наиболее важных участков и направлений; ликвидация малочисленных отдаленных постов (объектов частых нападений бандгрупп), их сведение в более крупные подразделения; меры обеспечения собственной безопасности и др. Были подготовлены предложения и по укреплению Отдела пограничной службы ДРА. Характерная деталь: руководители МВД, ссылаясь на мнение Амина, отклоняли предлагаемые варианты подготовки офицеров-пограничников в Душанбе или в Ташкенте, настаивая на их учебе в Москве или Ленинграде. В целом все наши предложения и меры находили поддержку в МВД, но, откровенно говоря, они были неадекватны реальной ситуации на границе, весьма ограничены из-за отсутствия подготовленных кадров, вооружения и техники, других материальных средств. Надо было в самые сжатые сроки разработать план развития и усиления погра-

нохраны ДРА, создания боеспособных формирований, в первую очередь на границе с Пакистаном и Ираном.

В Москве оперативно отреагировали на предложения по усилению охраны посольства: неделю спустя в Кабул прибыла группа пограничников (20 военнослужащих) со средствами усиления (служебные собаки, сигнальные приборы, приборы ночного наблюдения и пр.). Их появление в военной форме и четко налаженная служба была хорошо воспринята всеми в посольстве, эти меры вселили в людей уверенность. А когда пограничники, спустя пару недель, дали еще и неплохой концерт — уважение к ним утвердилось окончательно.

СССР, как известно, кроме политической и военной поддержки, оказывал Афганистану большую экономическую помощь. С нашим участием здесь были созданы новые и реконструированы такие отрасли, как добыча и транспортировка природного газа (от Мазари-Шарифа и Кундуза до границы СССР), производство блоков и сборка крупнопанельных домов, выработка азотных удобрений, выращивание и сбор цитрусовых и маслин и др. При активном участии советских специалистов в Афганистане были построены электростанция «Наглу», ряд авторемонтных и автотранспортных предприятий, дорога Кундуз — Кабул с тоннельным проходом на перевале Саланг, оборудована ирригационная система в районе Джелалабада. После 1978 г. в нашей стране обучались сотни молодых афганцев, в том числе и военные.

К весне 1979 г. у афганского руководства и наших специалистов большую тревогу вызывало состояние безопасности ряда объектов советско-афганского сотрудничества. В частности, завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе, газопровод и ТЭЦ в Шибиргане, вантовый мост в районе Келифа и др. Некоторые из них уже подвергались нападениям мятежников, и их дальнейшая судьба была проблематичной. Идеи их защиты высказывались разные,

включая вооружение части самих специалистов, работавших там (своего рода народные дружины). Однако на первых порах руководство МВД ДРА согласилось привлечь для этих целей подразделения царандоя в провинциях, направив указания губернаторам об их личном участии в организации этих мер.

Проблемы охраны границы Афганистана вызывали необходимость поддерживать контакты в первую очередь с руководством МВД ДРА, а также афганским армейским командованием и нашими специалистами главного военного советника и советника при МВД ДРА. Но контакты с некоторыми из них в то же время и настораживали. Пограничные проблемы тут решались на стыке интересов армии, МВД и АГСА (государственная служба безопасности), и у меня по ряду признаков, возникали опасения, что наша отечественная ведомственная «самостоятельность» утвердилась и здесь, и даже основательнее. Между армией, МВД и АГСА отношения действительно были сложными. Взаимодействия не были даже в вопросах оценки обстановки в том или ином регионе страны. Очень часто эти ведомства располагали противоречивой информацией о каком-либо важном событии. И это при том, что первые руководители Минобороны, МВД и АГСА — молодые офицеры, активные участники Саурской (Апрельской) революции и активные сторонники Н. Тараки — Ватанджар, Ш. Маздурьяр и Асадулла Саравари были между собой в хороших, товарищеских отношениях.

Негативную роль в этом, как выяснилось позднее, играли ставленники Амина в силовых ведомствах, занимавшие там подчас ключевые позиции (Тарун — в МВД, Якуб — в Генштабе и т. д.). В той ситуации для Афганистана объективно возрастала роль МВД, куда традиционно входила и погранохрана. Однако по оценкам наших специалистов здесь, это ведомство пребывало в то время в архаичном, полуфеодальном состоянии и было пока не-

способно существенно влиять на поддержание стабильности в стране.

Министр внутренних дел подполковник Ш. Маздурьяр, молодой армейский офицер, сторонник Тараки. Проблемы МВД, как и пограничной охраны, представлял слабо. К предложениям наших советников, их предложениям был всегда внимателен, но окруженный заместителями — людьми Амина, более напористыми и амбициозными, в решении сложных вопросов часто проявлял нерешительность и непоследовательность. Вооруженные формирования МВД — царандой (народная милиция), при довольно высокой общей численности (около 30 тыс. человек), небольшими подразделениями (постами) и командами были разбросаны по многочисленным провинциальным и уездным центрам, занятые там в основном охраной местного начальства, дуканов и магазинов. Эти разобщенные, плохо вооруженные и слабо обученные подразделения в столкновениях с мятежниками часто терпели поражение, несли потери. Было много сигналов о казнокрадстве и коррупции среди офицеров этого ведомства, связях некоторых из них с мятежниками (как это было в Герате в марте 1979 г.).

К сожалению, даже в этой структуре погранохрана находилась где-то на последних ролях, годовой бюджет которой от общего бюджета царандоя составлял не более 15–17%. Справедливости ради надо сказать, что группой советников и специалистов МВД СССР во главе с полковником Н. С. Веселковым, находившимся в ДРА уже около года, было немало сделано для укрепления и оснащения МВД ДРА. Однако работа этих специалистов началась с неприятной истории. В феврале 1979 г. в Кабуле среди бела дня был убит американский посол А. Дабс. Цель и мотивы убийства остались невыясненными, а сами нападавшие убиты. В Москве это связали с плохо организованной охраной посольств и «крайними» оказались

наши советники из МВД. В довершение последовало указание об оперативном подчинении их представительству КГБ в Кабуле. Естественно, восторгов это у советников МВД не вызвало и теплоты в отношениях с нами не прибавило.

Каждый из наших специалистов, кто в то жаркое лето 1979 г. находился в Афганистане, много раз задавался вопросом: почему за столь короткое время после Апрельской революции, практически бескровной и спокойно воспринятой большинством населения, там так накалилась обстановка? Ведь, казалось бы, новый режим в отличие от старого за относительно короткий срок многое сделал для улучшения жизни людей. Менее чем за год в стране было построено около 500 школ, введено всеобщее начальное образование. Около 300 тыс. малоземельных и безземельных крестьян получили землю, а более 11 млн. освободились от кабалы и долгов. Были приняты и другие положительные меры.

И тем не менее ситуация в стране обострялась. Вечерами в посольстве, обменявшись информацией и впечатлениями о встречах и событиях дня, мы много раз анализировали и оценивали обстановку. И сейчас, по прошествии многих лет и событий, мне думается, наши оценки тогда были вполне реальными.

Безусловно, были и объективные причины сложного положения в стране: ее экономическая отсталость и бедность, почти сплошная неграмотность среди крестьян и мелких ремесленников, огромное влияние на население мулл и землевладельцев-феодалов, и, конечно, активная подрывная деятельность, развязанная против молодой республики спецслужбами США и других стран, в том числе соседних — Пакистана, Ирана и Китая.

По нашему твердому убеждению, ситуацию в значительной степени ухудшали часто необоснованные, а порой и труднообъяснимые действия самих властей ДРА.

К примеру, общеизвестно, какой огромный вред общему партийному и государственному делу наносила открытая ненависть партийных лидеров НДПА (бывших «Халькистов») к членам бывшего в НДПА крыла «Парчам» и их преследование. Усиливалась тенденция многие проблемы, противоречия разрешать лишь с позиции силы — путем угроз и репрессий. Власти все меньше считались с вековыми традициями народа (хотя словами о «гордом и свободолюбивом афганском народе» тут начиналось и заканчивалось любое выступление). Серьезно ухудшали обстановку и обострившиеся отношения властей с вождями многих пуштунских племен. При этом довольно частым способом выяснения отношений с ними были удары авиации по селениям этих племен. Последствия можно было не прогнозировать.

Последнюю неделю марта занимались делами, которые мы считали наипервейшими в сложившейся обстановке: организация информационно-аналитической работы, уточнение задач пограничным подразделениям, одобренных руководством МВД ДРА. Но возникали и другие проблемы. С прибытием первых офицеров-пограничников из Союза в качестве советников и специалистов, их перед направлением в отделы погранслужбы провинций (Джелалабад, Герат и др.) надо было ввести в курс дел, согласовать с ними единые взгляды на цели и задачи погранслужбы. Побывали в эти дни с Борисом Семеновичем на встрече с Амином — по его инициативе.

Амин выразил озабоченность руководства ДРА обстановкой в Кабуле (ссылаясь на серьезную информацию о готовящихся якобы диверсионных и террористических актах и мятежах, в том числе и с участием некоторых армейских частей гарнизона). Он высказал просьбу от имени Тараки — разработать с участием главного военного советника — Л. Н. Горелова план действий правоохранительных структур и частей Кабульского гарнизона на слу-

чай чрезвычайных обстоятельств. Особо подчеркнул при этом конфиденциальность таких мер, исключающих утечку информации. Сообщил, кто от Минобороны, МВД и АГСА ДРА может быть подключен к этой работе.

Задание было необычным и сложным, поскольку нужно было не только более-менее реально спрогнозировать вероятные варианты действий мятежников, но и хорошо знать город, его окраины, не говоря уже о дислокации и возможностях привлекаемых сил и средств и многое другое. Обнадеживало то, что в составе группы были офицеры, находившиеся здесь уже продолжительное время. Да и нет худа без добра: повседневная текучка не давала возможности ознакомиться с городом, а тут уж изволь поинтересоваться. Правда, уже с других точек зрения, но все же...

Задание это отнимало много времени, тем не менее, через пару недель такой план был разработан и утвержден Амином. Почти одновременно последовала просьба Ш. Маздурьяра (МВД) ознакомиться с перевалом Саланг и высказать наши предложения о порядке его охраны и защиты. О перевале этом, сооруженном под руководством наших специалистов, написано много и нет нужды повторяться. Замечу только, что впечатление он (сам тоннель) производит сильное, а его надежная охрана и защита, по нашим расчетам, требовала привлечения специальных подразделений армии и царандоя.

И все-таки основной проблемой — прикрытием границы с Пакистаном и Ираном — приходилось заниматься повседневно. День обычно начинался с изучения и оценки собранной за ночь из пограничных провинций (отделов погранслужбы) информации и проведении каких-либо мер при чрезвычайных обстоятельствах. Сложно шла разработка плана развития и усиления погранохраны ДРА, ранее согласованного с Амином (этим много занимался полковник В. А. Кириллов), поскольку проблема заключалась

в отыскании источников комплектования пограничных структур главным образом офицерами и сержантами, а также потребного количества вооружения и техники. Попытки наши заручиться поддержкой руководства Минобороны и МВД ДРА (при весьма прохладном отношении к этому наших советников в обоих ведомствах) оптимизма не вселяли: у каждого свои проблемы, а к состоянию погранохраны, как бедному родственнику, все привыкли.

Отсутствие у правительства специальных мобильных сил в приграничных провинциях и слабые возможности погранохраны способствовали активности мятежников. И не только на пакистанском направлении. В последней декаде марта их вооруженные группы захватили важные населенные пункты Калай-Нау и Баламургаб в Герат-ской провинции, вышли к перевалу Зульфагар (стык границ СССР, Ирана и Афганистана), блокировали Тургунди — пограничный перевалочный пункт рядом с советской Кушкой.

Выяснение и оценка подобных ситуаций, выработка предложений и мер по ним проходили, как правило, непосредственно в МВД. И оттуда же готовились указания в провинции — руководителям царандоя, МВД, либо начальникам отделов погранслужбы. При чрезвычайных обстоятельствах (нападении мятежников на пограничные подразделения, угрозе их захвата) приходилось обращаться к нашим военным советникам за помощью афганскими армейскими частями (если они дислоцировались недалеко), либо авиацией (обычно вертолетами) для нанесения ударов по мятежникам, доставки боеприпасов, продовольствия, эвакуации раненых и пр.

Такая практика взаимодействия не всегда срабатывала верно и вовремя, но Генштаб ДРА от принятия иных вариантов отказывался, ссылаясь на многие обстоятельства. Между тем становилось все более очевидным, что положение пограничных подразделений, ослабленных и

разобщенных, а подчас действующих на территории, контролируемой не властью, а мятежниками, неминуемо приводит к их утрате. Нужны были иные подходы к решению этой проблемы. К сожалению, слишком много было к этому препятствий: и ограниченные возможности в стране, и сила традиций, не говоря уже о межведомственной разобщенности.

Сложно иногда давалось решение текущих проблем. К примеру, повышение оперативности прохождения информации с границы, увеличение ее объемов потребовало пересмотреть порядок ее обобщения и анализа в Отделе погранслужбы ДРА и у нас в представительстве. Привлекли к этой работе и некоторых офицеров-пограничников, прибывших из Союза. По инициативе представительства, поддержанной главным военным советником, вскоре было организовано ежедневное совместное (Генштаб, МВД, АГСА) обобщение и анализ оперативной информации для руководства этих ведомств.

Урывками знакомились с Кабулом. Его не сравнить ни с каким городом Средней Азии. Горные холмы Асмал и Шир-Дарваза делят город на основную — северо-восточную часть, наиболее застроенную, с правительственными учреждениями, дипломатическими представительствами и различными офисами и юго-западную — более зеленую, менее скученную, где размещается Кабульский университет, советское посольство и южнее — район Дар-Уль-Аман с дворцом Тадж-Бек.

Через весь город с юга на северо-восток протекает река Кабул, грязная, местами похожая на обычный ручей или арык. Тысячи глинобитных и жилых полупещер, террасами расположенные на склонах гор и холмах, соседствуют с кварталами домов-коробок по типу наших «хрущевок», с районами, где размещены частные дома-виллы. Есть и достопримечательности: монумент Свободы на площади Майванд, мавзолей Надир-Шаха, посольский городок в

районе Шахренау, сад Бабура, старая крепость Бала-Хисар и др. И еще кабульские базары, в том числе подземный (его, почему-то называют «Грязный»), галереи которого тянутся на сотни метров — без проводника новичку оттуда не выбраться.

Магазинов европейского типа очень мало, но мелкие лавчонки, дуканы, кофейни — на каждом шагу. И, конечно, в Кабуле, как и других местах Афганистана, при всей убогости его цивилизации, удивляет экзотика, причудливая смесь восточных колоритов. Пуштуны и арабы, индусы и хазарейцы, белуджи и таджики — пестрый яркий конгломерат людей, восточной одежды, нравов и обычаев характерен для этого города. И еще — смесь народов и смесь цивилизаций. Здесь верблюды, ослы и современные автомобили воспринимаются вполне естественно, как и европейский костюм горожанина, паранджа и пуштунское одеяние кочевника. А в дуканах вместе с продукцией современных японских, китайских и других фирм можно было увидеть предметы быта, утвари, искусства и оружия XIX века.

Относились к нам в то время афганцы вполне нормально, а молодежь, студенчество — дружелюбно, с симпатией. Конечно, случались факты враждебности, угроз в отношении наших граждан со стороны отдельных экстремистски настроенных групп и лиц. В последующем, как известно, отношения большинства афганцев к нам станут иными, чаще — враждебными. Но тогда все было проще, верилось, что все уладится.

Особый колорит городской жизни — мальчишки Кабула. Одетые кое-как, в большинстве босоногие, бойкие, веселые и общительные, они стайками кружат на улицах и базарах, у дуканов и других мест скопления людей в поисках случайного заработка. Наш «шурави» для них всегда заманчивый объект, и они не отстанут от вас, пока вы не выгребите им всю свою мелочь.

С советских времен мы верили в преимущество многонационального государства и незыблемость «дружбы народов». Развал Советского Союза при активном участии в этом региональных (республиканских) национал-сепаратистов, в том числе и российских, серьезно поколебал эту веру. Но это будет потом. А тогда, в 70-е годы, мы как-то не особенно задумывались о том, как сложно обеспечить в многонациональном Афганистане мир и стабильность. Типичная картинка для улиц Кабула тех лет: тележку (арбу), доверху нагруженную мешками с зерном или углем тянут два-три полуголых (в набедренных повязках) низкорослых и худых хазарейца. А на мешках сидит подбоченясь тучный, усатый пуштун. Каждому свое. В Афганистане (в Кабуле, к примеру) всю тяжёлую, грязную работу делали хазарейцы, и это никого не удивляло. Пуштуны, предста́вляя в стране не более 40% населения (20% составляют таджики, около 10% — узбеки и столько же хазарейцы), всегда были правящей нацией, выдвигая с королевских времен высшую чиновничью элиту в центре и в провинциях. Новый режим, думается, никаких изменений в этот давний порядок не внес. Но то, что позволено Юпитеру, не позволено быку. И если королевскому режиму Захир-Шаха и его предшественникам сходила с рук эта «пуштунизация», то новой власти — вряд ли. По крайней мере, районы, где была высока плотность национальных меньшинств, особым дружелюбием к власти Кабула не отличались.

Гордость руководства ДРА и его постоянная головная боль — НВС (народные вооруженные силы) — армия Афганистана. Апрельская революция (1978), совершенная, по сути, несколькими подразделениями кабульского гарнизона во главе с офицерами Кадыром, Ватанджаром и другими, обросшая затем различными легендами, давала повод для подчеркивания особой (революционной) роли армии в развитии афганского государства и общества.

После Кадыра, который оказался вскоре после революции в тюрьме стараниями Амина, министром обороны стал А. Ватанджар. Человек интеллигентный, всегда внимательный, с мягкой улыбкой, он был мало похож на крупного военачальника, но пользовался большим авторитетом в армии. Он был близок к семье Тараки и безгранично ему предан. Начальник Генштаба майор Якуб, из десантников, напротив, был человеком хватким, жестким и амбициозным. Хорошо говорил по-русски. Пользовался большим доверием Амина.

После структурной реорганизации, проведенной к началу 1960-х гг. под руководством наших советников (и по нашим образцам), соединения и части афганской армии оставались неизменными до конца 1980-х гг. В своем составе она имела три корпуса, 12 дивизий, несколько отдельных бригад и полков, и довольно высокую численность — свыше 160 тыс. военнослужащих. На ее вооружении имелось около 160 самолетов, 650–700 танков, такое же количество БТР и БРДМ, свыше 2300 орудий, минометов и ПТУРС. Для отсталой, экономически слабой страны содержание такой армии, безусловно, было тяжелым бременем. Однако амбициозность вождей (и королевских, и республиканских), возлагавших на армию готовность к войне с внешним сильным противником, вынуждала оснащать ее вооружением и техникой по-современному. Обремененная такой техникой и оружием, дорогостоящая и громоздкая, она в силу слабого профессионализма личного состава и командования вряд ли могла достойно противостоять армиям своих соседей.

Львиная доля военного бюджета (и нашей безвозмездной помощи), расходуемая на армию, исключала содержание хотя бы минимально потребных сил погранохраны и внутренних войск, то есть сил безопасности, способных защищать границу и вести борьбу с формированиями мятежников. Мировой опыт имеет много примеров того, ког-

да страны с ограниченной экономикой (Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Африка) содержат армии небольшие, но «многофункциональные», которые способны и прикрывать границы, и проводить операции против партизан (повстанцев).

Практически Афганистану за всю его историю, исключая войны с англичанами в XIX веке, армия была нужна не для войны с внешним агрессором, а как полицейская сила против вечно бунтующих племен. Однако, как уже говорилось, эта армия не была ни армией в полном смысле слова (несмотря на обилие техники и оружия), ни, тем более, полицейской силой. Уже первые операции, боевые действия против мятежников на рубеже 1978–1979 гг. и в первой половине 1979 г. подтвердили ее слабую эффективность.

Попытки «замирить» племена, не признававшие новый режим, и ликвидировать мятежников активным применением авиации тоже не давали результатов. И это при том, что только в первом квартале 1979 г. ею было совершено свыше 1700 боевых вылетов и израсходовано 2,5 тыс. авиабомб и около 10 тыс. НУРСов. Такие удары, по сути, только множили противников кабульского режима.

Потери армии в первых же столкновениях с мятежниками были весьма ощутимы. Так, за первое полугодие 1979 г. (по данным военной контрразведки) было потеряно шесть батальонов (часть разгромлена, часть ушла к мятежникам), попали в плен или ушли к противнику более 3,5 тыс. военнослужащих, в том числе около 200 офицеров. За это же время к мятежникам попало 8 танков, 30 БТР и БРДМ, более 200 пулеметов, около 2000 автоматов.

В армии, несмотря на массовые «чистки» и замену всего высшего комсостава после апреля 1978 г. (в руководстве Минобороны, Генштаба, корпусов и дивизии оказались подполковники, майоры и капитаны), постоянно возникали очаги недовольства, порождающие локальные

мятежи и заговоры. К примеру, в течение одного года (с апреля 1978 г.) такие события происходили в Кабульском, Герагском, Джелалабадском, Гардезском и Мазари-Шарифском гарнизонах. Власти не особо утруждали себя выявлением истинных причин недовольства (они чаще возникали по вине самих властей) и активно прибегали к арестам и другим репрессиям, что только обостряло проблемы.

Тем не менее эта армия, думается, могла бы в то время для Афганистана быть не слишком затратной и более эффективной в реальной обстановке. Но это требовало улучшения ее структуры, оснащенности и мобильности с учетом особенностей этого региона. А главное — ориентации оперативной и боевой подготовки на действия в условиях партизанской войны.

К сожалению, на это не смогли решиться ни руководители Министерства обороны Ватанджар и Якуб, ни наш главный военный советник в ДРА и его аппарат.

Наш главный военный советник (ГВС) генерал Л. Н. Горелов провел в Афганистане много лет, начиная еще со времен короля Захир-Шаха. Афганскую армию, безусловно, знал хорошо, и как человек, много вложивший труда в нее, болезненно воспринимал любые попытки переосмыслить роль и функции армии в новой складывающейся ситуации. Негативно воспринимал он и предложения об оказании помощи, прежде всего офицерами и техникой, афганской погранслужбе в охране и защите границы.

«Здесь армия решает все, — утверждал он, — и она не может отвлекаться на второстепенные дела». Этот аргумент, кстати, неоднократно приводил и Амин. О том же, что армия объективно окажется втянутой в решение и этих «второстепенных» дел, как видим, тогда мало задумывались. И в этом, мне кажется, одна из причин происхождения и будущих потерь, и неудач афганской армии.

В первых числах апреля была завершена разработка плана развития и усиления пограничной охраны ДРА на ближайший период (3–4 года). Пригодились нам и разработанные ранее, в 1978 г., предложения, побывавшего здесь начальником отдела Оперативного управления штаба ПВ полковником В. В. Сахаровым. Конечно, если учитывать реальную обстановку на границе и в приграничных районах Афганистана, то нужны были пограничные войска настоящие — хорошо оснащенные, мобильные, профессиональные. Но на что мы тогда могли реально рассчитывать? Только, на то, что имелось к весне 1979 г. (выше указывалось). Реально этими силами можно было лишь контролировать отдельные, наиболее важные участки. На первом этапе (1979–1981) предполагалось некоторое усиление пограничных подразделений, перевод их на единые штаты, уточнение их задач и участков ответственности. При этом имелось в виду улучшение управления во всех звеньях, а для этого предусматривалось усиление управлений батальонов (офицеры, транспорт, средства связи и пр.), отделов погранслужбы провинций и центра, в том числе прикомандирование к ним наших советников. Планировалось также дополнительно сформировать на этом этапе три погранбатальона, четыре отдела погранслужбы в провинциях, шесть резервных рот и отдельный КПП в Кабуле. Для реализации этих мер дополнительно требовалось около 5 тыс. военнослужащих, в том числе 550 офицеров.

В последующем на втором этапе (1981–1983) имелось в виду создать самостоятельную пограничную службу в составе МВД, переформировать отделы погранслужбы провинций в пограничные полки, сведенные в три пограничных округа.

Предполагалось, что пограничное ведомство ДРА, имея общую численность около 22 тыс. военнослужащих, будет располагать своими авиационными подразделениями и

тактическими мобильными резервами на наиболее важных участках. Для Афганистана, с учетом его «мятежных» границ, это был уровень ниже минимально потребного. Для сравнения: соседние Пакистан и Иран, имея почти одинаковые по протяженности границы (но более спокойные), содержали в то время погранслужбы в 1,5–2 раза превышающие по численности даже проектируемую погранслужбу ДРА.

На обоих этапах проблема проще решалась с вооружением и техникой, поскольку наши заявки были приняты почти с оптимальными сроками поставки из Союза. Мы рассчитывали, что в отличие от прошлого сумеем с помощью молодежных организаций НДПА и органов АГСА организовать призыв пригодного к службе на границе молодого пополнения. Сложнее было с офицерами. Их требовалось около 600 человек, а учебные заведения и краткосрочные курсы (при академии царандоя) этой проблемы не решали. Полагаться же на призыв в качестве офицеров различного рода экстерников (бывших студентов, выпускников колледжей и пр.) в подразделения, которые практически действуют в боевых условиях, было бы просто неразумно. Оставалось надеяться, что армия, и МВД, реально заинтересованные в укреплении погранслужбы и охраны границ, окажут ей в этом посильную помощь.

В ходе работы над проектом провели несколько рабочих встреч с министром внутренних дел Ш. Маздурьяром, его заместителем Таруном. Побывали и в министерстве обороны — у Якуба. Замысел и остальные мероприятия этого плана они поддерживали, но в отношении выделения офицеров дружно ссылались на Амина: как он скажет, так и будет. Это уже настораживало. К тому же осознанно или нет, но среди наших советников в МВД возникло предположение (а оно сразу же стало известным и в МВД, и в Министерстве обороны) о скорой якобы передаче погранслужбы ДРА в АГСА. В действительности об этом и речи

быть не могло, учитывая, что сама АГСА тогда была довольно слабой. Мы постарались сразу же развеять эти домыслы, но позиции пограничников это не укрепило.

17 апреля состоялась встреча с Амином, на которой рассматривался этот план. Присутствовали руководители МВД ДРА, а также Л. П. Богданов, полковник В. А. Кириллов и автор этих строк. Учитывая, что Амин уже был знаком ранее с основными наметками плана, я ограничился кратким изложением замысла основных мер усиления погранохраны и источников ее пополнения офицерами (предлагалось ежегодное поступление: из армии 50–60 офицеров и по 40–50 офицеров из академии царандоя (МВД), из партийного набора в организациях НДПА, с курсов сержантов-пограничников и из гражданских вузов). Амин внимательно все выслушал и сказал, что с предложениями этими он «согласен на сто процентов», но хотел бы высказать и некоторые соображения (привожу их почти дословно).

«1. Мы находимся в состоянии войны с Пакистаном, у нас с ним нет границы, и все вопросы там решает армия. Когда там закончатся боевые действия, тогда можно посылать туда пограничников (справка: там, на границе, т. н. «линии Дюранда» всегда находились афганские пограничники — 8–9 погранбатальонов). А пока мы не должны нарушать традиционные связи племен, и там нужен обычный контроль за провозом оружия и боеприпасов. Нам, прежде всего, нужно закрыть границу с Ираном.

2. Нам не нужны погранвойска на севере (имеется в виду граница с СССР — *Ю. Н.*). Но там появились банды мятежников, и это дискредитирует нас. Там стоят наши 17-я и 18-я пехотные дивизии. Дайте гарантию, что там все будет в порядке, и я отдам вам обе эти дивизии, пусть они решают все вопросы...

3. Для нас армия — основа всего, а у нее самой некомплект офицеров — 11 тысяч человек, поэтому дать офице-

ров пограничникам она не может. Такое же положение с кадрами в МВД и НДПА. Словом, нужно искать источник пополнения офицеров среди самих пограничников и в гражданских вузах...»

Поскольку этими «соображениями» Амин практически дезавуировал свое же «стопроцентное согласие с планом», пришлось на это возразить ссылкой на опыт других стран. Пояснили, что надежная охрана границы всегда была и остается гарантом стабильных межгосударственных отношений, ограждает сопредельные стороны от различных инцидентов и конфликтов. Безусловно, в зоне боевых действий роль и задачи пограничных подразделений определяет военное командование. Но на границе с Пакистаном, насколько нам известно, масштабных боевых действий нет, а есть периодические локальные боевые столкновения с бандами в приграничных районах. Надежно же препятствовать заброске оружия и боеприпасов из Пакистана можно только подготовленными и достаточно оснащенными силами погранслужбы.

Армия (в нынешней ситуации) не может выполнять функции пограничников, в том числе и на севере (в зоне ответственности 17-й и 18-й пехотных дивизий), а существующий договор о режиме границы между СССР и Афганистаном четко определяет функции пограничных (а не армейских) властей обеих сторон. Подчеркнули, что в складывающейся ситуации в интересах и армии, и МВД иметь боеготовую и эффективную погранохрану, и это оправдывает участие Минобороны и МВД в ее укреплении.

Все изложенное Амин воспринял без возражения, попросил оставить ему обсуждаемый план («надо подумать») и к нему предложения-расчеты к нему. Надо заметить, что эти заявления Амина для нас не были каким-то особым откровением. Эти взгляды, в той или иной форме, высказывались им и его окружением и ранее. Мы знали, что непризнание в качестве границы с Пакистаном так

называемой «линии Дюранда» руководство ДРА использует как свой козырь в борьбе за влияние среди пуштунских племен, расселенных по обе стороны границы.

Был и другой немаловажный фактор, обычно умалчиваемый афганскими властями — зависимость внутреннего рынка (а, по сути, экономики страны) от свободного (контрабандного) перемещения грузов через границы с Пакистаном, Ираном и Китаем. Словом, проблемы закрытия этих границ ранее не волновали ни королевский режим, ни первоначальное руководство ДРА. Но ситуация резко изменилась и потребовались новые решения (20 апреля в беседе с иностранными корреспондентами Амин заявил о необходимости усиления охраны границы с Пакистаном). Как известно, потом понадобятся срочные меры по прикрытию любой ценой наиболее опасных участков границы. Но это будет потом, и будет уже поздно.

На второй день по аппарату «ВЧ» разговаривал с генералом В. А. Матросовым. Я кратко доложил результаты встречи с Амином и свои впечатления. Попросил положительно решить нашу заявку на оружие и технику для афганских пограничников и некоторые другие наши запросы. Владимир Александрович ответил утвердительно, потом поинтересовался, как долго я намерен тут быть? Я ответил, что, во-первых, это от меня не зависит, а, во-вторых, обстановка с каждым днем ухудшается. «Ну, уж и ухудшается, — вдруг ответил В. А., — Подумаешь, две-три бандежки появились. А у нас тут дел невпроворот. Так что давайте, заканчивайте там побыстрее и возвращайтесь...»

Разговор этот меня обескуражил. Подумалось, уже если такой опытный руководитель, как Матросов, может так оценивать ситуацию, значит, информация отсюда по другим каналам в Москву была более оптимистична, нежели наши доклады.

Тем не менее, тогда казалось, что многое можно поправить, и это придавало уверенность. Понемногу налажи-

валось управление, связь с границей, сбор информации и ее анализ. Прибывшие из Союза в первой декаде апреля офицеры-пограничники (8 человек) в качестве советников убыли в отделы погранслужбы провинций. С их прибытием туда заметно улучшилось прохождение информации, возрастала активность пограничных подразделений.

Укреплялся и Отдел погранслужбы МВД ДРА. В его штат были впервые введены начальник штаба, начальник политотдела, начальник разведки, и несколько других должностей. Положительно зарекомендовала себя и организованная в марте система совместного (Минобороны, МВД, АГСА) ежесуточного сбора обобщения информации по стране. Была завершена подготовка Временного устава пограничной службы ДРА.

Казалось бы, дело налаживается, но объективная информация показывала возрастающую активность мятежных сил в стране и их широкую поддержку из-за рубежа. Вот, к примеру, события из наших сводок с 20 по 24 апреля 1979 г. В десяти провинциях ДРА обстановка оценивалась как наиболее сложная (преимущественно в южных). 20 апреля подняли мятеж отдельные подразделения 11-й пехотной дивизии (г. Джелалабад). Мятежники ворвались в штаб дивизии, в перестрелке было убито и ранено около 40 человек, в том числе командир дивизии майор Баграм. Ранены двое наших военных советников. Ночью переброшенными из Кабула десантными подразделениями мятеж был подавлен, часть мятежников разбежалась. Прибывший туда с оперативной группой начальник Генштаба майор Якуб, вместо разбирательства, устроил на месте расправу (расстрел) над группой задержанных военнослужащих (якобы мятежников) и сам принял в ней активное участие. Все попытки наших представителей КГБ ознакомиться с материалами этого дела оказались безрезультатными.

22 апреля в провинции Балх у реки Банди-Амир произошло столкновение подразделения царандоя с бандой, несколько военнослужащих были ранены, мятежники скрылись. 23 апреля попал в засаду на дороге Гардез — Хост и понес потери сводный отряд 25-й пехотной дивизии. В тот же день в провинции Кандагар мятежники совершили нападение на волостной центр Шуровак. Нападение было отбито. 24 апреля в этой же провинции мятежники совершили нападение на погранпост «Спинахула», но понесли потери и отошли к границе. 24 апреля в провинции Пактия мятежники блокировали в районе Зерок пехотный батальон и два пограничных поста. На помощь из Ургуна был выдвинут отряд поддержки. В тот же день в провинции Нангархар в районе Хисарах произошло боестолкновение погранроты и команды царандоя с группой мятежников. Мятежники были рассеяны, несколько человек взято в плен.

В Кабуле в ходе операции АГСА была задержана вооруженная группа, готовящая теракты. В городе распространялись антиправительственные листовки. В них обычный набор угроз «отметить» годовщину Апрельской революции. Власти, конечно, нервничали и все силовые ведомства, что называется, «стояли на ушах».

Оценивая обстановку того времени, нельзя не отметить, что при всей ее сложности, она все-таки отличалась от тревожного лихолетья 1980 г. большей уверенностью в ее стабилизации. Тогда сообщения о нападениях мятежников, о терактах и диверсиях в какой-либо провинции (и даже в Кабуле) воспринимались и афганскими друзьями, и многими из нас, как что-то почти неизбежное и обычное, подмеченное еще классиком марксизма «Революции без контрреволюции не бывает».

Годовщина Апрельской революции в 1979 г. отмечалась по всему Афганистану с большим размахом. Кабул 27 апреля утопал в цветах, знаменах, лозунгах и многочислен-

ных портретах Тараки (уверен, по этой части они перещеголяли даже наших вождей). Красочными были и военный парад (наша школа!), и демонстрация граждан (в большинстве вооруженных). Таким же интересным был и спортивный праздник 28 апреля на городском стадионе. В городе повсюду гуляющие группы молодежи, учащихся — веселые и шумные.

Большим событием в эти дни стало пребывание в Кабуле Э. Пьехи с небольшой группой артистов. Ее выступления в советском посольстве (а затем и повторные — для иностранных послов, аккредитованных в Кабуле) были выше всяких похвал. Но главный сюрприз — исполнение наиболее популярных в Афганистане песен на дари в Кабульском университете и Доме народов — вызвал бурю восторга. Уверен, что подобное выступление артиста эффективнее многих дорогостоящих и масштабных пропагандистских кампаний.

Припоминаю эти эпизоды, чтобы подчеркнуть, что на начальном этапе Апрельской революции у нее было много сторонников — искренних и верных. В поведении и поступках молодой афганской элиты (особенно военной) тех дней было что-то от нашей революции 1917 г.: бесконечные совещания, собрания, митинги с громкими революционными призывами. Молодые военные руководители в большинстве своем держались скромно и не пытались выделиться: не занимали богатых квартир, не соглашались на предложения о повышении им зарплаты (в Афганистане военные традиционно получали зарплату не по должности, а по званию) и прочих льгот. Молодые майоры и капитаны, ставшие крупными военными руководителями, невзирая на настойчивые рекомендации наших советников, отказывались от досрочных воинских званий, подчеркивая, что «мы не для этого делали революцию».

Смотрю сохранившуюся от тех дней газету «Кабульские новости». На первой полосе цветной снимок: Н. Та-

раки и Х. Амин поздравляют майоров Ватанджара (министр обороны), Якуба (начальник Генштаба) и Экбаля (начальник Главпура) с присвоением им очередного воинского звания «подполковник». Трое, молодые и красивые, с ожерельями из живых цветов на шее (по афганскому обычаю) они радостно улыбаются, полуобняв друг друга.

Кто знал тогда, что пройдет менее года и Ватанджар будет вынужден скрываться от ищеек Амина после убийства ими Тараки, затем вернется в Кабул с нашими десантниками, а Якуб и Экбаль, защищая Амина, разделят его участь?

Но это будет позже. А пока в Кабуле повсюду звучала музыка, было людно и празднично. К тому же в эти дни обстановка в городе и в целом по Афганистану была относительно спокойной.

Последние дни апреля были заняты уточнением и доработкой плана совершенствования погранохраны, рассмотренного у Амина 17 апреля. К сожалению, развитие обстановки в некоторых приграничных провинциях опережало наши меры. Ухудшилась ситуация в пограничных подразделениях на границе с Пакистаном в провинциях Кунар, Нангархар, Пактия и Пактика. Почти изолированные от сил поддержки, не имеющие централизованного управления, плохо снабжаемые, они в любое время могли быть захвачены, либо уничтожены более сильными формированиями мятежников. Сохранить существующую там систему охраны хотя бы на наиболее важных направлениях можно было лишь, введя эти пограничные батальоны в штаты дивизий, дислоцированных в приграничных провинциях. Разумеется, возложив при этом на командование дивизий и ответственность за охрану этих участков.

Руководство МВД ДРА эту идею одобрило, включив сюда и два резервных батальона царандоя, размещенных в тех же провинциях. Всего предполагалось переподчинить дивизиям 10 пограничных батальонов.

Для сохранения боеспособности подразделений на других участках границы было решено ускорить меры по объединению мелких подразделений (постов) в более крупные. В провинциях с наиболее сложной обстановкой предусматривалось создание сводных отрядов царандоя, включив в них, кроме собственных мелких подразделений, и вооруженные группы местных ополченцев. Для более четкого управления силами царандоя при заместителе министра внутренних дел, командующим царандоем (в то время капитан Тарун), формировался специальный отдел по борьбе с бандитизмом.

30 апреля для обсуждения этих вопросов с участием Таруна провели рабочую встречу с начальником Генштаба Якубом и его советниками. Начало совещания едва не переросло в скандал. Якуб, оценивая ситуацию в своей обычной резкой манере, негативно отозвался о роли царандоя, который, по его мнению, «надо подчинить армии и навести там порядок». Тарун в долгу не остался и посоветовал навести порядок вначале в самой армии. Возникла перепалка, и советники с трудом примирили своих «подсоветных». Тем не менее предложения наши были одобрены и включены в сводку для Амина. А бурное начало встречи завершили нехитрым товарищеским ужином.

Из всех руководителей силовых ведомств Афганистана наиболее частым гостем был — Асадулла Сарвари, начальник службы безопасности ДРА (АГСА). Точнее гостем Б. С. Иванова и Л. П. Богданова и, естественно, эти встречи не афишировались, думаю, в том числе и самим Асадуллой, и проходили обычно на одной из вилл, занимаемых представительством КГБ.

Высокий, статный, с постоянной улыбкой, любитель шутки, он внешне мало подходил на роль шефа своего небезгрешного ведомства. Военный летчик по профессии, он стал чекистом, как у нас говорили, по призыву революции. При знакомстве со мной он в шутливой форме пове-

дал о своей первой встрече с нашими пограничниками в Термезе, куда он со своим экипажем перегонял для ремонта королевский вертолет, напичкав его контрабандным ширпотребом, что и было обнаружено.

Он с интересом воспринял версию о готовящемся якобы переподчинении погранохраны из МВД в АГСА (она, как известно, не подтвердилась), хотя и понимал, что его ведомству будет сложно управиться с этой структурой. Его подчиненные в приграничных провинциях всегда активно взаимодействовали с пограничниками и своими и нашими советскими, вошедшими позднее в северные провинции ДРА.

В отличие от армии, и даже МВД, где сохранились многие кадровые офицеры, служившие еще при Захир-Шахе и Дауде, в АГСА все начинали заново, как водится, методом проб и ошибок. Наша помощь этому ведомству по линии органов КГБ, безусловно, была существенной, но некоторые факторы, на мой взгляд, характерные для Афганистана, и тут играли свою роль. Во-первых, как и везде на Востоке, здесь каждый руководитель (волости, провинций, департамента, министерства и пр.) имел свою разведку, свой осведомительский аппарат (естественно, непрофессиональный), и по любому важному событию информации возникало столько, что в ней было сложно разобраться самому опытному аналитику. К тому же существовало много целенаправленной дезинформации, провоцирующей иногда правоохранительные структуры на ошибочные действия.

Другой негативный фактор — своеволие и беззаконие многих руководителей (губернатор, командир корпуса, дивизии, секретарь парткома и др.), по приказам которых и утверждаемым ими спискам часто производились аресты, в том числе и офицеров, без достаточных на то оснований. К тому же, властный Амин не обошел своим вниманием и это ведомство, последовательно внедряя в него сво-

их людей и даже родственников. Многие репрессивные акции (довольно часто — как ответ на теракты мятежников) совершались органами АГСА и МВД по его прямому указанию.

На встречах с Саврари и Борис Семенович, и Леонид Павлович популярно объясняли ему, что такое «нарушение законности» и чем оно обернулось в СССР в конце 1930-х — начале 1950-х годов. для руководителей НКВД-МВД. Кажется, Саврари все это понимал, но ему трудно было вырваться из пут Амина. Он до конца оставался верным Тараки, едва избежал расправы аминовской охранки в сентябре 1979 г. и вернулся в ДРА уже после свержения Амина.

Как и предполагалось, в мае резко возросла активность мятежников — фактически по всему Афганистану. Власти ДРА, казалось бы, многое делали, чтобы ослабить ее. Многие решения Высшего совета обороны страны и ЦК НДПА были актуальными и целесообразными по замыслу (к примеру, формирование «Комитетов защиты революции» из числа членов НДПА и других добровольцев; меры по укреплению боеспособности частей и подразделений армии и царандоя и др.). Но, как и в прошлом, завершить их реализацию не удавалось, так как сказывались межведомственная разобщенность и неорганизованность, а в ряде случаев (особенно в провинциях) — прямое игнорирование решений и указаний центра.

У мятежников, напротив, просматривалась более четкая скоординированность действий. Практически в Афганистане развертывалась гражданская война, где оппозиционные режиму силы, поддерживаемые извне, применяли весь арсенал партизанской борьбы, диверсионно-террористических действий, сочетая их с активным ведением пропаганды и дезинформации. Главными объектами нападений мятежников были пограничные подразделения и армейские части, дислоцированные вблизи границы.

В провинции Пактия (граница с Пакистаном) в результате нападения мятежников понесла тяжелые потери пограничная рота в Дваманде. Высланный от 25-й дивизии отряд поддержки попал в засаду, понес потери и вернулся в гарнизон (г. Хост). Там же в середине мая при попытке очистить от мятежников сел. Ваза попал в засаду и понес тяжелые потери батальон 38-го пехотного полка.

Вскоре нападению крупного бандформирования подвергся и штаб 25-й пехотной дивизии, и дислоцированный там же 59-й полк. Нападение было отбито, но без потерь и тут не обошлось. Обстановка осложнялась брожением среди военнослужащих этой дивизии (дислоцированной вблизи границы), их нежеланием вести боевые действия. Там же, в этой провинции, попали в засаду и были убиты два наших военных советника, а в районе Саидхель (тоже вблизи границы) был обстрелян и сбит армейский вертолет.

В провинции Газни обстановка обострилась с появлением там крупного бандформирования с тяжелым оружием.

В первой декаде мая здесь подверглась нападению мятежников и понесла тяжелые потери пограничная рота в селении Двачина. Рота оборонялась в старой крепости, получая боеприпасы и продовольствие вертолетами.

В провинции Кандагар мятежники крупными силами совершали нападения на пограничные подразделения, при этом три пограничных поста ими были захвачены. В провинции Пактика понес тяжелые потери погранбатальон в селении Вазахва. Батальон около недели находился в окружении практически без боеприпасов и продовольствия. Обещанная поддержка от 14-й дивизии длительное время затягивалась под различными предлогами, и лишь вмешательство министра обороны Ватанджара спасло положение батальона. Но ситуация в этой провинции оставалась тяжелой, под контролем мятежников здесь находи-

лось два уездных центра и значительная часть приграничной территории. Аналогичное положение складывалось и в ряде центральных провинций. В провинции Бамиан, к примеру, части 8-й дивизии и подразделения царандая в течение всего месяца вели упорные бои с бандформированиями, пытавшимися овладеть центром провинций. И лишь к концу месяца правительственным силам с помощью авиации удалось вытеснить мятежников в горные районы. Обострение обстановки в приграничных районах ДРА на юге (граница с Пакистаном) и на востоке (граница с Ираном) власти Кабула объяснили в первую очередь враждебной политикой этих двух соседних государств и стоящих за ними других сил в отношении ДРА.

В этом была доля истины. Фактов об этой роли спецслужб США, Саудовской Аравии, Пакистана и других стран, включая и известных боевиков-террористов (Усами бен Ладен и пр.) ныне обнародовано много.

Но было трудно объяснить резкое обострение обстановки весной и летом 1979 г. в северных, приграничных районах с СССР провинциях, населенных в основном таджиками, узбеками, туркменами и другими этническими группами. Известно, что социально-экономическое положение в наших среднеазиатских республиках (при всех их проблемах в то время) было во много крат лучшим, нежели у их соплеменников в Афганистане. И не случайно зародившиеся еще в 1950-е гг. в северных провинциях этой страны полуподпольные молодежные революционные группы и организации («Вечное пламя» и др.) в своих программах не исключали присоединение этих провинций к некоторым республикам Средней Азии. В 1960–1970-е годы, в бытность мою тогда начальником штаба, а затем и начальником войск Среднеазиатского погранокруга, к нам через границу неоднократно переходили (разумеется, нелегально) из Афганистана ходоки — представители узбекских, туркменских и других племен, кланов с просьбой о

разрешении их людям перехода в СССР на постоянное жительство. И всякий раз по указанию из Центра мы отказывали им в этом, ссылаясь на добрососедские отношения с королевским режимом Афганистана.

Казалось бы, власти ДРА должны были иметь здесь хорошую опору и поддержку, а получалось наоборот. Те же таджики (а их в Афганистане насчитывалось более 3 млн. человек) — один из древнейших, богатых историей, но судьбой обиженных, разделенных народов, чей уровень жизни в сравнении с советскими таджиками был просто несопоставим — вместо поддержки новой власти повели с ней активную вооруженную борьбу. К тому же выдвинув из своей среды таких крупных руководителей, как Ахмад Шах Масуд и Б. Раббани, ставших в 1980-е гг. во главе Афганистана после падения правительства Наджибуллы. Здесь, на мой взгляд, кроме известных ошибок и перегибов властей ДРА, характерных для всех регионов (репрессии, притеснения священнослужителей, родовых авторитетов) свою негативную роль сыграл и махровый национализм Амина и его окружения, нежелание обеспечить равенство национальных меньшинств с титульной нацией — пуштунами. Последствия известны.

В мае возникла угроза захвата мятежниками г. Баламургаба (вблизи границы с СССР), где проживало много узбеков и туркмен. Особенно неудачно складывалась обстановка в другой северной провинции ДРА — Самангане. Здесь при попытке очистить ранее захваченный мятежниками район шахтерского поселка Дарай-Суф, сводный отряд 18-й дивизии понес тяжелые потери и отошел. Вслед за этим мятежники взяли под свой контроль несколько уездов этой провинции и создали угрозу захвата города Айбак. Два танка, захваченные мятежниками в районе Дарай-Суф, вскоре появились под Мазари-Шарифом. Аналогичная сложная обстановка возникла и в северных провинциях Герат и Кундуз.

В эти же дни в соседней с ними провинции Джаузджан началась крупная операция армейских частей и царандоя с применением авиации и артиллерии против крупного формирования мятежников. Однако применяемая армией тактика «утюга» — выталкивания и рассеивания — позволяла мятежникам сохранять силы и перегруппировываться. Были и более удачные действия правительственных сил, главным образом в южных и центральных провинциях (под Джелалабадом — пограничников и царандоя, частей 14-й дивизии и ополченцев в провинциях Урузган и Газни и др.), но повсеместно перехватить инициативу правительственным силам пока не удавалось. Формирования мятежников стали появляться в окрестностях Кабула, что усиливало нервозность руководства ДРА и силовых структур.

В первой половине мая в Генштабе ДРА состоялось оперативное совещание руководства Минобороны, МВД и АГСА с участием наших представителей и советников. Обсуждались вопросы взаимодействия силовых структур, меры по защите Кабула и замысел предстоящей операции в районе Газни (там мятежники практически блокировали части газнийского гарнизона). И тут не обошлось без взаимных упреков (на этот раз между руководством Генштаба и АГСА), однако согласованные решения по обсужденным вопросам все же были приняты, в том числе и наши предложения к замыслу и плану операции в Газни.

Спустя несколько дней в МВД ДРА состоялась рабочая встреча наших офицеров-пограничников, в том числе и советников в некоторых приграничных провинциях, с новым заместителем министра внутренних дел, командующим царандоем и куратором погранохраны ДРА майором Али-Шахом Пайманом, назначенным вместо Таруна. Присутствовали также начальники ведущих отделов МВД.

Али-Шах — армейский офицер, до назначения несколько месяцев был командиром центрального армейского корпуса, ставленник и активный сторонник Амина. На встрече было объявлено об утверждении руководством ДРА ряда наших предложений, касающихся погранохраны, заслушаны доклады и соображения некоторых советников и начальников отделов. Были также рассмотрены вопросы технического оснащения пограничных подразделений с учетом поступающей техники и вооружения из СССР. От имени руководства Али-Шах поблагодарил наших офицеров за оказываемую помощь.

16 мая ситуация в стране обсуждалась у Н. Тараки с участием Х. Амина, руководителей Минобороны, МВД и АГСА. Присутствовали также наш посол А. М. Пузанов, главный военный советник Л. Н. Горелов, Б. С. Иванов и автор этих строк. В выступлениях участников совещания отмечалось неудовлетворительная реализация решений Высшего совета обороны от 27.03.1979 г., особенно в части координации усилий армии, МВД и АГСА в борьбе с мятежниками. Якуб настаивал на объединении управления всеми разнородными силами в Генштабе, но поддержки в этом не получил. Там же было одобрено предложение руководства Минобороны о доукомплектовании и усилении 12, 20 и 18-й дивизий. По каким-то причинам на этом совещании не выступил новый куратор погранохраны майор Али-Шах, для которого были подготовлены предложения по ряду пограничных вопросов (нам он сообщил, что передал их Амину).

В заключительном выступлении Н. Тараки одобрил обсуждаемые предложения и призвал силовые структуры к более тесному сотрудничеству. Касаясь обстановки, он назвал иранский «хомейнистский фронт» против ДРА наиболее агрессивным (подобное ранее утверждал и Амин), и это было довольно странным. Удивил и его упрек в адрес наших советников за большие потери в двух аф-

ганских батальонах в провинциях Пактия и Пактика («Ваши товарищи не досмотрели...»), хотя он и завершил свое выступление благодарностью советским специалистам. Как видим, иждивенческие настроения зарождались тут на раннем этапе и среди самого руководства ДРА.

Удивляло и другое. На подобных совещаниях, в том числе и ведомственных, с участием руководства ДРА и силовых структур все проблемы борьбы с мятежниками рассматривались в основном по части наращивания сил и средств, увеличения боевой техники, оружия и пр. (естественно — из Советского Союза и, в основном, на безвозмездной основе). И почти не обсуждались вопросы оптимального применения сил и средств (особенно в условиях партизанской войны), равно как и причины потерь и неудач, и поиска наиболее эффективных форм и способов боевых действий в реальной обстановке. На мой взгляд, и влияние наших военных советников (находящихся тут с середины 1950-х гг.) на подобную ситуацию было довольно слабым. Спустя несколько дней после совещания Н. Тараки пригласил нашего посла А. М. Пузанова и, повторив свою озабоченность обострением обстановки (мятежники якобы контролируют уже пять провинций, а в двадцати они готовы к этому), просил сообщить в Москву его просьбы ускорить поставку боеприпасов, в том числе и повышенной мощности; прислать 20 вертолетов с нашими экипажами; ускорить поставку техники и вооружения для четырех дивизии и др. Александр Михайлович, по его словам, напомнил Тараки, что из Москвы уже сообщали о нецелесообразности направления в ДРА советских экипажей, но Тараки настойчиво просил повторить просьбу. Мнения наших представителей было единое — на это соглашаться нельзя, и такая телеграмма в Москву была отправлена.

Известно, что и Тараки, и Амин с весны 1979 г. все настойчивее пытались расширить масштабы нашего воен-

ного присутствия в Афганистане. Выдвигались разные идеи, предложения, и они многим известны. Хочу отметить, что с самого начала этой кампании большинство наших людей в представительстве КГБ (и пограничники, естественно) относились к этому негативно, поскольку считали, что приход наших войск с любыми благими намерениями чреват втягиванием их в изнурительную партизанскую войну с непредсказуемыми последствиями. Но, как видим, так считали не все.

В двадцатых числах мая с полковником В. А. Кирилловым совершили поездку в провинцию Нангархар, граничащую с Пакистаном. В поездке участвовали также два старших офицера Отдела погранслужбы ДРА и наш посольский переводчик. Дорога от Кабула в провинцию проходила по склонам горных ущелий, через перевалы, повторяя древний Великий шелковый путь. Дорога довольно оживленная, по ней проходил основной поток людей и грузов из Пакистана в Афганистан и обратно (около 500 автомобилей в сутки). Охранялась она стационарными и подвижными постами царандоя. Под Джелалабадом в сел. Дака побывали в отделе погранслужбы провинции и погранбатальоне. Батальон, как и другие, укомплектован чуть более, чем наполовину. С переходом в оперативное подчинение 11-й пехотной дивизии его взаимодействие и обеспечение несколько улучшилось.

Служба пограничных рот была организована в основном из мест постоянной дислокации постов. Отдельные направления периодически прикрывались укрупненными нарядами во главе с сержантами. Главная проблема заключалась в контроле за передвижением людей и грузов из Пакистана и обратно. В сплошном потоке перегруженных машин, верблюдов, ослов и просто толп бредущих людей настоящий контроль практически был невозможен. Основная задача контрольно-пропускного пункта состояла в поиске оружия и боеприпасов, предназначен-

ных для мятежников. Но ее выполнение было формальным, поскольку многие пересекающие границу кочевники, торговцы, охотники были вооружены. Маленький пример. Мое внимание привлек подошедший с пакистанской стороны к осмотровой площадке караван верблюдов (10–15), нагруженных большими тюками. Погонщик переднего верблюда имел за плечами старинную английскую винтовку «Бур», а на тюках крайнего в караване верблюда восседал погонщик с автоматом Калашникова. Хозяин каравана («караванбаши») — молодой индус в красивом зеленом бурнусе пояснил, что держит путь с товаром в Джелалабад, а караваны эти водил еще его отец. Раньше для охраны обходились одним-двумя охотничьими ружьями, а теперь вынуждены перевооружаться — на дорогах много желающих взять «бакшиш», дань, а то и просто ограбить. Здешние пограничники подтвердили, что знают этого торговца давно, за ним ничего плохого нет, и мы пожелали ему удачи.

В местечке Торгхам граница и дорога уходят к перевалу. На пакистанской территории наверху — пограничный пост (каменный) с амбразурами и стереотрубой на плоской крыше (газеты писали, что там недавно побывал небезызвестный Бжезинский и даже понаблюдал в эту трубу).

Настроение личного состава и офицеров, несмотря на многие проблемы с обеспечением и техническим оснащением, командование батальона, КПП и отдела погранслужбы оценивали как вполне удовлетворительное. Это подтверждали советник при органах АГСА провинции полковник Ф. Д. Кудашкин и советник при отделе погранслужбы майор В. Я. Жук.

Вечером состоялась встреча с министром по делам границ (он же временно исполнял обязанности губернатора), командованием 11-й дивизии, руководителями царандоя и АГСА, нашими советниками. Министр по делам границ занимался в основном проблемами пуштунских племен,

населяющих приграничные границы Афганистана и Пакистана, и к пограничной охране ДРА прямого отношения не имел. Его рассуждения о возможном привлечении (разумеется, за достойную плату) некоторых пуштунских племен к охране границы в этих районах мне показались интересными.

В 11-й дивизии после недавнего мятежа состояние тревоги не исчезало, и новое командование не скрывало опасений за боеспособность некоторых частей.

На Востоке, как известно, в отличие от умеренно-уравновешенного Запада, любая неожиданность, нестандартная ситуация могут вызвать острую, неадекватную реакцию с непредсказуемыми последствиями. Поэтому здесь при любом скоплении людей: на базарах, у духанов и в мечетях всегда можно ожидать любых неприятностей. В военных же коллективах, действующих в сложной обстановке, эта особенность проявляется довольно часто. Вот и на этот раз, во время нашей ночевки в городке 11-й дивизии не обошлось без инцидента. Перед рассветом, буквально под окнами нашей приезжей (окна были открыты из-за душной ночи) внезапно грохнул выстрел. В ответ последовали автоматные очереди откуда-то со стороны, а затем началась настоящая пальба. Не хватало только применения гранат и артснарядов. Невольно подумалось: уж не повторение ли это недавнего мятежа? Спустя пару минут, в комнату заскочил майор Жук. В руках автомат. Но ему, как и мне, было неясно, что происходит. Попытались позвонить по телефону, но бесполезно. Идти выяснять обстановку в этой ночной сутолоке — тоже не лучший вариант. Решили выждать, периодически проверяя связь. Вскоре стрельба стала понемногу утихать, а еще через пару минут позвонили вначале начальник особого отдела дивизии, а затем и Ф. Д. Кудашкин и сообщили, что первым стрельбу открыл (испугавшись чего-то) часовой, потом в стрельбу ввязалась караульная смена, дежурная рота, и

так далее... Утром, за чаем, командир дивизии по-восточному долго, витиевато и смущенно объяснял происшедшее, а мы дружно его успокаивали.

На следующий день в Джелалабаде с руководством царандоя и отдела погранслужбы провинции более подробно побеседовали об их проблемах. Положение было серьезным: в горно-лесистой, труднодоступной для техники местности мятежники группами легко проникали через границу по обходным, контрабандным тропам. Закрыть их надежно у пограничников не было сил, а действовать избирательно, по оперативным наводкам они не могли из-за слабой разведки. А ведь в этой провинции, кроме пограничников, стояли части 11-й пехотной дивизии, оперативный батальон царандоя и довольно солидные органы АГСА. Но подчинить эти силы единому замыслу по обеспечению безопасности пограничной провинции и страны никак не удавалось.

Наш советник при отделе погранслужбы майор В. Я. Жук здесь быстро освоился и все афганские офицеры, в том числе армейские, отзывались о нем с большим уважением. Общительный, находчивый, хороший профессионал, он быстро овладел служебно-бытовым минимумом на дари и обходился с афганцами без переводчика. Откровенно говоря, не всем присылаемым сюда нашим советникам это удавалось, и тем приятнее было видеть офицера, достойно выполняющего свою нелегкую миссию.

К сожалению, наша встреча с ним оказалась последней. Спустя немногим более полугода с приходом наших войск в Афганистан, майор Жук по просьбе армейского командования участвовал в воздушной разведке района предстоящей операции, и его вертолет «Ми-24» был сбит мятежниками...

Прошло столько лет, а я и сейчас его помню, словно встречался недавно — подтянутого, в армейском камуф-

ляже и афганском кепи, с неразлучным короткоствольным АКМ.

Во время поездки хотелось поближе познакомиться с Джелалабадом. Шутка ли, здесь когда-то останавливался Александр Македонский, тут была зимняя резиденция афганских правителей. Но удалось посмотреть город лишь накоротке, мимоходом. Запомнилось, что он не похож ни на Кабул, ни на другие афганские города: зеленый и чистый, многие дома (высоких зданий мало) буквально укрыты вьющимися растениями, цветами, повсюду обилие магнолий, роз. Многие жители в ярких тюрбанах, цветных халатах. Во всем чувствовалась близость Пакистана и Индии.

На пути в Кабул нас несколько раз останавливали вооруженные ополченцы — проверка. Подумалось: такую бы организацию контроля да на других дорогах Афганистана.

В Кабуле в нашем представительстве сообщили новость: получена информация о решении руководства ДРА (инициатива Амина) начать в ближайшее время операции в центральных провинциях (Бамиан, Урузган, Гор и др.) против хазарейцев, населявших в основном эти провинции.

К проведению операций планировалось привлечь добровольцев из пуштун в расчете на то, что они охотно примут участие в уничтожении хазарейцев-шиитов (сами пуштуны — сунниты). В качестве компенсации добровольцам обещано имущество репрессированных. Словом, намечались акции по уничтожению жителей и разграблению населенных пунктов, объявленных враждебными к власти ДРА. Вооружать эти отряды должны были органы МВД из своих запасов старого оружия.

То же о готовящейся карательной экспедиции поведал и наш советник при МВД Н. С. Веселков, ссылаясь также на конфиденциальную информацию министра Ш. Маздурьяра. При этом Амин якобы потребовал надежно зак-

рыть афгано-иранскую границу (в Иране, где основное население — шииты, всегда проявляли к хазарейцам повышенное внимание).

На следующий день с Леонидом Павловичем (Б. С. Иванов был временно отозван в Москву) пришли к послу. Александр Михайлович информацию эту посчитал очень серьезной и тоже склонялся к мнению, что необходимо жесткое заявление руководству ДРА о недопустимости такой акции. Однако он не считал возможным личное участие в этом, ссылаясь на особую специфику проблемы. Переговорили с Я. П. Медяником (заместителем начальника 1-го Главного управления КГБ, занимающегося в Москве этим регионом). Яков Прокопьевич, как всегда, не торопился с ответом, пообещав доложить руководству.

Спустя некоторое время позвонил В. А. Крючков (в то время начальник 1-го Главного управления КГБ) и сообщил, что «Владимиров» (Андропов) считает опасной эту затею властей ДРА. Он предложил мне встретиться с Амином, чтобы прояснить подробности этой акции и передать ему обеспокоенность нашего руководства. На следующий день с О. Акулиничевым (переводчиком посольства) мы были у Амина. Как и намечалось (целью встречи я назвал пограничные проблемы) вначале кратко сообщил ему нашу оценку ситуации на границе и, в частности в провинции Нангархар (по итогам поездки). Информацию Амин выслушал внимательно, сказав при этом, что он снимает высказанные им ранее возражения насчет создания органов разведки в погранслужбе (что предлагалось нами в комплексе мер).

Заявление о нашем желании получить от него разъяснение о том, насколько верны слухи о готовящейся якобы карательной экспедиции против хазарейцев — Амин воспринял настороженно, однако подтвердил реальность этого. Привожу почти стенографическую запись переводчиком состоявшегося разговора.

Н. Насколько известно, тов. Амин, основу этих отрядов составляют не военнослужащие, а гражданские добровольцы, пуштуны, негативно настроенные к хазарейцам-шиитам. Следовательно, пострадают мирные жители?

А. Мы не исключаем этого. Война есть война.

Н. Но если возникла необходимость проведения операции в этих районах, то почему не привлекаются военные или формирования из самих шиитов?

А. Военные у нас заняты другими делами, а среди шиитов у нас нет сторонников и друзей. Они биологически сродни китайцам, а их религия нам враждебна. И мы их будем уничтожать.

Н. Но вы, очевидно, понимаете, какую реакцию иранского руководства вызовут эти акции. И не приведет ли это к объединению всех шиитов против правительства ДРА?

А. «Шиитский фронт» против нас давно развернут, они открыто ведут против нас борьбу и мы отвечаем тем же.

Н. А вы не предполагаете, что это обострит и без того сложную ситуацию среди нацменьшинств ДРА?

А. Мы так не считаем. Противник использует против нас все средства, в том числе самые коварные, и нам терять нечего.

Н. Накануне встречи с вами я и мои товарищи говорили с Москвой. Мне поручено сообщить вам, что Ю. В. Андропов весьма озабочен подобными планами. Он просил передать вам, что это может ухудшить ситуацию и для ДРА, и для СССР. Что мне сообщить в Москву?

А. Мы подумаем, время еще есть. Просим передать привет и наилучшие пожелания тов. Андропову.

Вернувшись от Амина, обменялись мнениями у посла, подготовили и направили в Москву телеграмму. В ответ получили указание наблюдать за развитием событий, но история с хазарейцами понемногу поутихла, новой инфор-

мации не поступало и в сутолоке текущих дел об этом стали забывать. Однако спустя месяц стало известно, что один из добровольческих отрядов все-таки появился в провинции Бамиан, но в столкновениях с хазарейцами понес потери и был выведен оттуда. На этом карательная затея с «добровольчеством» и закончилась. В Кабуле же она завершилась кампанией арестов среди влиятельных хазарейцев.

В отличие от армии и царандоя, боевая техника, оружие и снаряжение к пограничникам ДРА попадали, как уже говорилось, по «остаточному» принципу. Теперь это было частично поправлено, и уже в мае 1979 г. в пограничные подразделения стали поступать (пока в ограниченном количестве) бронетранспортеры, минометы, радиостанции, полевые кухни и другое имущество и техника, направляемые из Союза.

С прибытием в конце мая второй группы наших офицеров-пограничников (15 человек) стала налаживаться советническая работа в пограничной службе ДРА, так как в афганской армии наши советники находились уже давно, а в пограничной охране она началась только с весны 1979 г. Нашими первопроходцами в этом деле были офицеры Ф. Г. Гарафеев, Е. В. Дудин, В. Я. Жук, И. А. Поляков и другие, ставшие советниками отделов погранслужбы в провинциях с наиболее сложной обстановкой. Первым всегда трудно, тем более, в условиях автономности пограничных подразделений, часто без связи, надежного транспорта и охраны.

В Кабуле активно помогали руководству погранохраны в организации штабной, оперативной и информационно-аналитической работы прибывшие в числе первых наши офицеры В. К. Новоселов и С. А. Полетаев.

С прибытием второй группы офицеров представилась возможность расширить наше присутствие в других приграничных провинциях, а также сформировать в Кабуле

группы советников для работы в Отделе погранслужбы ДРА и в академии царандоя (МВД), где обучались будущие пограничники. И, конечно, основная нагрузка по организации подготовки советников и других наших специалистов с их прибытием в ДРА лежала на полковнике В. А. Кириллове.

В июне 1979 г. обстановка в Афганистане оставалась сложной. И не только в приграничных, но и в центральных провинциях. Западные журналисты, находившиеся в Кабуле, связывали это только с ошибками режима Тараки — Амина. Подчеркивалось, в частности, нежелание руководства учитывать уклад жизни и традиции афганцев, попытки опереться лишь на армию и репрессивный аппарат. НДПА называли партией городской интеллигенции, руководство которой не желает понимать и учитывать нужды крестьянства, проявляет воинствующий атеизм и прямолинейную ориентацию на Советский Союз.

Конечно, многое в этих оценках было объективным, но справедливости ради надо сказать и о том, что враждебное давление извне на этот режим, о чем, естественно, умалчивали западные журналисты, было довольно сильным. Уже позднее станет известно, что за эти годы, включая пребывание в ДРА наших войск, мятежники получили военную и иную помощь на сумму свыше восьми млрд. долларов. К лету 1979 г. аппарат главного военного советника в Кабуле, к примеру, оценивал силы мятежников, включая вооруженные отряды племен в 40–50 тыс. человек. Как и в мае, наибольшая активность их проявлялась на юге и юго-востоке страны, в приграничных с Пакистаном провинциях. Рост численности и оснащенность современным оружием мятежников позволяли им решать уже более масштабные задачи: совершать налеты на уездные и даже провинциальные центры, блокировать и принуждать к сда.е отдельные подразделения правительственных сил, удер-

живать контроль над важными участками дорог и др. Так, в провинциях Кунар и Пактия подразделения 30-го полка длительное время вели боевые действия в окружении и понесли тяжелые потери.

В первых числах июня попал в засаду и понес потери 59-й полк 25-й дивизии. Здесь мятежникам удалось надолго блокировать г. Хост и установить контроль за дорогой Гардез — Хост. Почти в то же время в Пактии перешла к мятежникам с вооружением и техникой разведрота 12-й дивизии. В провинциях Пактика и Газни боевые действия правительственных сил велись с переменным успехом. В ходе удачно начатой операции 14-й дивизии, к сожалению, тоже не все прошло гладко: на завершающем ее этапе был разбит и потерял всю свою боевую технику один из сводных отрядов дивизии. Там же в первой половине июня с помощью армейского отряда поддержки удалось вывести из окружения (в сел. Двачина) пограничный батальон, тоже понесший серьезные потери.

В провинции Кандагар моторизованные группы мятежников 7–8 июня совершили нападение на погранбатальон в м. Дарвазой и погранроту в с.Маруф. Усилиями руководства МВД и губернатора, с помощью отряда поддержки и авиации мятежники были рассеяны. Более благополучно складывалась ситуация в приграничной провинции Нангархар. Здесь несколько попыток нападения мятежников на пограничные подразделения были отбиты. Удачно действовали и части 11-й дивизии. В районе г. Асадабад ими был разгромлен отряд мятежников, при этом в числе пленных оказалось и несколько военнослужащих пакистанской милиции.

На границе и приграничных с Ираном провинциях мятежники действовали в основном небольшими группами, но и они были достаточно мобильны и оснащены. Объектами их нападений были небольшие гарнизоны, местные органы власти и даже школы. Школы они, как

правило, сжигали, а учителей либо убивали, либо уводили с собой.

Иногда их действия носили скоординированный характер. Так, в провинции Фарах объединенная бандгруппа на мотоциклах совершила нападение на пограничную роту в местечке Колотайе-Назархан. Нападение отбили, но рота понесла потери, был убит и командир роты. В этой же провинции нападению подверглась колонна пограничников, были убиты и ранены несколько военнослужащих. На дороге Герат — Шинданд в засаду попала другая колонна пограничников, в которой находились наши советники офицеры П. И. Епишкин и В. К. Абдрашитов. Нападение отразили, при этом несколько афганских пограничников были ранены и один убит.

В северных (приграничных с СССР) провинциях повышенная активность мятежников отмечалась в провинциях Бадгиз и Бадахшан. В провинции Бадахшан неудачные действия и тяжелые потери 24-го полка позволили мятежникам захватить несколько важных населенных пунктов. Более удачно действовали правительственные силы в провинциях Балх и Баглан, активно поддерживаемые добровольцами из местных жителей. Возрастала активность мятежников и в окрестностях Кабула, и в самом городе. 23 июня они совершили нападение на полицейский участок в районе Майдана, захватив хранившееся там оружие. Почти одновременно в городе было произведено несколько взрывов и совершены нападения на другие объекты. Силами царандоя и АГСА нападавшие были рассеяны. И как уж повелось, вслед за этим в Кабуле последовали многочисленные аресты подозреваемых лиц.

Сложная обстановка на границе часто нарушала управленческий ритм и планы пограничного руководства ДРА, но отдел погранслужбы понемногу укреплялся и приспосабливался к ней. В отделе появились службы тыла, разведки, политработы и др. В середине июня в погранох-

ране ДРА произошла смена руководства. Начальником погранохраны был назначен майор Х. Махмуд Шах, кадровый офицер-танкист, окончивший академию «Пахантун», до этого назначения — начальник технического управления МВД. Пограничного дела, как и его предшественник, разумеется, не знал.

В ответ на тревожные донесения из Кабула, участились и звонки из Москвы. Запросы различной информации, указания — судя по всему, там тоже стали понимать (но лишь немногие!), что гражданская война в Афганистане — уже де-факто. Любой начальник не любит докладов о негативном, и заместитель Л. П. Богданова полковник В. А. Чучукин, офицер с хорошим чувством юмора, обычно начинал доклад так: «Обстановка у нас, товарищ генерал, стабильная, но небезнадежная...»

6 июня меня пригласили к аппарату «ВЧ» — вызывал Ю. В. Андропов. Он интересовался обстановкой, в том числе на границе с Пакистаном и Ираном, ситуацией с добровольцами-пуштунами (и кому принадлежит идея их формирования). После моих кратких ответов спросил, возможно ли надежное закрытие границы с Пакистаном и Ираном? Я ответил, что пакистанский участок (более 2000 км) со сложным рельефом, высокогорный, можно прикрыть надежно лишь избирательно, на отдельных участках. Но для этого потребуется трех-четырехкратное увеличение существующей там численности пограничников и применение специальных технических средств. На иранском участке эта проблема решается проще (местность горно-пустынная, легче контролируемая). Но и здесь нужны более сильные, хорошо оснащенные пограничные части, поскольку многие приграничные районы контролируются не властями ДРА, а мятежниками. Реально достичь этого (из-за ограниченных возможностей) можно лишь за счет использования части сил армии и царандоя (МВД), разумеется, после надлежащей их подготовки. Но руко-

водство ДРА (в частности, Амин) пока на это не решается, ограничиваясь минимальными силами. Ю. В., выслушав этот доклад без замечаний, сказал, что ситуация в Афганистане в ближайшее время будет рассматриваться на Политбюро, он ждет наших предложений из Кабула и к исходу 7-го (то есть завтра) хочет их заслушать.

В тот день до позднего вечера совещались у посла — обсуждали оценку ситуации и предложения. Утром 7 июня донесение было отправлено в Москву (в МИД, КГБ и Минобороны). Донесение, на мой взгляд, содержало объективную оценку ситуации в Афганистане и основные причины ее обострения. Но с предложениями дело обстояло сложнее. Главный военный советник (ГВС), ссылаясь на решения Высшего совета обороны ДРА и следуя своему принципу: «Здесь армия решает все», настаивал на включение предложений о поставке техники и вооружения для дополнительного оснащения четырех афганских дивизий. Но было опасение, что в условиях открытости границ ДРА и недостаточно эффективных действий частей афганской армии против мятежников, нередко без боя сдающих им боевую технику и оружие, такая практика и обременительна для нашей страны и бесперспективна в плане стабилизации обстановки в ДРА. Сама ситуация объективно показывала на необходимость укрепления в первую очередь сил безопасности — будучи профессиональными, надежными и мобильными, они могли бы охранять границу и вести борьбу с мятежниками. ГВС возражал, ссылаясь к тому же на директивы и указания из Москвы. Возникала острая дискуссия. Александр Михайлович (посол), работавший с ГВС в ДРА долгое время, занял нейтральную позицию. Нам тоже нельзя было затягивать с передачей в Москву предложений. Словом, передали компромиссный вариант. В этом донесении, кроме оценки ситуации и ряда предложений политического и военного характера, были и сугубо пограничные: создание учебного центра в Кабуле

для подготовки младших специалистов и других категорий афганских пограничников с участием наших советников и специалистов, а также выделение для пограничной охраны ДРА 8 вертолетов (с подготовкой экипажей у нас), 15–20 бронетранспортеров и 80–100 автомобилей повышенной проходимости и др.

Эти предложения, конечно же, не решали всех проблем охраны границы Афганистана, но рассчитывать на большее тогда не приходилось.

7 июня состоялся повторный разговор с Ю. В. Андроповым. Я доложил о направленном донесении. Ю. В. основные предложения одобрил, но выказал озабоченность противоречивостью информации из Кабула, поступающей от наших представителей (Минобороны, МВД, КГБ, МИД). Я попытался объяснить это отсутствием здесь полномочного представителя Москвы, которому были бы подчинены все остальные. Но Ю. В. это не поддержал: «Вас и так там много генералов, зачем еще кого-то посылать?» Пожелал успехов, и на этом разговор закончился. На следующий день состоялся разговор с В. А. Матросовым. Кратко доложил ему о наших делах и разговоре с Ю. В. Вадим Александрович сообщил, что наши предложения в основном одобрены и вскоре будут реализованы, кроме посылки вертолетов. Но вертолеты нам были тут крайне нужны, и я просил его направить пока хотя бы один-два, учитывая сложный афганский рельеф и активность мятежников на дорогах. В. А. обещал это, как только будут подобраны и подготовлены экипажи.

В череде событий и текущих дел июнь пролетел незаметно. 30 июня возвратился Б. С. Иванов. Этим же рейсом, по согласованию с Центром, я должен был вылетать в Москву, предположительно на месяц. Борис Семенович поделился впечатлениями о поездке в Москву, о встрече с Андроповым (Ю. В., по его словам, одобрил оценки и соображения, им высказанные).

В связи с отъездом посетил Амина и министра внутренних дел Ш. Маздурьяра. Амин выглядел бодро (недавние попытки сторонников Тараки отстранить его от шефства над силовыми структурами не удались) и просил передать приветы Андропову и Матросову.

30 июня вечером приземлились в Ташкенте. Здесь встретился с моими давними товарищами по службе в Средней Азии — командующим ТуркВО Ю. П. Максимовым и председателем КГБ Узбекистана Л. Н. Мелкумовым. Обоих интересовала и беспокоила ситуация в Афганистане, и нам было о чем поговорить в тот вечер.

Через несколько дней после прибытия в Москву состоялась встреча у Ю. В. Андропова. Присутствовали генералы С. К. Цвигун и В. А. Матросов. Я, как это принято, подготовился к докладу, но Андропов предложил вместо доклада высказать соображения по вопросам, его интересующим: что можно сделать (или поправить) с нашей стороны для достижения стабильности в ДРА и есть ли реальные возможности для надежного закрытия границы с Пакистаном и Ираном?

По ходу моих ответов Ю. В. задавал и некоторые другие вопросы. Он, безусловно, знал оценки нашего представительства в Кабуле основных факторов, обостряющих обстановку в ДРА и это освобождало меня от необходимости говорить о них. Я назвал лишь то, что, по-моему, представляло опасность для ДРА в ближайшем будущем: вероятность объединения пока разрозненных сил мятежников на основе исламского радикализма, включая и активизацию антиправительственного шиитского движения; открытость многих участков границы с Пакистаном и Ираном, что обеспечивало мятежникам нарастающую поддержку из-за рубежа и свободу маневра.

Неотложными мерами по стабилизации обстановки в ДРА мною были названы: улучшение работы с племенами и национальными меньшинствами (особенно в северных

провинциях, граничащих с СССР); усиление местных органов власти и их влияния на положение дел на местах. Мне казалось важным подчеркнуть также необходимость проведения руководством ДРА более активных мер по укреплению сил безопасности — частей пограничной охраны (план усиления, который нами был разработан) и оперативных частей царандоя, повысив их эффективность в борьбе с мятежниками.

Проблемы надежной охраны границы с Пакистаном и Ираном заключались не только в сложных физико-географических особенностях приграничных районов и слабых служебно-боевых возможностях афганской погранохраны, но и не последнюю роль играло традиционное для афганской элиты непризнание афгано-пакистанской границы («линии Дюранда»), нежелание ограничивать передвижение кочевых пуштунских племен из Пакистана в Афганистан и обратно. Серьезным негативным фактором я назвал установление мятежниками своего контроля в ряде приграничных районов и на границе, а для усиления там охраны границы эти районы и участки, естественно, должны быть предварительно очищены от мятежников. Сказал в заключение, что руководство ДРА (Амин) приходит к пониманию этой проблемы (ряд мер предпринят), но многое уже упущено, да и сохраняется тенденция решать эту проблему по старинке, по остаточному принципу.

Высказал мнение, что поскольку развитие событий опережает плановое укрепление погранохраны ДРА, то для прикрытия хотя бы важнейших участков, особенно на границе с Пакистаном, без участия армии теперь, видимо, не обойтись.

У Андропова и присутствующих руководителей замечаний по докладываемым мною соображениям не было. Как я и предполагал, не мог не возникнуть вопрос о роли Амина, его влияния на ситуацию. Привожу дословный

текст заготовки, которой я придерживался на этом совещании: «В настоящее время Х. Амин наиболее сильная личность в ДРА не только в силу своих личных качеств, особенно организаторских, но и в связи с тем, что его усилиями устранялись люди политически активные, особенно если они не разделяли его взглядов. Его сторонники ныне занимают руководящее положение в армии (кроме поста министра обороны), в МВД, в Кабульской парторганизации НДПА, в госаппарате и части провинций. В интересах закрепления своих позиций и подавления мятежников, Амин, очевидно, будет продолжать линию на поддержание с нами тесных отношений, добиваясь нашей помощи. Амин — ярый пуштунский националист, способный на самые неожиданные (и не всегда оправданные) решения».

Обсуждались и другие вопросы: надежность охраны народно-хозяйственных объектов нашего сотрудничества, причины волнения среди хазарейцев и др. В заключение Ю. В. поблагодарил за работу и доклад, в моем присутствии позвонил Н. И. Савинкину (в то время заведующий Отделом административных органов ЦК), предложив ему принять меня для беседы. Получив согласие, он поручил мне посетить Николая Ивановича и после отдыха (25–30 дней) вновь возвращаться в Афганистан («ситуация там сложная и работы много»). Встреча с Н. И. Савинкиным состоялась спустя несколько дней. Встретил он меня тепло и был внимателен. У меня же не было причин менять содержание и оценки первоначального (у Ю. В.) доклада, поэтому все обошлось нормально.

Отпускные четыре недели, в том числе сбор грибов и рыбалка на Валдае, где мы с женой Александрой Павловной побывали, прошли быстро, и надо было возвращаться в Афганистан. Однако в Главке, Вадим Александрович сообщил мне, что Ю. В. Андропов дал согласие на направление в ДРА постоянного представителя наших погран-

войск (идея эта исходила от Матросова). Мне же предстоит ознакомить его с делами на месте, представить афганским властям. На все про все мне отводился месяц. Мера эта была разумной, поскольку одновременно заниматься охраной границ Афганистана и делами штаба своих погранвойск было невозможно. В качестве такого представителя выбор пал на генерал-майора Андрея Андреевича Власова — хорошего профессионала, боевого офицера, прошедшего в погранвойсках большой путь от начальника заставы до начальника управления ГУПВ.

В Кабуле к тому времени уже был солидный советнический аппарат, созданный нами весной и летом 1979 г. — свыше 30 офицеров-пограничников. Из них непосредственно в провинциях (на границе) находилось около 10 офицеров, остальные состояли советниками и специалистами при отделе погранслужбы ДРА и пограничном факультете академии царандоя.

Нам не требовалось особой подготовки к выезду: в ГУПВ ситуацию в Афганистане стали отслеживать более тщательно, и информация накапливалась довольно полная и объективная. К сожалению, в июле и первой половине августа 1979 г. обстановка там не улучшалась. Неспособность (или нежелание?) руководства ДРА идти на такие меры, которые стабилизировали бы положение в стране, становилась все более очевидной и для Москвы. Признавая это, Политбюро ЦК КПСС на заседании 29.06.1979 г. отмечало, что «...рекомендации наших советников по этим вопросам (политическим, военным и пр. — прим.) афганским руководством практически не реализуются...»

Однако линия на увещевание и уговаривание афганских руководителей сохранялась. При посещении ДРА Б. Пономаревым (секретарь ЦК КПСС) во второй половине июля 1979 г. опять все завершилось тем, что Тараки и Амин настаивали на направлении в Кабул уже не одного-

двух советских батальонов, как было ранее, а двух дивизий. Пономарев же вполне логично считал это невозможным. У него хватило смелости высказать свою точку зрения по этому поводу. Другие же передавали подобные настойчивые просьбы Тараки и Амина, не высказывая собственного мнения.

В июле продолжалось укрепление позиций Амина. Министр обороны А. Ватанджар был перемещен на должность министра внутренних дел, а Ш. Маздурьяр (министр внутренних дел) — министра по делам границ и племен. Таким образом, министерство обороны окончательно перешло в прямое подчинение Амина, и это с удовлетворением было воспринято в нашем аппарате главного военного советника. Между тем обстановка в приграничных районах и на границе становилась все более угрожающей и диктовала необходимость серьезной реорганизации пограничной охраны — структурной и управленческой. Становилось ясно, что оперативное подчинение пограничных батальонов армейским соединениям при сохранении органов управления в МВД не решает многих проблем. При отсутствии реальных возможностей укрепления погранохраны в качестве самостоятельной структуры в сжатые сроки оптимальным являлся ее вывод из МВД и переподчинение армии. В тех условиях это была вынужденная мера, и к началу августа принципиальное решение об этом руководством ДРА было принято.

17 августа мы с А. А. Власовым присоединились к группе генералов и офицеров Главного штаба сухопутных войск, которые во главе с главкомом генералом И. Г. Павловским вылетали в Кабул. Группа Павловского направлялась для оказания помощи руководству афганской армии к подготовке соединений и частей к действиям против мятежников. На следующий день после прибытия в Кабул всей группой побывали у начальника Генштаба Якуба. Якуб считал, что обстановка в стране понемногу норма-

лизуется. Причиной же недавнего (5 августа) мятежа в Кабуле в 26-м парашютно-десантном полку и батальоне «коммандос» назвал групповщину среди офицеров и связи некоторых из них с мятежниками. Предложения о переподчинении пограничной охраны армии он считал правильными, но требующими некоторых уточнений и доработки.

В тот же день в составе группы генерала Павловского посетили мы Н. Тараки, представились, сообщили о целях прибытия. Тараки выглядел бодро, высказал удовлетворение оказываемой его стране поддержкой. перечислил наиболее значимые меры, осуществляемые правительством ДРА в текущем году по стабилизации обстановки в стране. Сказал, что даже мятежники признают пользу некоторых реформ, а основные усилия предпринимают для устранения его и Амина за их последовательную дружбу с Советским Союзом. Меры по укреплению армии назвал лечением больного, перенесшего тяжелую операцию («чистка», боевые потери и пр.), а советских специалистов докторами, призванными помочь больному.

На следующий день втроем (участвовали Б. С. Иванов и А. А. Власов) нанесли визит Х. Амину. После представления генерала А. А. Власова состоялась короткая беседа. Амин поделился впечатлениями о последних событиях в Кабуле (5 августа) и некоторых провинциях. Но его оценки, в отличие от Якуба, были менее оптимистичны. Мы поинтересовались его мнением о реорганизации погранохраны в связи с обострением обстановки в приграничных провинциях. Амин ответил, что саму идею реорганизации он, как и ранее, поддерживает, но нужна помощь с нашей стороны в проработке некоторых вопросов. Мы высказали готовность оказать необходимую помощь, и на этом встреча закончилась. Несколько дней наши офицеры-пограничники вместе с Отделом погранслужбы ДРА и офицерами аппарата Главного военного советника были

заняты разработкой и обоснованием мер по реорганизации погранохраны. Замысел ее состоял в том, чтобы усилить боевые возможности имеющихся (28) погранбатальонов за счет дополнительного увеличения их численности (она обычно не превышала 40–50% их штатной положенности), обеспечения их тяжелым оружием и техникой, а батальонов, находящихся в зоне боевых действий, — введения штатных разведывательных рот. В штаты дивизий, которым переподчинялись погранбатальоны, вводились отделы погранслужбы, ранее подчиненные царандою, а в Генштабе НВС ДРА создавалось Главное управление пограничной охраны. Предусматривалась передача в армию учебного центра и пограничного факультета академии царандоя. Общая численность погранохраны ДРА к исходу 1980 г. планировалось иметь около 14,5 тыс. военнослужащих (для сравнения: в СССР, а затем в Российской Федерации численность погранвойск с 1970 по 2000 г. была всегда не менее 170–200 тыс. человек). На большее нам тогда в Афганистане рассчитывать не приходилось.

Одновременно прорабатывались вопросы размещения и боевого дежурства в посольском городке отдельной мотострелковой роты, предназначенной для замены группы спецназа КГБ «Зенит», прибывшей в Кабул в первой декаде июля 1979 г. Официальной задачей этой группы считалась подготовка военнослужащих президентской гвардии (охраны), но, как известно, обстоятельства вскоре эти задачи поправили. Руководителем группы «Зенит» был полковник Г. И. Бояринов, преподававший в 1950–1960 гг. тактику партизанской борьбы и специальных операций в Военном институте КГБ им. Дзержинского. Я в те годы был слушателем этого института, знал Григория Ивановича, и при встрече в Кабуле нам было что вспомнить. У него были интересные идеи и замыслы о перспективах развития подобных «Зениту» формирований. Но судьба уготовила ему другую участь: при штурме дворца Амина в

декабре он был смертельно ранен, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

19 августа состоялось совещание оперативной группы генерала И. Г. Павловского с участием руководящих офицеров аппарата ГВС и наших представителей. В выступлениях участников совещания подчеркивалось, что, несмотря на возрастающую численность вооруженных формирований мятежников (около 40 тыс. человек), данных о наличии у них какого-либо единого центра (штаба) пока нет. Тем не менее их действия в отдельных провинциях носят скоординированный характер. Военные советники, находящиеся здесь, отмечали достаточно высокую оснащенность афганской армии боевой техникой и оружием (исключая автотранспорт): наличие у нее свыше 2300 орудий, минометов и птурс, около 700 танков, более 140 боевых самолетов и пр., и слабую эффективность их использования. К примеру, 90% ударов авиация наносила не по конкретным объектам и целям, а по площадям. В ряде случаев наносились удары непосредственно по населенным пунктам, занятым якобы мятежниками, — часто по прямым указаниям начальника Генштаба Якуба (его обычный аргумент при этом: «Там все — наши враги»).

На 1 августа текущего года было потеряно армией (сдано мятежникам): более 200 орудий и минометов, около 40 танков и БМП, 77 бронетранспортеров. Большинство выступающих состояние афганской армии оценивали оптимистично. Так, советник по линии Главпура политико-моральное состояние армии назвал удовлетворительным. Армия, по его словам, единственная ныне в Афганистане сила в борьбе с контрреволюцией, и с этой задачей в целом она справляется. Какие-либо кардинальные меры по улучшению боеготовности и подготовки соединений и частей ДРА с учетом реальной обстановки в стране на этом совещании не рассматривались.

Кстати, такой же оптимизм в оценке обстановки и состоянии афганской армии прозвучал накануне и в докладах главного военного советника и его заместителя по политчасти в Москве на комиссии ЦК по Афганистану. Вызванный тогда же из Кабула генерал Б. С. Иванов высказал иную, противоположную точку зрения, и это было, по его словам, откровением для некоторых членов Политбюро и руководства Минобороны (Д. Ф. Устинов, Н. В. Огарков).

В последней декаде августа была завершена (уже с участием генералов и офицеров из группы И. Г. Павловского) разработка предложений и расчетов по реорганизации пограничной охраны ДРА. Сложность состояла в том, что надо было отрабатывать не только необходимые нормативно-правовые и оперативные документы, но и грамотно перевести их на дари. В этой же связи нужно было решить и некоторые вопросы с руководством МВД ДРА.

На первой же нашей с генералом А. А. Власовым встрече с заместителем министра внутренних дел Али-Шахом, тот повел разговор о своем руководителе, министре А. Ватанджаре. Инициативно (и как всегда «сугубо доверительно») Али-Шах поведал о якобы антиправительственной деятельности «четверки»: Ватанджар, Маздурьяр, Гулябзой (министр связи) и Сарвари, связывая их деятельность с попытками мятежа в Кабуле 5 августа. Новостью для нас это не было, так как накануне в кабульском гарнизоне распространялись листовки подобного содержания, и мы об этом знали. Мы не проявили заинтересованности в этом разговоре («не наша проблема») и откланялись. В тот же день побывали у министра А. Ватанджара. Всегда приветливый, общительный, он на этот раз выглядел подавленно (травля аминовцами, безусловно, сказывалась), и мы постарались, ограничившись кратким сообщением о разработанных предложениях, завершить встречу. Обстановка вынуждала спешить с намеченными мерами.

В конце июля — начале августа афганские пограничники понесли тяжелые потери. В провинциях Герат, Фарах и Нимроз крупные формирования мятежников совершили нападение и захват нескольких пограничных постов. В провинции Пактия был окружен мятежниками и понес большие потери погранбатальон, а в провинции Кандагар подверглась нападению и была разгромлена пограничная рота в Маруф. На дорогах Герат — Кандагар — Кабул, Кабул — Джелалабад мятежники захватывали автотранспорт, людей и грузы. Среди заложников оказывались и иностранцы — голландцы, французы, поляки и другие, кто пренебрег предупреждениями своих посольств.

В этой ситуации правительственным силам иногда удавалось овладеть инициативой. Так, в провинциях Герат в результате масштабной операции, проведенной частями 17-й пехотной дивизии и подразделениями царандоя, мятежники понесли значительные потери, оставив занятые ими ранее несколько крупных населенных пунктов. Успешными были действия усиленного отряда 14-й пехотной дивизии в провинции Газни. Однако закрепить эти успехи властям в провинциях не удавалось.

Наибольшую активность мятежники проявляли в приграничных с Пакистаном провинциях, где армейские части и пограничные подразделения с трудом сдерживали свои позиции. Все чаще поступала информация о наличии у мятежников танков (пока единичных) и артиллерии. В третьей декаде августа к мятежникам перешел 30-й горно-пехотный полк, при этом были убиты военнослужащие — члены НДПА, политработники и офицеры военной контрразведки. В эти же дни тяжелые потери понесли 25-я пехотная дивизия, 55-й и 22-й отдельные полки. В таких условиях для пограничных подразделений было важно сохранить боеспособность и собственную безопасность.

Все эти вопросы, включая и организацию служебно-боевых действий уже в составе армейских соединений, мы

обсудили на трех дневных сборах с нашими советниками, находящимися в приграничных провинциях. Были проанализированы причины августовских потерь в пограничных подразделениях, согласованы принципы взаимодействия с органами МВД, АГСА и царандоем. Характерная особенность: наши советники подчеркивали, что многие неурядицы и несогласованность в действиях провинциальных властей объясняются групповщиной и клановостью, ведомственной отчужденностью чиновников. Словом, все как в Кабуле...

1 сентября вместе с генералом В. Я. Меримским (заместителем Павловского) вылетели в Герат. Побывали в 17-й пехотной дивизии, имеющей большую зону ответственности на границе с СССР и Ираном. Дивизия была неплохо укомплектована (при значительном некомплекте офицеров) рассредоточена побатальонно и поротно более чем в 20 пунктах. Обстановку в зоне ответственности командование дивизии оценивало как контролируемую. Активность мятежников отмечалась в районах западнее Герата, старая Кушка, Чагчаран и на дорогах Герат — Баламургаб, Герат — Шиндандт.

Погранбатальон (четыре роты и два КПП) был укомплектован на 55–60%. Границу контролировал лишь на отдельных направлениях, остро нуждался в доукомплектовании, пополнении вооружением и транспортом. В результате недавнего нападения мятежников и захвата ими нескольких пограничных постов, открытым оказался участок афгано-иранской границы от к. Кармана до Зульфагара (стык границ СССР, Ирана и ДРА) — около 150 км. Командование дивизии и царандоя, а также наши советники сообщали, что планируется операция по очистке этого участка от мятежников и прикрытие его двумя погранротами из Кандагара.

Вечером выкроили несколько часов для знакомства с городом. Герат — город древний, основанный, по легендам,

еще Александром Македонским — по пути в Индию. Занимает важное географическое положение и издревле именуется «западными воротами Афганистана». Он расположен в долине реки Герируд, с многочисленными каналами и арыками. Улицы прямые и широкие, нет столпотворения людей, машин и животных (в отличие от многих афганских городов). В старой части города сохранились остатки древней крепости, говорят, времен Тамерлана. Там же находится знаменитая гератская соборная мечеть Джам с многочисленными воротами, реставрацией которой руководил великий Алишер Навои. В городе много зелени, дорога в аэропорт буквально укрыта огромными соснами.

В Кабуле А. А. Власов и В. А. Кириллов сообщили, что 1 сентября они были приглашены Али-Шахом в МВД для беседы. Али-Шах, как и ранее, заявил о враждебной деятельности «четверки» (министров), которая якобы направлена лично против Амина и поддерживается Н. Тараки. Он не исключал с их стороны каких-либо силовых действий и настойчиво просил поставить об этом в известность посла и сообщить в Москву. Было ясно, что Али-Шах действует по указанию Амина, причем впервые Тараки открыто объявляется его противником, а это уже не исключает открытой конфронтации между ними с непредсказуемыми последствиями. Б. С. Иванов подтвердил достоверность этой информации другими источниками, и мы в тот же вечер пришли к послу.

Александр Михайлович оценивал эту информацию как весьма серьезную, и соответствующая телеграмма была отправлена в МИД и КГБ. Надо сказать, что борьба в верхнем эшелоне ДРА при нарастании активности мятежников действовала удручающе не только на наших афганских друзей, но и на нас. Порой возникало ощущение какой-то безысходности, неспособности не только афганских, но и кремлевских властей стабилизировать ситуацию в стране.

С прибытием оперативной группы генерала И. Г. Павловского активизировались действия афганской армии и сил безопасности. Применением авиации удалось поправить положение в провинции Кунар после ухода к мятежникам 30-го горно-пехотного полка, наладить снабжение по воздуху блокированных мятежниками частей в приграничной провинции Пактия. Несколько удачных рейдов провели части Гардезского гарнизона против мятежников, пытавшихся блокировать г. Гардез. 8 сентября началась крупная операция частей 8, 7, 12 и 14-й дивизий, подразделений и органов царандоя и АГСА в провинциях Газни и Пактия. В эти же дни в провинции Герат началась операция 17-й пехотной дивизии в приграничных с СССР и Ираном районах. Не нужно быть военным специалистом, чтобы понимать, сколько сил и материальных ресурсов при этом расходовалось.

К сожалению, итоги были весьма скромными: мятежники уклонялись от столкновений с крупными армейскими силами, отсиживались в горах, а затем наносили удары из засад по колоннам, мелким подразделениям и гарнизонам. В провинции Герат, к примеру, они вышли на подступы к Тургунди (Кушка) и завязали боевые действия с армейскими и пограничными подразделениями ДРА недалеко от нашей границы. В этой же провинции они совершили нападение на ряд строительных объектов и подразделения царандоя, а в соседней провинции Бадгиз блокировали Баламургаб (в 30 км от нашей границы), где оборонялись две пограничные роты и управление погранбатальона. Связь с ними была утрачена, а попытки армейских подразделений из Меймене оказать им помощь срывались засадами мятежников.

Возросла их активность и на подступах к Кабулу, особенно в восточной части. Здесь в первых числах сентября попал в окружение оперативный батальон царандоя и при попытке оказать ему помощь понес тяжелые потери отряд

поддержки, при этом был убит командующий царандоем Кабульской провинции. И, конечно, в этой ситуации абсолютно нелепо и необъяснимо выглядела борьба враждующих группировок Тараки — Амина: ведь было ясно, что с захватом Кабула мятежники не пощадят ни тех, ни других (что, кстати, и произошло позднее). Но что было, то было...

Характерно, что даже в этой обстановке Амин не отказывался от пуштунских притязаний. Так, 7 сентября на пресс-конференции в Кабуле на вопрос иностранного корреспондента — намерено ли правительство ДРА более прочно закрыть границы с Ираном и Пакистаном, он ответил утвердительно в отношении границы с Ираном. «...Что же касается границы с Пакистаном — заявил он, то здесь население пересекает границу в обоих направлениях... Кочевники же, число которых около 3 млн. человек, кочуют от реки Инд до Аму-Дарьи. В этих условиях вопрос о границе является очень сложным».

В эти же дни в посольстве состоялась негласная встреча А. Саравари (пока еще руководитель АГСА) и А. Ватанджара с генералом Б. С. Ивановым. Афганские министры утверждали, что в ближайшие дни, сразу после вылета Тараки в Гавану (там открывался Форум неприсоединившихся стран) Амин начнет аресты всех его сторонников в Кабуле и провинциях (естественно, их в первую очередь). Они оценивали это как заговор и выражали готовность упредить Амина, рассчитывая на поддержку своих единомышленников в армии, в частности, в 4-й и 15-й танковых бригадах (в Кабуле) и в Военно-воздушных силах. Надо заметить, что им вряд ли удалось бы реализовать этот замысел: позиции Амина в армии и МВД были более прочными. Словом, обоим руководителям посоветовали провоцирующих мер не предпринимать. Однако события разворачивались серьезные и на совещании у посла была подготовлена телеграмма в Москву. В ней подчеркивалась достоверность подготовки Амина к захвату власти и пред-

лагались некоторые меры по воспрепятствованию этому (вылет Амина вместо Тараки в Гавану, а в случае отказа Тараки от этого варианта, что и случилось, его предупреждение в Москве о замыслах Амина и пр.). Александр Михайлович предложил ознакомить с этой телеграммой генерала И. Г. Павловского и адресовать ее, кроме МИД и КГБ, в Минобороны. Возражений у нас не было, и он пригласил его в посольство («по срочному делу» — был уже вечер). Ждали его долго, прибыл он вместе с ГВС генералом Л. Н. Гореловым. Как-то нехотя пробежал текст телеграммы и вернул обратно, сказав, что подписывать ее не будет. На вопросы о причине отказа, ответил: «У меня здесь нет своей разведки, а иную информацию я подписывать не буду» (он, видимо, не считал «своими» возможности главного военного советника и резидента ГРУ в Кабуле). Возникла неловкая пауза, и Борис Семенович предложил направить телеграмму в два адреса — МИД и КГБ. Александр Михайлович согласился и донесение отправили. На следующий день из Москвы позвонил генерал В. А. Крючков (Б. С. Иванова в посольстве, не было, и я подошел к аппарату «ВЧ»). Он поинтересовался, знал ли об отправленной нами телеграмме генерал И. Г. Павловский? Получив утвердительный ответ, сообщил, что Павловский прислал (тоже вчера) свое донесение, в котором предлагает не верить слухам (?) о заговоре Амина, называет его нашим другом, сильной личностью, которого надо поддерживать. И добавил самое курьезное: Андропов и Устинов, получив каждый «свое» донесение, распорядились ознакомить с ним членов Политбюро. И те получили по две прямо противоположные оценки ситуации из Кабула. Ю. В., по словам Крючкова, потребовал срочно разобраться, почему так произошло? В заключение он пообещал передать нам некоторые детали из телеграммы Павловского и сказал, что ожидает доклада по этому поводу Б. С. Иванова.

Пару дней спустя стало известно, что руководство Минобороны донесение своего представителя из Кабула отозвало (дезавуировало).

Казалось бы, стоило ли сегодня вспоминать об этом эпизоде? Думаю, стоит, поскольку он наглядно показывает, сколь серьезны были противоречия между нашими представителями в оценке тяжелейшей обстановки в стране.

9 сентября состоялся разговор по «ВЧ» с генералом В. А. Матросовым. Вадим Александрович заслушал мой краткий доклад, поинтересовался, как осваивается с новой ролью генерал А. А. Власов и предложил мне возвращаться в Москву, сказав, что с руководством КГБ это согласовано.

На следующий день я побывал в МВД у министра А. Ватанджара и его заместителя Али-Шаха, чтобы попрощаться. Беседы были короткими и чисто формальными. Оба руководителя были вовлечены в борьбу Тараки и Амина (Али-Шах выступал на стороне Амина), и пограничные проблемы их уже мало интересовали.

11 сентября возвратился из поездки в Гавану Н. Тараки. Мы знали, что во время его остановки в Москве его должны были предупредить о замыслах Амина (что в действительности и произошло). В Кабуле его встречали и на этот раз с почестями, как всегда, но по городу уже ползли слухи и тревога нарастала. Визит мой к Амину (в тот же день) был довольно продолжительным. Присутствовал Али-Шах. Амин, обычно сухой, сдержанный, на этот раз был внимателен и любезен. Я изложил нашу точку зрения на вероятное развитие обстановки на границе и в приграничных районах Афганистана, состояние пограничной охраны и перспективы ее укрепления, в том числе при нашем участии. Включение ее сейчас в состав армейских соединений назвал мерой вынужденной, вызванной боевыми действиями и потерями. На перспективу выска-

зал целесообразным проработать вариант развития погранвойск ДРА как самостоятельной структуры, достаточно оснащенной и подготовленной. Амин согласился с этой оценкой и поинтересовался, буду ли я еще бывать в Кабуле? Я ответил, что это от меня не зависит, но здесь остается хороший советнический аппарат и наш представитель. Амин поблагодарил за помощь, просил передать приветы Андропову и Матросову.

Это была моя последняя с ним встреча. Тогда я и мои товарищи в Кабуле не ожидали ничего хорошего от его претензий на абсолютную власть, но, откровенно говоря, никто из нас не ожидал, что день-два спустя (13–14 сентября) здесь разыграются события, которые приблизят нас к непосредственному участию в афганской трагедии.

Наш спецрейс вылетал из Кабула 12 сентября, и у меня было время, чтобы попрощаться с товарищами. Многим в представительстве КГБ в Кабуле я был признателен за поддержку и помощь, особенно в начальное, наиболее трудное для меня, время. И в первую очередь генералу Л. П. Богданову. Потомственный пограничник, Леонид Павлович хорошо понимал пограничные проблемы и в трудные минуты всегда был с нами. Таким же внимательным и дружеским было отношение к нам и его ближайших помощников — В. Чучукина и Б. Кабанова.

Сколько воды утекло с тех пор, а мы и сейчас с Леонидом Павловичем нет-нет да и вспомним то жаркое кабульское лето 1979 г.

Недавно ушел из жизни Б. С. — Иванов Борис Семенович. Тогда, в 1979 г. мы поближе с ним познакомились, и между нами установились добрые, товарищеские отношения. И не только потому, что мы с ним в Кабуле жили под одной крышей и питались вместе (частенько по-походному и всухомятку): мы одинаково рассматривали ситуацию в Афганистане и были едины в оценке наших действий там. Б. С. тогда оставался в ДРА, и как человек инициатив-

ный и решительный, сыграл заметную роль в декабрьских событиях 1979 г.

Полковник В. А. Кириллов, будучи уже начальником отдела (пограничного) представительства КГБ тоже оставался в Кабуле. Он много сделал для становления в ДРА афганской погранслужбы и нашего советнического аппарата, и я был уверен, что он и с генералом А. А. Власовым хорошо сработается.

Афганские события цепкие. От них не отвяжешься, даже по прибытии в Москву, в штаб погранвойск. А они, эти события, нарастали в Кабуле стремительно. Теперь многие знают, что происходило 13–16 сентября 1979 г.: и отчаянные попытки наших представителей (посол Пузанов, генералы Иванов и Павловский) примирить двух вождей, и стрельба по Амину и его свите в Доме народов, где был убит капитан Тарун — верный слуга Амина, и арест самого Н. Тараки. Я не думаю, что Тараки был причастен к инциденту со стрельбой по Амину, практически в присутствии там нашего посла и двух генералов. Интеллигент-романтик, он был не способен на такие поступки. Скорее всего, это была инициатива его адъютантов, возможно, спровоцированная кем-то (не исключено, что и самим Амином). Настойчивость, проявленная им в переговорах с Амином в эти дни (по мнению генерала Б. С. Иванова) была вызвана, с одной стороны, предостережениями Москвы, с другой — организованной Амином кампании чистки и арестов сторонников Тараки в частях Кабульского гарнизона, а также травлей «четверки» (Ватанджар, Гулябзой, Маздурьяр, Сарвари) — верных ему министров. Но в этой схватке Амин был более решительным, Генштаб и большинство частей Кабульского гарнизона возглавляли его люди, ему симпатизировали и наши представители Минобороны в Кабуле. Амин стал Генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Ревсовета, сохранив пост и премьер-министра. В стране развернулась

широкая кампания по дискредитации Н. Тараки и его единомышленников. В директиве ЦК НДПА армейским и местным парторганизациями указывалось, что «потерпел неудачу заговор Н. Тараки с целью убийства Х. Амина...». Тараки и его сторонники именовались не иначе, как «банда Тараки». Было очевидно, что над Тараки готовится расправа. Об этом сообщали и наши товарищи из Кабула.

Однако в Москве, столкнувшись с разными оценками наших представителей в Кабуле деятельности и намерений Тараки и Амина, решили не торопить события. Вскоре после ареста Тараки в Кабул было дано указание: не отказываться от контактов с Амином и его окружением, по возможности удерживая его от репрессий в отношении сторонников Тараки. И пришлось Александру Михайловичу, нашему послу, ехать с поздравлениями к Амину — в связи с его «избранием».

Характерным в этом отношении было и совещание 21.09.1979 руководящего состава КГБ, на котором мне довелось присутствовать. В выступлении Ю. В. Андропова назывались основные причины обострения обстановки в ДРА. Действия Амина оценивались как негативные. Подчеркивалось, что «ныне реальная власть у Амина», а нам следует «учитывать объективную ситуацию и принимать все необходимые меры, чтобы сохранить сотрудничество и наше влияние на Амина». Сотрудникам КГБ (в том числе и нашим пограничникам) в ДРА ставилась задача: «оставаться на местах и помнить, что Амин понимает, где были наши симпатии, и не давать повода для обвинения нас...» и пр.

Тех, кто психологически не перестроился, предлагалось отзывать. Закончил Ю. В. призывом правильного понимания этих процессов каждым и напоминанием, что «развитие революции — не гладкая дорожка». Затем выступил его первый заместитель С. К. Цвигун.

Повторив популярный в то время тезис о постоянном внимании Политбюро ЦК и лично Л. И. Брежнева к афганской проблеме, он подчеркнул, что будут продолжены поставки в Афганистан оружия и боевой техники для борьбы с мятежниками. Сотрудникам КГБ в ДРА он, в дополнение к сказанному Ю. В., указал на необходимость «выяснять истинные намерения Амина» и помнить что в НДПА много честных партийцев, которые ценят дружбу с СССР.

Тревожный, нервный тон этих выступлений (других выступающих не было) создавал впечатление, что сентябрьские события в ДРА оказались неожиданными для нашего руководства, несмотря на многие серьезные сигналы из Кабула.

Амин, видимо, понимал эти колебания и, что называется, шел напролом: 9 октября радио Кабула сообщило о смерти Н. Тараки «после непродолжительной болезни». (В действительности он был убит 8 октября офицерами личной охраны Амина.) В стране началась очередная волна «чистки», но уже не «парчамистов», как ранее, а «хальк истов» — сторонников Тараки. При этом Амин и его окружение открыто выдвигали обвинения в адрес посла А. М. Пузанова и наших представителей в Кабуле в укрывательстве четырех опальных министров и чуть ли не в пособничестве покушению на Амина в Доме народов.

Обстановка в стране катастрофически ухудшалась и не только из-за действий мятежников. В середине октября сторонниками Тараки была предпринята попытка мятежа в 7-й пехотной дивизии, дислоцированной в Кабуле. Мятеж был подавлен верными Амину частями. Появилась информация о предпринимаемых Амином мерах по установлению контактов с руководством Пакистана и США, о секретных миссиях его эмиссаров к некоторым лидерам «непримиримой оппозиции» (Хекматьяр и др.) и в страны Западной Европы. Становилось все более очевидным,

что режим Амина не способен стабилизировать обстановку в стране. И вновь узурпация власти, ставка на репрессии множила ряды оппозиции, утверждала нелигитимность режима, его изоляцию от народа.

В конце октября 1979 г. комиссия ЦК КПСС по Афганистану в своей записке в ЦК оценивала обстановку в ДРА как очень сложную, отмечая возможные попытки Амина к сближению с США. Его отношение к СССР оценивалось как проявление неискренности и двуличия. Теперь многое зависело от того, насколько верно и взвешенно советское руководство определит отношение и степень нашего участия в судьбе этой страны.

ГЛАВА 2
Ввод советских войск в ДРА. Начало действий наших пограничных подразделений в афганском прикордоне

Чем столетье лучше для историка,
тем для современника печальней...

Н. Гладков

Среднеазиатский погранокруг: первые меры его усиления. Проблемы ввода войск в ДРА, меры на границе. Первые сообщения из Кабула. Формирование и действия наших СБО в афганском Припамирье. Первые операции и некоторые выводы. Меры командования ОКСВ по прикрытию границы ДРА. Вылет в Кабул. Встречи с нашими военными и афганскими представителями. Выезды в Кандагар, Шинданд и Хост. Неплановая встреча с Б. Кармалем. Доклад у Андропова. Наши операции в афганском приграничье: «Лето-80», «Осень-80». Проблемы подготовки Олимпиады-80.)

Давно подмечено: в делах военных, в том числе и пограничных, — ничто в точности не повторяется. Но бывают ситуации сходные, аналогичные тем, что были. И тогда опыт прошлого, помноженный на профессионализм, может быть полезен. Думаю, это относится и к начальному, и последующему периодам афганской кампании.

В декабре 1979 г. события в Афганистане отзывались на советско-афганской границе ростом ее нарушений с сопредельной стороны, появлением на некоторых участках бандгрупп мятежников вблизи границы. Поступали

сигналы о их попытках установить контакты с местными жителями нашей приграничной зоны.

Наибольшая активность мятежников отмечалась на западном Припамирье, охраняемом Московским и Хорогским погранотрядами. Непредсказуемость политики Амина и обстановки в этом регионе объективно привлекали внимание командования погранвойск КГБ к этому участку, охраняемому Среднеазиатским пограничным округом (САПО).

Укрепление САПО началось еще раньше, в связи с известными событиями в сопредельном Иране, где под ударами повстанцев-моджахедов Хомейни к началу 1979 г. пал проамериканский режим шаха. Как известно, 200-тысячная иранская армия, прекрасно вооруженная и напичканная американскими советниками и инструкторами, развалилась в одночасье при первых же столкновениях с отрядами моджахедов (кстати, подтверждение тому, что победа армии в борьбе с повстанчеством, партизанами весьма проблематична). В этой связи не исключались прямые вторжения американцев в Иран (что позднее подтверждали сами американцы) и возможное развертывание там гражданской войны со всеми ее последствиями.

Среднеазиатский пограничный округ, охранявший границу с Ираном (от восточного побережья Каспийского моря) и всю советско-афганскую границу, имел к тому времени десять пограничных отрядов, из них шесть на афганском участке. Погранотряды были полностью укомплектованы и в целом неплохо обеспечены в техническом отношении.

Советско-иранский участок и большая часть советско-афганской границы (кроме памирского) были оборудованы сигнализационными системами и контролирующими устройствами. На практике это обеспечивало достаточно высокую надежность охраны границы, позволявшую сво-

евременно пресекать даже одиночные попытки ее нарушения. Но округ не имел штатных тактических и оперативных резервов, малочисленной была и его авиация. Наиболее уязвимым считалось восточное побережье Каспия к югу от Красноводска, и для повышения надежности его охраны в 1978 г. здесь был развернут пограничный отряд (штаб — в г. Небит-Даг) и дивизион сторожевых катеров (Красноводск).

С весны 1979 г. ситуация в Афганистане ухудшилась, и это требовало повышенного внимания уже к советско-афганской границе. Первоначальные меры здесь определялись штатными возможностями самого округа и некоторой поддержкой Центра.

Была усилена разведка приграничных районов Афганистана, в погранотрядах, прикрывавших участки, где отмечалась повышенная активность мятежников в сопредельном приграничье (Хорогский, Московский и др.) были сформированы в качестве резервов маневренные группы. Погранзаставы получили дополнительный запас боеприпасов и материальных средств.

Поступающая из Кабула информация от наших представителей не вселяла оптимизма: мятежники, воспользовавшись борьбой за власть кабульского режима, значительно расширили свой контроль в приграничных провинциях, особенно на юге и юго-востоке. Из-за тяжелых потерь афганских пограничников открытыми оказывались многие участки границы. Было вполне очевидно, что с приходом к власти Амина ситуация в ДРА еще более обострилась, поскольку в борьбу (открыто или скрытно) включились и сторонники Тараки.

В ноябре возвратился в Москву наш посол в ДРА А. М. Пузанов (почти в то же время произошла замена и главного военного советника там). Александр Михайлович не строил иллюзий о перспективах развития ситуации в Афганистане, хотя его оценки в отношении Амина

были более сдержанными и он не исключал возможность сохранения там нашего влияния.

Действительно, в первой половине декабря складывалось впечатление о некоторой стабилизации наших отношений с режимом Амина (по крайней мере, по информации из Кабула). Х. Амин, укрепляя свои позиции, расставлял на ключевые посты верных ему людей. Он не оставил попыток вовлечь в разгоревшуюся борьбу советские воинские части, предлагая на этот раз ввести их (подразделения МВД) в северные провинции ДРА. Перенос его резиденции во дворец Тадж-Бек (ранее там размещался штаб Кабульского гарнизона), безусловно, был вызван соображениями личной безопасности.

Летом 1979 г. по его настойчивой просьбе (и с санкции Центра) мы провели с участием наших офицеров инженерной службы рекогносцировку местности, примыкающей к этому дворцу (сам дворец расположен на холме), для изучения условий его прикрытия (защиты) сигнализационно-заградительной системой. Были составлены все расчеты и план ее строительства, доставлены материалы, но августовские и, особенно, сентябрьские события в Кабуле дали повод притормозить это дело, а потом и вообще отказаться от него. И весьма кстати (как потом оказалось при штурме этого дворца).

В декабре 1979 г. обстановка в Афганистане и информация оттуда наших представителей не предвещали резких изменений.

В двадцатых числах декабря я с небольшой группой офицеров штаба находился в Среднеазиатском погранокруге на советско-афганской границе. Завершив дела в Керкинском погранотряде, мы припозднились с вылетом, но экипаж вертолета был допущен к ночным полетам и, согласовав условия посадки в Термезском погранотряде, наша группа направилась туда. На подлете к окраинам Термеза (уже в темноте) мы внезапно увидели множество

огней костров и группки людей около них. Впечатление было такое, словно огромное скопище кочевников подошло к городу (а граница рядом!). Но встречавший нас начальник погранотряда пояснил, что здесь проходит отмобилизование термезской мотострелковой дивизии, а костры жгут для того, чтобы новобранцы — «партизаны», как их называли армейцы — смогли согреться и приготовить пищу. Днем мы побывали в штабе этой дивизии (она была кадрированной и более чем наполовину пополнялась призывниками). Знакомый генерал из штаба ТуркВО с горечью поведал о нехватке материальных средств: палаток, экипировки, средств обогрева, о слабой профессиональной подготовке призывников, набранных в основном из районов Средней Азии, и прочих неурядицах. Поскольку все это проходило на фоне обычного учения, то это не очень и удивляло: разберутся, все отладят, поучат и отпустят по домам.

Спустя пару дней, по прибытии в Москву, Вадим Александрович Матросов сообщил мне (разумеется, строго конфиденциально), что эти соединения, в том числе мотострелковая дивизия в Кушке, будут введены на днях в Афганистан. Эта новость обескуражила. И не столько условиями развертывания этих соединений, сколько связью с реальной ситуацией в Афганистане.

Известно, что и по прошествии многих лет события, связанные с вводом наших войск в Афганистан, довольно активно обсуждаются, и не только в очередную годовщину. Начинают, как правило с «главного» вопроса: кто принимал такое решение?

Академик Г. Арбатов позднее так оценивал это событие: «Допускаю, что из четырех человек, принявших решение (о вводе войск в Афганистан — *Ю. Н.*), двое не предвидели его последствий (Брежнев — из-за болезни, Устинов — из-за политической ограниченности). Но как могли совершить такую ошибку Громыко и особенно Андропов — это-

го я не в силах понять». При этом часто подчеркивают, что наши неудачи там были предрешены неправедным характером поставленных перед войсками целей и задач (словно побеждают только в праведных войнах), ошибочным решением на ввод войск и т. п. Не обходят вниманием проблемы («кто и зачем нас туда посылал») и наши военные.

К сожалению, вместо объективного, откровенного объяснения декабрьской ситуации 1979 г. некоторые авторы даже в поздних своих изданиях ограничиваются подобными рассуждениями.

Для большинства наших представителей, находившихся тогда в Афганистане, и речи не шло о масштабном участии советских войск в афганских делах.

В августе 1979 г. в донесении из Кабула в Москву наш посол (А. М. Пузанов), главный военный советчик (Л. Н. Горелов) и представитель КГБ (Б. С. Иванов) предлагали направить в ДРА лишь два-три специальных батальона (один из них — для охраны нашей авиации в Баграме), мотивировав это тем, что такое присутствие повысило бы безопасность многочисленного персонала советских гражданских специалистов в ДРА и объектов нашего народнохозяйственного сотрудничества. К тому же среди афганской интеллигенции, офицерства, молодежи было распространено мнение, что приход в ДРА даже небольших (символических) советских сил решит многие проблемы: поднимется боевой дух афганской армии, НДПА, народа, ослабнут позиции мятежников. Но, как видим, эти предложения не были приняты во внимание, а реализовывалась идея полномасштабного ввода наших войск в ДРА.

Надо признать, что основания к этому имелись довольно серьезные. Так, кроме факторов внутренней нестабильности в ДРА и нарастающей активности мятежников, поддерживаемых извне, возникали угрозы безопасности нашей страны с юга. Угрозы (особенно для некоторых республик Средней Азии) со стороны самого Афганистана, в

случае прихода там к власти экстремистски настроенных исламских группировок.

Но главным раздражителем в этом регионе все-таки считались действия США. То был, как известно, период глубокого кризиса, обострения советско-американских отношений, период активного сближения США с Китаем на антисоветской основе. С утратой своих важнейших позиций в Иране (после свержения там шахского режима) американцы предпринимали активные меры по восстановлению и усилению своих группировок войск, баз и инфраструктуры в районах, недалеко отстоящих от наших южных границ (включая районы Персидского залива и Индийского океана). Значительно усиливалась их разведывательная деятельность на этом направлении. Словом, проблемы были.

Но, оставляя эти проблемы на совести политиков и историков, нам, военным профессионалам, думается, было бы логичным прежде всего размышлять о том, почему нашим войскам не удалось решить поставленные перед ними задачи, и, несмотря на отчаянные усилия, мы ушли из Афганистана при возрастании активности моджахедов?

«Генштаб предложил, — вспоминает один из руководящих генералов Генштаба того времени, — войска ввести, но стать гарнизонами в крупных населенных пунктах и в боевые действия... не ввязываться... Но когда войска вошли, начались провокации...»

Но разве в Генштабе не знали, что в Афганистане уже с весны 1979 г. шла, по сути, гражданская война, и можно ли было мирно усидеть в гарнизонах? Такие попытки, как известно, были, но они на стабилизацию обстановки не влияли и от потерь не уберегали. Думается, проблема заключалась, прежде всего, в более внимательном учете той, афганской специфики.

Взять, к примеру, определение оптимального состава привлекаемых сил и средств к антиповстанческим опера-

циям и их надлежащую подготовку. Истина, известная со времен Александра Македонского. Любому профессионалу, интересующемуся Афганистаном, было ясно, что вооруженная борьба там протекает в форме партизанских действий — нетрадиционных и неведомых для армии. И чтобы, кроме «гарнизонного стояния» проводить в этих условиях более активные меры (а это тоже предусматривалось Генштабом), требовались, видимо, не наспех отмобилизованные, укомплектованные «партизанами» соединения и части, а иные силы, профессионально подготовленные к антиповстанческим действиям. Но таких сил почти не было. Даже воздушно-десантные части, наиболее боеспособные, к таким действиям, как известно, не готовятся. В таких случаях определяющим становится принцип: «Чем больше, тем лучше» (И сейчас некоторые авторы утверждают, что увеличив в 1,5–2 раза в ДРА нашу 70-тысячную группировку войск, можно было добиться победы.)

Здесь мне кажется уместным вспомнить другие события, более чем 100-летней давности. Известный русский военачальник, знаток Востока генерал М. Скобелев во время Ахал-Текинского похода (приведшего, как известно, к завоеванию территории нынешней Туркмении) имел численность войск не более 35–40 тыс. человек. Он решительно противился попыткам Военного министерства и некоторых своих командиров увеличить эту группировку, утверждая, что «наша сила здесь — в малочисленности». Скобелев, хорошо зная причины неудач англичан в Афганистане, понимал, что на территории Туркмении (сходной с афганской) в борьбе с текинскими племенами наиболее эффективны мобильные и профессионально обученные казачьи и егерские части, а излишняя концентрация войск в подобных районах лишь порождает проблемы (болезни, сложность снабжения и пр.) и увеличивает небоевые потери. Поэтому, принцип «лучше меньше, да луч-

ше» для действий в Афганистане, видимо был бы более приемлем.

Казалось бы, стоит ли сегодня говорить и спорить об этом? Думаю, стоит. Наши неудачи и потери, к примеру, в Чечне уже после Афганистана, лишь подтверждают тот факт, что мы плохо учимся даже на собственных ошибках.

Но вернемся к делам пограничным. Развертывание воинских формирований в приграничных районах, а затем перевод их через государственную границу — всегда серьезная проблема для пограничников. Особенно когда у них нет точной информации об этом (хотя такое и предусмотрено специальным положением).

Чтобы избежать излишней волокиты и переписки, командованию Среднеазиатского погранокруга было дано указание — согласовать с командованием ТуркВО и командирами соединений на местах время и порядок перехода ими советско-афганской границы. Из штаба погранвойск в Среднюю Азию убыла группа офицеров для оказания помощи округу и поддержания связи с Центром.

Поскольку отмобилизование и развертывание многих частей проходило в непосредственной близости от границы (Кушка, Термез и др.), было важно исключить любое, даже одиночное нарушение границы. Надо сказать, что со всеми этими задачами Среднеазиатский погранокруг успешно справился.

Переправа через Аму-Дарью (под Термезом) и переход войск через границу (в Кушке) начались 25 декабря по двум основным маршрутам: из Термеза на Кабул через перевал Саланг и из Кушки на Герат. Наиболее сложная задача выпала 860-му отдельному мотострелковому полку, который выдвигался на Файзабад (центр провинции Бадахшан) из Ишкашима по труднейшему памирскому маршруту, почти необорудованному. Воздушно-десантные части, как известно, перебрасывались самолетами. Пере-

ход войск через границу в целом прошел нормально. Почти не было инцидентов и в ближайшем афганском прикордоне. В некоторых населенных пунктах войсковые колонны встречали представители местных властей ДРА, и даже возникали импровизированные митинги. Еще малочисленные здесь к этому времени силы мятежников и фактор внезапности обеспечили относительно спокойный, беспрепятственный проход войсками афганских приграничных районов.

И все же продвижение войск к намеченным объектам давалось нелегко. «В установленное время части нашей Кушкинской дивизии вышли в будущие пункты дислокации — Герат-Шинданд, под Кандагар — вспоминал бывший командир этой дивизии, а впоследствии наш сослуживец, заместитель начальника погранвойск КГБ генерал Ю. В. Шаталин. — Тяжелее всего было «партизанскому» полку, как мы называли 373-й полк... Его пришлось собирать в окрестностях Кандагара в течение двух суток».

И, конечно, были потери людей и техники из-за слабой обученности, неорганизованности и пр.

Забегая вперед, скажу, что в мае 1980 г. мне довелось бывать в частях этой дивизии в Шинданде и под Кандагаром. Там же находились и наши офицеры-пограничники, работавшие советниками и специалистами в афганских частях. Жара стояла невыносимая, в бронетранспортер нельзя было сесть без перчаток — так нагревалась броня. Подразделения дивизии, ее службы, в том числе и медицинские, располагались в палатках, условия в которых больше напоминали парилку.

Но несмотря на эти и другие сложности, дивизия активно действовала по блокированию основных маршрутов движения бандгрупп и караванов с оружием, а затем и в операциях.

Первоначальная информация о штурме дворца Амина 27 декабря, гибели полковника Г. И. Бояринова и дру-

гих событиях в Кабуле была довольно скупой. Доклады наших пограничных представителей оттуда А. А. Власова и В. А. Кириллова (принявших, кстати, активное участие в разработке общего замысла действий и занятии здания афганского Генштаба, где без стрельбы тоже не обошлось, причем был убит и начальник ГШ М. Якуб) были предельно лаконичны. Уже позднее детали тех декабрьских событий обрастали подробностями, порождая самые различные, порой прямо противоположные мнения о них. И сейчас, некоторые наши политики задают вопрос, а стоила ли игра свеч, (т. е. нужен ли был штурм дворца Тадж-Бек), и что мы выиграли, устранив Амина?

Мне неоднократно приходилось встречаться с Амином, беседовать с ним, порой, по острым проблемам, видеть его на совещаниях и других мероприятиях. Я знал многих людей, длительное время с ним общавшихся. И у меня не изменилось мнение о том, что он был для нашей страны ненадежным партнером (в отличие от Тараки). В Афганистане и за его пределами он раздражал многих и вряд ли ему удалось бы стабилизировать ситуацию в стране, даже при нашей активной помощи.

Типичный диктатор восточного типа, он, как мне кажется, пытался активно использовать помощь СССР для укрепления режима личной власти, активно шантажируя наше руководство. Нельзя исключать, что даже сохранив власть, он в будущем мог решительно отмежеваться от «Советов», как это делали до него многие диктаторы (Мао Цзэдун, Тито, Чаушеску и др.). К тому же известно, что поддержка любого диктаторского режима добром обычно никогда не заканчивается.

В Кабуле был объявлен новый состав высшего органа власти — Ревсовет во главе с Б. Кармалем (он же премьер-министр), одним из руководителей НДПА до официального раскола этой партии на «халькистов» и «парчамистов». Из тюрем были выпущены известные руководите-

ли партии и апрельских событий 1978 г. — С. Кештманд (стал заместителем председателя Ревсовета) и А. Кадыр (стал министром обороны).

Новые лидеры сразу внесли поправки в «большевистские» цели и методы Тараки и Амина, объявив, что «нашей непосредственной задачей в современных условиях не является строительство социализма, а укрепление и развитие прогрессивных социальных и политических основ республики». Но уже вскоре станет ясно, что даже такая умеренность позиций нового руководства мало помогала — страна была взбудоражена, по сути, гражданской войной, в которой невольными союзниками мятежников-исламистов становились и наиболее яростные «халькисты» — сторонники Амина.

Активность нашего военного участия в делах ДРА просматривалась и на советско-афганской границе. С приходом войск в Афганистан спокойствие на границе не установилось: на автодорожных контрольно-пропускных пунктах (КПП), в Ташкентском и приграничных аэропортах началось активное перемещение (одиночное и групповое) военнослужащих, различной техники и грузов. В этом потоке надо было исключить нелегальное проникновение нарушителей, а главное, воспрепятствовать контрабандному провозу оружия, боеприпасов и наркотиков. Меры, принятые тогда отделом КПП штаба погранвойск (его возглавлял мой заместитель и давний товарищ генерал Ю. Г. Ницын) были своевременными и нужными. На всем протяжении афганской компании у нас не было с этим проблем; хотя многочисленные попытки и нарушений границы и нелегального провоза запрещенных предметов, оружия и различной контрабанды имели место.

Пройдет 15–20 лет и через эту границу в Россию хлынет огромный поток наркотиков (исчисляемый тоннами), с трудом сдерживаемый российскими пограничниками и их коллегами по СНГ. При этом бессильными (или заин-

тересованными?) окажутся поставленные американцами афганские власти и их правоохранительные структуры.

В то время даже при всех неурядицах в сопредельном Афганистане, подобные угрозы для нашей страны удавалось устранять уверенно и надежно.

Казалось бы, вступление наших войск в Афганистан, прошедшее в более-менее благоприятной обстановке, закрепит в этой стране стабильность. Однако уже через несколько дней к нам стала поступать информация о возрастании активности мятежников, в том числе в ближайшем к нам прикордоне. Участились случаи нападения их на воинские подразделения, захват некоторых населенных пунктов, теракты в отношении представителей местных властей и военнослужащих. Было ясно, что эта граница становится все более опасной, и нужны меры с нашей стороны, более активные, нежели те, которыми мы ранее ограничивались.

Тогда и возникла идея — для повышения безопасности некоторых наиболее активных участков этой границы перенести наши действия в ближайший афганский прикордон, создать своего рода «пояс безопасности». Правовая основа для этого была — неоднократные официальные обращения афганского руководства. Но Среднеазиатский погранокруг не имел специальных штатных подразделений для выполнения подобных задач, поэтому их предстояло сформировать из состава штатных погранотрядов.

При определении целей и задач так называемых «сводных боевых отрядов» (СБО) тоже возникали проблемы. Заманчиво было ограничить их присутствие в афганском прикордоне лишь охраной и защитой каких-либо важных объектов, да оказанием консультативной и материально-технической помощи афганским пограничным подразделениям. Кстати, на это указывал и Ю. В. Андропов, когда утверждал замысел наших действий в ДРА.

Тогда многим в Минобороне да и в КГБ, казалось, что одного факта присутствия наших войск в ДРА (даже без их участия в боевых действиях) достаточно будет, чтобы стабилизировать там обстановку (кстати, это был один из аргументов Тараки и Амина, объясняющих необходимость ввода в ДРА наших войск). Разумеется, ни я, ни те из моих товарищей, кто уже бывал в Афганистане, такого оптимизма не разделяли, но принцип «ограниченного применения» в ДРА наших сил тогда был все-таки принят руководством в качестве основы при разработке конкретных задач для наших СБО.

Первые наши действия (с началом января 1980 г.) заключились в переправе двух СБО: одного — на участке Пянджского погранотряда, для взятия под охрану афганского порта Шерхан, другого — из района Калай-Хумб (участок 66-го Хоргского погранотряда) в район афганского Нусай, где располагалась резиденция афганского пограничного комиссара. Эти действия прошли вполне благополучно и без потерь. Афганские приграничные власти (в т.ч. и военные) оказывали всяческое внимание и помощь. При этом раздача местному афганскому населению (буквально во всем нуждавшемуся) продуктов питания, зерна, керосина, предметов домашней утвари (что ныне именуется гуманитарной помощью) воспринималась афганцами с благодарностью.

Но такое благополучие продолжалось недолго. Спустя две-три недели СБО 66-го погранотряда вынужден был оказывать боевую помощь афганским пограничникам и ополченцам в освобождении от мятежников кишлака Джорф. Операция прошла удачно, но при совершении марша сорвался в горную реку и затонул бронетранспортер с экипажем пограничников. Это была первая серьезная и, к сожалению, не последняя наша потеря в этой кампании.

Непосредственное руководство действиями СБО на этом этапе осуществляли начальники погранотрядов, а

вопросы их взаимодействия, в том числе с афганскими властями и нашим армейским командованием в ДРА — командование Среднеазиатского пограничного округа (начальник войск генерал-майор И. Г. Карпов)

С января 1980 г. руководство действиями СБО в афганском прикордоне осуществлялось уже оперативно-войсковой группой (небольшой по составу), которую возглавлял начальник штаба округа полковник В. Н. Харичев Замыслы и планы, разрабатываемые этой группой управления рассматривались и утверждались в штабе погранвойск, обычно при личном участии генерала В. А. Матросова. Такая система управления была тяжелым бременем для Среднеазиатского округа, но командование и весь коллектив погранокруга многое сделали для подготовки и успешного проведения первых операций в Афганистане. Несмотря на крайне сжатые сроки подготовки СБО, ограниченные возможности и отсутствие опыта в таких делах, в округе в целом организованно и слаженно были проведены формирование, подготовка и рейды СБО и других погранотрядов (численностью свыше 1200 человек) в ближайшем афганском прикордоне. Мне думается, здесь уместно отметить хорошую организацию действий и умелое командование первыми подразделениями (СБО) в афганском прикордоне офицерами из числа руководства погранотрядов таджикского направления —Н. Малютина, В. Мирошниченко, В. Сушко, В. Казакова, Д. Давыдова, Д. Файзиева и других.

Но Среднеазиатский погранокруг остро нуждался в поддержке Центра, и можно без преувеличения сказать, что с началом 1980 г. штаб, тыл и другие органы управления ПВ много и плотно занимались его делами. За эти два-три месяца округ был усилен личным составом (свыше 2 тыс.человек), автобронетехникой, авиацией и вооружением. Это позволило укрепить пограничные заставы, создать в каждом погранотряде мобильные резервы — мо-

томаневренные группы на БМП и БТР. Своих резервов Центр не имел, и все это усиление для советско-афганской границы приходилось поставлять из других пограничных округов. Это был не лучший, вынужденный вариант, но иных возможностей тогда не было. Сознание того, что наше участие в афганских делах — это всерьез и надолго (а оно уже тогда утверждалось в штабе), в то же время не снимало ответственности и за другие участки границы.

Вступление наших войск в ДРА, как известно, резко обострило и без того масштабные акции США и их союзников против СССР, в том числе и разведывательные.

На совещании руководящего состава КГБ СССР в январе 1980 г. Ю. В. Андропов, подчеркивая возросшую агрессивность США и их союзников, потребовал от руководителей органов и войск КГБ повышения активности и наступательности в работе (действиям наших пограничников в ДРА он дал тогда высокую оценку). Наши действия в отношении американских спецслужб и их союзников, указывал он, должны быть адекватными. «Надо действовать решительно и дерзко, особенно там, где мы до этого проявляли терпимость и стеснительность...» И эти установки относились не только к действиям внешней разведки (ПГУ) и других органов КГБ: перед пограничниками ставилась задача — повысить активность действий в приграничных районах Афганистана для оказания помощи местным властям ДРА в стабилизации обстановки. Да и всем, кто занимался тогда Афганистаном, становилось ясно, что митингами и раздачей гуманитарной помощи афганскому населению уже не обойдешься.

Наибольшую опасность представляли несколько активных бандгрупп мятежников в приграничных районах ДРА, главным образом — на западном Памире. В феврале—марте 1980 г. там была проведена операция подразделениями (СБО) Хорогского, Московского и Пянджского погранотрядов. Руководил ею начальник штаба САПО

полковник В. П. Харичев. Операция была неплохо подготовлена, активно поддерживалась авиацией (вертолетами) и в целом прошла успешно. Но этим, естественно, дело не ограничилось.

Надо отметить, что приграничные районы ДРА на западном Памире (провинции Бадахшан и Тахар) требовали нашего повышенного внимания не только из-за их относительной близости к Пакистану и Китаю, откуда, как и ожидалось, шла подпитка мятежников. Туда бежали и там осели (особенно против участков Московского и Пянджского погранотрядов) многие участники басмаческих банд, руководимых известным главарем Ибрагим-Беком и другими курбаши, разгромленными в начале 30-х годов на юге Таджикистана. Потомки басмачей оказались хорошим пополнением для мятежных формирований в Афганистане.

Угроза безопасности нашей границы потребовала провести, кроме упомянутой операции «Горы-80», и другие оперативно-боевые действия для очистки этих районов от мятежников. В мае месяце по просьбе афганского руководства силами Мургабского погранотряда (Восточный погранокруг) на Малом афганском Памире (МАП) были взяты под охрану вероятные маршруты движения караванов с оружием и боеприпасами из Пакистана и Китая. Надо подчеркнуть, что операция по вводу подразделений Восточного пограничного округа в Афганистан на Памире проходила в исключительно сложных условиях. Моторизованным подразделениям пришлось преодолеть сотни километров бездорожья в условиях высокогорья (более 5 тыс. метров над уровнем моря). Операция прошла успешно и без потерь. Руководство ею осуществляли начальник войск ВПО генерал-лейтенант В. С. Донсков и его заместитель генерал-майор Б. Е. Сентюрин.

Первые действия наших СБО в приграничных районах ДРА с началом 1980 г. в Среднеазиатском и Восточном

погранокругах и у нас в штабе погранвойск всесторонне анализировались. В том, что эти подразделения действовали в зонах ответственности пограничных отрядов, управлялись и всесторонне обеспечивались ими, в том числе и в оперативном отношении, было много положительного. Возможности пограничного отряда обеспечивали этим подразделениям в афганском прикордоне хорошее знание обстановки, тесную связь и взаимодействие с местными афганскими властями, воинскими частями и органами правопорядка. Все это позволяло тогда нашим СБО вполне успешно решать оперативно-боевые задачи при самых минимальных потерях (да и то в основном по причине несоблюдения мер безопасности). Но были и минусы. Общая координация действий, утверждение замыслов и планов проведения наиболее сложных операций и других мер оставались в ведении ГУПВ, а их разработка и реализация осуществлялись пограничным округом, его оперативно-войсковой группой. Поэтому основная тяжесть в решении этих новых и сложных задач легла на плечи командования погранотрядов. При этом с них не снималась ответственность за состояние охраны границы на вверенных участках и положение дел на заставах. Это следовало бы поправить, но из-за ограниченности сил и средств и малого опыта такая схема управления сохранялась до весны 1981 г.

К лету 1980 г. наши подразделения устойчиво закрепились в афганских населенных пунктах Ширхан, Янги-Кала, Чахи-Аб, Рустак, Хоун, Калай-Куф и Нусай, на Малом афганском Памире — в районах Сархад и Гумбат. Прикрывая основные объекты в населенных пунктах и блокируя маршруты возможного перемещения мятежников, они поддерживали тесные контакты с органами АГСА и царандоя, а также афганскими пограничниками, оказывая им помощь продовольствием, боеприпасами, ГСМ, медикаментами и пр.

Офицеры ГУПВ в тот период делали частые наезды в Среднеазиатский погранокруг, и не столько для контроля, сколько для оказания на местах помощи командованию погранотрядов, командирам СБО. Особенно это касалось вопросов использования автобронетанковой техники, авиации, систем вооружения и связи, материального и медицинского обеспечения. С трудом, но шло наращивание боевых возможностей округа, особенно по части авиации и автобронетехники.

В качестве резервов погранотрядов формировались маневренные группы на боевых машинах пехоты (БМП), численностью около 200 человек каждая. Однако, как и ранее, значительную часть этих сил и средств приходилось перебрасывать из других округов.

Между тем обстановка в самом Афганистане и на его границах с Пакистаном и Ираном не улучшилась и с приходом туда наших войск. Более того, в отдельных провинциях (главным образом, граничащих с Пакистаном) она ухудшалась. К общей нестабильности в стране, утрате кабульскими властями контроля над многими районами добавлялась практическая открытость границ ДРА, что обеспечивало мятежникам и свободу маневра, и доставку оружия и боеприпасов. Что могли сделать 10–12 оставшихся «в живых» афганских погранбатальонов, укомплектованных менее чем наполовину, плохо вооруженных, на буйной по тем временам границе с Пакистаном и Ираном, протяженностью около 3 тыс. км?

С приходом в Афганистан эту угрозу почувствовало и командование нашего Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ). В феврале—марте этого же года штабом ОКСВ в Кабуле при участии представителей погранвойск КГБ был разработан план прикрытия границ ДРА с Пакистаном и Ираном. Одобренный руководством Афганистана, он был направлен в Москву для согласования в Генштаб и КГБ.

Планом предусматривалось к лету 1980 г. сохранившиеся афганские погранбатальоны переформировать по новым штатам, доукомплектовать, доведя численность до 50% к штатной, усилив их небольшим количеством автобронетехники (в основном БТР), инженерно-техническими и радиосредствами. Для прикрытия особо опасных участков границы, где пограничных подразделений ДРА вообще не было, предусматривалось выделить девять пехотных (армейских) батальонов из состава афганских приграничных дивизий и полков. Видимо сознавая, что этими силами (даже после их доукомплектования и довооружения) обеспечить охрану границы невозможно, авторы плана предусмотрели нетрадиционный (и необычный) вариант защиты границ — разрушение на границе горных проходов (перевалов) и их минирование. На границе с Пакистаном и Ираном их насчитывалось около восьмидесяти. Планом намечалась также организация воздушной разведки приграничных районов и нанесение ударов (вертолетами) по обнаруженным караванам мятежников. Предусматривались и некоторые меры по улучшению управления пограничными подразделениями, их материально-технического обеспечения и т. п.

В штабе погранвойск эти предложения были внимательно рассмотрены и признаны вполне целесообразными. Но всей проблемы эти меры, к сожалению, не решали. Многое было упущено, в том числе по вине наших советников, и афганская погранслужба оказалась настолько маломощной и обескровленной, что для ее реального укрепления требовались более решительные и масштабные меры, вплоть до переформирования какой-то части афганских дивизий (из 12 имевшихся тогда) в пограничные. Обоснование подобных мер, казалось бы, лежало на поверхности: при открытых, незащищенных границах в стране эффективность действий правительственных сил по подавлению мятежников и достижению стабильного по-

рядка всегда проблематична. Эти соображения мы высказывали и в ГОУ Генштаба, и нашим представителям в Кабуле. Но среди наших военных руководителей, генералов (в том числе и в Генштабе) в отношении Афганистана незыблемым оставался принцип: «Там армия решает все, и отвлекаться на другие дела она не может», и на большее рассчитывать не приходилось. Но, как говорится, «на безрыбье и рак — рыба», и предложения (кстати, одобренные в Кабуле С. Л. Соколовым и С. Ф. Ахромеевым) мы тогда поддержали. Более того, руководство КГБ (по инициативе ГУПВ) разрешило дополнительно выделить из наших (пограничных) фондов афганским пограничникам некоторое количество боевой и специальной техники.

Ситуация с «прозрачностью» афганских границ беспокоила и руководство КГБ. В последних числах мая генерал В. А. Матросов находился в одном из округов, и я докладывал Ю. В. Андропову наши текущие дела. Завершив доклад, я приготовился уходить, но Андропов задержал, поинтересовался, отслеживаем ли мы в Главке обстановку в Афганистане. Я ответил утвердительно. «Ситуация там ухудшается, — сказал Ю. В. Андропов. — Вчера только в Кабуле было восемь терактов с жертвами. Много неясного с обстановкой на границе. Вывести из строя, взорвать проходы и перевалы, о чем докладывают наши представители оттуда — дело нехитрое. Но кто все это будет потом восстанавливать? К тому же на минах, высыпаемых с вертолетов, гибнут мирные жители, скот. Это вызывает различные толкования, в том числе и среди афганских властей. Ссылаются на то, что ряд приграничных районов с Пакистаном, по сути, заняты мятежниками и это тоже препятствует прикрытию там границы. Тогда, может быть, следует оставить эти районы (на время) и отойти на другой, более выгодный рубеж охраны? Словом, все это требует прояснения и анализа на месте».

Уточнив, что Матросов возвращается в Москву в ближайшие дни, он предложил мне вылететь в Кабул незамедлительно, пожелал успехов и напомнил о личном докладе ему при каких-либо сложных ситуациях.

1 июня я уже был в Кабуле. В аэропорту встретился с нашими представителями: генерал-майором И. И. Сагайдаком (он сменил генерал-майора А. А. Власова) и полковником В. А. Кирилловым. Кабул почти не изменился за прошедший год, но военных в городе стало больше, в том числе и наших. Бросилась в глаза и такая деталь: в городе не было портретов Тараки (тогда, в 1979 г. они висели повсюду), да и новых руководителей тоже. А в остальном — обычный Кабул: в центре, у базаров и дуканов — скопище людей, машин и животных. Яркое разнообразие восточных костюмов и ... оружия. Впечатление такое, что все жители поголовно состоят либо в ополчении, либо в других формированиях. В тот же день состоялась встреча с нашим послом в ДРА Ф. А. Табеевым (сменившим А. М. Пузанова) и представителем КГБ в ДРА полковником В. Н. Спольниковым, тоже недавно назначенного вместо убывшего в СССР Л. П. Богданова.

Фикрат Ахмеджанович, как и его предшественник, пришел в МИД с партийной работы — руководил обкомом в Башкирии. Обстановку в Афганистане и он, и Спольников, оценивали, на мой взгляд, реально и были вовлечены в различные планы советско-афганского сотрудничества, в том числе и по нашей пограничной линии.

Более подробную ситуацию на границах ДРА, естественно, объяснили генерал-майор И. И. Сагайдак и полковник В. А. Кириллов. Оба — мои старые сослуживцы и товарищи по Кавказу, и мы вечером встретились, вспомнили былое и обменялись впечатлениями.

Меры по переподчинению пограничных подразделений ДРА афганскому военному командованию в создавшейся обстановке они считали целесообразными. Хотя и

незначительно, но возросло количество привлекаемых к охране границы сил и средств, заметно улучшилось обеспечение погранбатальонов, устойчивость управления и пр. Но они высказывали обеспокоенность тем, что намеченное планами наращивание пограничной службы происходит медленно, с различными проволочками. В связи с нехваткой опытных офицеров не было завершено формирование Управления погранвойск в Кабуле, его основные органы по-прежнему размещались в МВД.

Некоторые представители военного командования, в том числе и в Центре, не считали границу своим прямым делом, поэтому проблем хватало. Оперативная обстановка оценивалась как сложная, но в отличие от прошлого года, мятежники были лишены пока возможности проводить какие-либо операции крупными силами. Действовали в основном мелкими группами — налетами и засадами, минируя дороги и другие объекты.

Активно применяли террор, как в отношении отдельных, лояльных правительству лиц, так и в местах скопления народа (на базарах, у мечетей, в школах). Отмечались теракты и в отношении советских военнослужащих. Поступали сигналы о накапливании мятежниками сил вблизи крупных городов (Нангархар, Кандагар, Герат, Файзабад и др.) и просачивании их групп в эти города.

Всего в охране границ Афганистана на тот период было задействовано 18 батальонов: 12 батальонов (из них 7 пограничные) на восточном участке (граница с Пакистаном), 4 батальона (из них 3 — пограничные) — на границе с Ираном и на северном участке (граница с СССР) — 2 неполных батальона. Для активной границы, с ее частыми нарушениями и боестолкновениями с мятежниками, конечно, этих сил (к тому же укомплектованных едва на 30–40% к штату) было явно недостаточно. Даже несмотря на некоторое усиление их бронетехникой (72 бронетранспортера). По отзывам наших специалистов, эти ба-

тальоны, чтобы как-то сохранить себя в условиях постоянного воздействия мятежников, занимают обычно круговую оборону в районах своей дислокации, редко решаясь действовать за их пределами.

В тот же день познакомился с новым начальником погранвойск ДРА полковником Пир Мухаммадом. Мухаммад — армейский офицер, пуштун (родом из провинции Кунар), 52–53-х лет, учился у нас в СССР, владеет русским языком. Командовал танковой бригадой в 25-й дивизии, преподавал в академии «Пахантун». В беседах осторожен, категоричных выводов и оценок избегает.

Состояние дел в пограничных подразделениях, обстановку на границе знает неплохо. Считает, что после 1979 г. кое-что удалось поправить (подчеркивая: «с помощью советников»): принято «Положение об охране границы ДРА», «Временный устав пограничной службы», укрепляются штаты отделов погранслужбы в дивизиях и т. п. Неудовлетворен качественным составом формируемого управления погранвойск: среди 72 офицеров (штат управления 220 человек) почти нет пограничников, многие вышли из тюрем после свержения Амина, коллектив слабо сплочен, проявляются элементы групповщины («халькисты», «парчамисты» и пр.). До настоящего времени не назначен начальник штаба и ряд других должностных лиц. Договорились с ним о совместной поездке на границу и последующем рассмотрении некоторых общих проблем.

2 июня вместе со Б. Н. Спольниковым встретились с маршалом С. Л. Соколовым и генералом С. Ф. Ахромеевым, возглавлявшими здесь оперативную группу Минобороны. Я давно был знаком с Сергеем Федоровичем Ахромеевым, неоднократно на учениях и сборах встречался с Сергеем Леонидовичем Соколовым и с глубоким уважением отношусь к обоим. Им выпала нелегкая доля — первыми начинать афганскую кампанию в неблагоприятной для нас политической атмосфере, имея, к тому же, ограни-

ченные возможности для ведения довольно специфических операций там. Но их влияние на использование всех имеющихся в Афганистане сил и средств тогда безусловно было решающим и нам важно было заручиться их поддержкой в решении неотложных пограничных проблем.

В ходе беседы оба военачальника подтвердили известную оценку состояния афганской пограничной охраны: ее переподчинение армии было целесообразным, кое-что удалось поправить, но по-настоящему прикрыть даже наиболее важные участки границы пока не удавались.

Одобряя мой план побывать на иранском и пакистанском участках границы, они предложили в последующем обменяться мнениями об эффективности мер по разрушению на границе горных проходов и их минированию. Я согласился с этим, но высказал предположение, что разрушение и минирование горных проходов без войскового, пограничного прикрытия вряд ли сделает неприступными эти участки границы. Реальное же состояние погранбатальонов, укомплектованных и обеспеченных техникой гораздо хуже, нежели армейские, исключает возможность их активного использования и в этих, и в других мероприятиях по охране и защите границы. Высказал просьбу о их содействии в решении этой проблемы, а также некоторых затянувшихся оргштатных и кадровых вопросов. Маршал Соколов согласился с этими соображениями и в нашем присутствии позвонил генералу С. К. Магомедову (главному военному советнику), поручив ему встретиться с нами для решения этих и некоторых других вопросов.

На следующий день с участием генерала И. И. Сагайдака и полковника В. А. Кириллова состоялась встреча с генералами С. К. Магомедовым и В. П. Черемных.

Главный военный советник обстановку в ДРА оценивал оптимистично, утверждая, что совместными действиями советских и афганских частей удалось стабилизировать обстановку в некоторых восточных и юго-восточных

приграничных провинциях (в основном на границе с Пакистаном). По его мнению, более тревожно складывается обстановка в северных и северо-восточных провинциях, и он высказал пожелание об участии там наших пограничных подразделений в некоторых операциях против мятежников. Магомедов соглашался с острой необходимостью пополнения афганских погранбатальонов личным составом и техникой, но высказал сомнения в возможной реализации этих мер в ближайшее время, ссылаясь на слабые мобилизационные возможности страны. Он сообщил, что руководством Минобороны ДРА положительно рассмотрены предложения наших советников о дополнительном усилении западной границы (с Ираном) и в провинции Кунар (граница с Пакистаном).

Были также рассмотрены затянувшиеся вопросы формирования управления погранвойск ДРА, о более тесном взаимодействии наших пограничных представителей в Кабуле с Генштабом ДРА и аппаратом главного военного советника и др.

Оценивая в нашем представительстве итоги этих встреч, мы не питали особых иллюзий: даже при осознании острой необходимости закрытия границ Афганистана наших армейских коллег в первую очередь волновали свои проблемы.

То, что удалось раньше сделать нашим советникам, конечно же, не решало главной проблемы. Нужны были (особенно теперь) пограничные части, достаточно укомплектованные и боеспособные. Замыслы и наработки таких предложений в 4-м отделе нашего представительства имелись, но требовалось время для их пробивания и реализации. И главное — нужна была воля политического и военного руководства ДРА к такому решению.

Был еще один фактор, влияние которого сказывалось на пограничных проблемах Афганистана — это позиция пуштунских племен, населяющих восточные и западные

пограничные провинции, их отношение к властям Кабула. При королевском режиме эти племена всегда имели свои вооруженные формирования, отряды и являлись своего рода пограничным барьером страны (разумеется, при их лояльности к правительству). Как это было при Тараки и Амине, мы уже знали. Как изменилась ситуация теперь — было важно прояснить на встрече с человеком, занимающим в Афганистане традиционную должность — министрам по делам племен и границ.

Нового министра Фаиз Мухаммада (предыдущий — аминовский — был арестован якобы за связи с мятежниками) хорошо знали в нашем представительстве КГБ, и уже на следующий день мне удалось с ним встретиться. Ф. М. производил впечатление энергичного, знающего эту проблему человека. В ходе беседы министр неоднократно подчеркивал важность для правительства ДРА поддерживать мирные отношения с племенами. По его словам, он много времени проводит на территориях племен, бывает и в приграничных районах Пакистана, где проживают его отец и несколько братьев. Отношения с некоторыми племенами он оценивал как сложные, но был настроен оптимистично в плане привлечения вооруженных отрядов ряда других племен на границе с Пакистаном и Ираном.

В наиболее крупных, влиятельных племенах (маманд, джадран, мангал, шинвари и др.) мятежников поддерживает, по его словам, не более 30–40% кланов (родов), и есть реальная возможность на востоке и юго-востоке в каждой приграничной провинции сформировать отряд численностью 1–1,5 тыс. человек («малишей»). Эти отряды могли бы взять под охрану многие горные проходы на границе. Уже была якобы достигнута договоренность с отдельными вождями о формировании одного полка в Ургуне и батальона (из белуджей) в Келате. Причем оружия для таких формирований не требовалось — в племенах оно было.

Проблема первая (и главная) — нужны деньги для платы «малишам». И вторая — значительная часть племен расселена по обе стороны границы (афгано-пакистанской), то есть «малишам» необходимо свободное перемещение через границу, а это вызывает возражение со стороны руководства советских военных советников. Деньги, по его словам, для содержания нескольких племенных формирований были обещаны, но вопрос не решен до сих пор. Между тем он располагает информацией, что американские спецслужбы с помощью пакистанцев ведут активный подкуп вождей племен и духовных авторитетов (эту информацию наше представительство в Кабуле получало и из других источников). Соображения министра племен ДРА по поводу решения пограничных проблем Афганистана, на мой взгляд, представляли интерес, и я искренне пожелал ему успехов, предполагая заручиться поддержкой генерала В. А. Матросова.

Первоначально намечаемый нами на 7 июня вылет в Хост пришлось перенести: к исходу 6-го поступила информация об утрате связи с пограничной ротой, дислоцированной в к. Колай-Ко (в 50 км северо-западнее Фараха, на границе с Ираном). Обрывочные и противоречивые сведения, собранные за ночь, были неутешительны: судя по всему, афганская погранрота подверглась нападению крупного бандформирования и была разбита. Генерал С. Ф. Ахромеев в разговоре со мной по телефону информацию эту подтвердил и сообщил, что разбирательством занимается командование кандагарского корпуса и 15-й дивизии (рота входила в ее составе).

Зная о намечавшемся вылете в Кандагар, он поддержал предложение об участии в разбирательстве наших пограничников (советников), порекомендовав мне одновременно ознакомиться в Шинданде с введенным недавно в практику поиском караванов мятежников с помощью авиации. В тот же день мы с Пир Мухаммадом, В. А. Ки-

рилловым и двумя офицерами Генштаба ДРА вылетели самолетом «АН-26» командующего ВВС и ПВО ДРА в Кандагар. В штабе кандагарского корпуса, куда мы прибыли к вечеру, обстановку оценивали как неблагоприятную: резко возросла активность мятежников на коммуникациях, участились их нападения на отдельные, небольшие гарнизоны. Накануне нашего прилета под Кандагаром попала в засаду и понесла тяжелые потери радиорота корпуса. Почти ежедневно совершались теракты в отношении местных партийных активистов и наших военнослужащих (чаще тех, кто передвигался в одиночку). Наши коллеги открыто возмущались бездействием правоохранительных органов, их попустительством в отношении задерживаемых террористов. Утром 8 июня вылетели в Шинданд, где получили дополнительную информацию из Фараха, подтверждавшую гибель погранроты, захват ее городка мятежниками в Колай-Ко.

Рота, слабо укомплектованная, почти без тяжелого оружия, находясь в окружении мятежников, оказалась без помощи и поддержки. И это — при наличии ближайших подразделений в Фарахе и авиации (в том числе и вертолетов) в Шинданде. Командование корпуса и дивизии знали об этой угрозе, но каких-либо активных мер не приняли. Опять сработал принцип: «Своя рубашка ближе к телу», деление подразделений и частей на своих и чужих. К сожалению, в этой ситуации не проявили должной настойчивости и смекалки и наши советники в афганской дивизии.

Словом, обсуждение этого ЧП и в штабе корпуса, и среди наших советников — пограничников было предельно откровенным и конструктивным. А вскоре последовала и команда из Кабула о дополнительном перемещении подразделений на это направление.

В Шинданде задержались более чем на сутки из-за неразберихи с авиацией — обещанный к исходу 8-го «Ан-26»

так и не прибыл. Зато было достаточно времени, чтобы ознакомиться с воздушной охотой за караванами мятежников. Мне удалось даже побывать в составе десантно-досмотровой группы на «Ми-8», чтобы реально оценить эти действия.

Надо заметить, для нас, побывавших ранее в Афганистане, идея эта была не нова (она и прежде обсуждалась, но не было возможностей, да и желания военного руководства): приграничные районы, доступные для наблюдения — дороги, перевалы и прочие вероятные маршруты караванов-нарушителей границы делятся на зоны, нумеруются, и в этих зонах организуется воздушное наблюдение. При обнаружении каравана летчики вызывают в этот район досмотровую группу (десант 6–8 человек) на вертолете. Действия вертолета с десантом подстраховывает в воздухе второй вертолет.

Реализовать эту идею, безусловно, удалось благодаря инициативе генерала С. Ф. Ахромеева. И пока он занимался Афганистаном, эта форма борьбы с мятежниками, худобедно, но действовала. К примеру, из Шинданда, где располагалась наша авиационная база, ежесуточно выделялись самолеты («Су-17», «МиГ-21») для воздушной разведки намеченных (из 10 определенных) зон, а также дежурные вертолеты («М-8») с десантом на борту — в готовности к немедленному вылету по докладу самолета-разведчика.

Наш вылет был «мирным»: обнаруженный караван при его досмотре десантом с вертолета оказался купеческим. Однако, имеющаяся у командования базы информация (по захвату или ликвидации караванов мятежников) была впечатляющей. Но особое восхищение вызывали наши летчики и десантники, их мужество и стойкость. Жара, песчаная пыль — марево слепит глаза, пыль скрипит на зубах, она везде. В вертолете — настоящая парилка, все раздеты до пояса, обвешаны оружием и боеприпасами. За 5–7 минут, пока страхующий вертолет висит над

караваном, досмотровой группе, высаженной из второго вертолета, надо осмотреть караван и принять в отношении него решение. И так — иногда по несколько вылетов за день. Словом, работа — не для слабаков.

В Баграм (там тоже аэропорт) прилетели лишь к исходу 9-го, так как Кабул не принимал из-за погоды. До города добирались в темноте на машинах.

На следующий день встретились с генералом С. Ф. Ахромеевым. Сергей Федорович согласился с нашими оценками причин потери афганской пограничной роты в Колай-Ко и сообщил о полученных указаниях на этот счет маршала С. Л. Соколова. По поводу воздушных поисков и проверки караванов он поддержал идею летчиков Шинданда о целесообразности применения для воздушной разведки самолетов «Ан-24» вместо «МиГ» и «Су».

Я высказал опасение, что при всей эффективности подобных действий есть угроза ошибочных, неверных ударов по мирным караванам, а также превышение полномочий проверяющими группами.

Ахромеев такую возможность не отрицал и предложил привлекать к планированию и организации этих мер наших пограничных советников, что было вполне разумным и потому нами поддержано.

Сергей Федорович сообщил также, что готовится указание Минобороны ДРА о доведении численности погранбатальонов (в течение двух — трех месяцев) до численности армейских батальонов (50–55% штатной), об усилении 20-го полка в Фарахе и дополнительном развертывании на участке Фарах — Шинданд двух пограничных батальонов.

Конечно, это не решало основных проблем охраны афганской границы, но серьезно усиливало прикрытие одного из активных ее участков.

Вечером состоялся разговор по «ВЧ» с генералом В. А. Матросовым. Я доложил ему положение дел на аф-

ганской границе, результаты встреч с маршалом С. Л. Соколовым и генералом С. Ф. Ахромеевым, о намерении 12-го вылететь в Хост (провинция Пактия). Вадим Александрович с оценками ситуации и предложениями согласился, сообщив кратко о наших подразделениях в северных провинциях в ДРА, их действиях. Его заинтересовала встреча с министром границ и племен ДРА, и он предложил обстоятельнее переговорить об этом после моего возвращения в Москву.

12 июня с генерал-майором И. И. Сагайдаком, полковниками И. Н. Воиновым (наш советник при Управлении погранвойск ДРА) и Пир Мухаммадом мы вылетели в Хост. Этот небольшой городок в провинции Пактия, расположенный в 30 км от границы с Пакистаном, в то время часто мелькал в оперативных сводках силовых структур ДРА и наших советнических органов из-за его расположения на важнейших коммуникациях из Пакистана в Кабул, Гардез и Газни. Рядом, на сопредельной территории, располагались учебные военные лагеря (тогда они только затевались) и перевалочные базы мятежников. Оттуда при поддержке местных мятежных племен совершались рейды и налеты, а иногда и блокирование Хоста крупными силами душманов с целью его захвата. Но городок этот, часто находившийся в полной изоляции, поддерживаемый лишь с воздуха авиацией, держался довольно стойко. Здесь дислоцировалась 25-я пехотная дивизия с приданными ей двумя погранбатальонами.

В аэропорту Хоста (если можно так назвать узкую полоску аэродромной дорожки) состоялась встреча с командиром дивизии и нашим пограничным советником полковником В. Я. Литучим.

Днем осмотрев Хост и его окрестности, с командованием дивизии и пограничниками обсуждали положение дел на границе. По их оценкам, после тяжелых боев и потерь летом 1979 г. обстановка несколько стабилизирова-

лась, хотя активность мятежников проявляется даже на окраинах Хоста. Многое зависит от лояльности местных племен, особенно крупных — джадран, мангал, тани, джаджи и других, имеющих свои вооруженные отряды. Некоторые из них открыто выступают на стороне мятежников. Граница в зоне ответственности дивизии (около 230 км) прикрывалась десятью ротами (пять — пограничных, пять — армейских) в основном на автомобильных перевалах (проходах). Роты были усилены тяжелым оружием, а некоторые из них — танками и бронетранспортерами. Второй рубеж прикрытия составляли резервы батальонов и артиллерийские подразделения.

Начальник погранвойск ДРА полковник Пир Мухаммад (прибыл с нами), ранее служивший здесь, высоко оценивал внимание командования дивизии к пограничным делам, и, судя по докладам командиров — пограничников и нашего советника В. Я. Литучиго, эта оценка была объективной. Но даже и в этих условиях граница практически охранялась лишь по отдельным направлениям, так как роты располагались компактно (почти всем составом) в опорных пунктах, опасаясь нападения мятежников, оставляя, по сути, открытыми значительные участки границы. Слабая результативность разведки просматривалась и здесь — даже при высокой активности мятежников командиры частей и погранбатальонов имели мало конкретных данных об их составе и замыслах на участках своей ответственности.

Были тут и промашки высшего руководства: почти не велась воздушная разведка, по-прежнему не выделялись деньги на оплату ополченцам из местных жителей (в Хосте имелся такой батальон), укомплектованность погранбатальонов была значительно хуже армейских и др. Не срабатывал и замысел с закрытием горных проходов на границе. На этом участке их было свыше пятидесяти, в том числе десять — автомобильных. Пятнадцать прохо-

дов разрушили, но одиннадцать из них вскоре были восстановлены отрядами племен. При всей сложности обстановки и проблемах, с ней связанных, офицеры, с которыми мы встретились в Хосте вызывали уважение: они не паниковали, реально оценивали положение и добросовестно стремились его улучшить.

И мы, возвращаясь в Кабул на следующий день, искренне желали им удачи.

Время моего пребывания здесь истекало и надо было обобщить некоторые материалы, уточнить выводы и оценки для доклада в Москве. Тут меня выручил приобретенный нашим пограничным отделом представительства КГБ опыт анализа и оценки обстановки в ДРА, и в частности в афганском приграничье.

Было очевидно, что при всей сложности ситуации в стране имелись и позитивные моменты. Армии и силам безопасности ДРА (пока довольно слабым) при поддержке советских частей удалось в ряде провинций рассеять наиболее крупные бандформирования. Были и реальные перспективы активного привлечения к охране границ ДРА вооруженных формирований ряда племен — при соответствующем их финансировании. Пример тому — упомянутый мною неплохо действовавший в провинции Пактия (Хост) батальон местных ополченцев численностью около 900 человек. В отличие от прошлого, 1979 г. прорывы через границу из Пакистана и Ирана совершали обычно небольшие по составу, но мобильные группы мятежников. Наиболее сложной обстановка сохранялась на северо-восточном и западном участках границы с Пакистаном (Бадахшан, Кандагар, Забуль и др.) и западных, пограничных с Ираном провинциях (Герат, Фарах, Гильменд). Многие участки границы в этих провинциях и примыкающие к ним районы контролировались мятежниками либо враждебными племенами, и выход туда пограничных подразделений практически был невозможен (по оценке Ген-

штаба ДРА к весне 1980 г. мятежники контролировали около 40% всех провинций в стране).

В этих условиях афганские пограничные подразделения по-прежнему являлись постоянными объектами нападений мятежников. Только в мае 1980 г. на границе с Пакистаном и Ираном произошло 57 боевых столкновений, при этом потери пограничников убитыми и пленными составили более 80 человек.

У меня не было сомнений в том, что в этих условиях оставление на афгано-пакистанском участке каких-либо приграничных провинций, где высока активность мятежников, и отход на более удобный для охраны и защиты рубежей (вопрос, который интересовал Ю. В. Андропова) вряд ли будет позитивно воспринят афганскими властями и реально лишь усилит угрозы непосредственно Кабулу.

Мои конфиденциальные разговоры на эту деликатную тему со Б. Н. Спольниковым и И. И. Сагайдаком (особо афишировать это было нецелесообразно) подтвердили такие выводы.

Одним из важнейших условий обеспечения безопасности ДРА являлось укрепление ее национальных погранвойск. То, что было предпринято к весне 1980 г. афганским руководством с участием наших представителей для укрепления охраны отдельных участков границы, безусловно сыграло положительную роль в стабилизации обстановки в этих регионах. Впервые в охране и защите границы стала более активно применяться авиация. Так, только в мае и первой половине июня 1980 г. на участке Герат — Фарах авиацией было обнаружено и уничтожено (рассеяно) 12 бандгрупп различной численности, досмотрено около 40 караванов с различным грузом.

По расчетам наших специалистов в Кабуле, одна авиаэскадрилья самолетов «Ан-24» («Ан-26»), оснащенная средствами разведки и целеуказания, обеспечивала эффек-

тивный контроль участка границы с Ираном и Пакистаном от Герата до Кандагара. Но, как и при рассмотрении других подобных предложений и идей, все упиралось в материальную основу: нужны люди, личный состав, офицеры, боевая и специальная техника, вооружение и пр. В Афганистане же над всем этим традиционно стоит один хозяин — Минобороны. А у него — свои проблемы. Надо признать, что надежды наших военных в ДРА на ликвидацию горных проходов (в основном на афгано-пакистанской границе) оправдались лишь частично (это было видно и на примере хостинского участка в Пактии). Всего было намечено для ликвидации около 90 проходов (три из них — на границе с Ираном). Поскольку большинство проходов находились в зоне действия мятежников, то разведка их велась в основном с помощью авиации. Из всех зафиксированных проходов около 20 обеспечивали продвижение транспорта, остальные — пешеходные и вьючные перемещения. Часть проходов, находившихся в зоне племен, дружественных или нейтральных к властям Кабула, по просьбе губернаторов провинций (к примеру, в Пактии) были сохранены. В марте—мае 1980 г. 2/3 проходов были разрушены ударами авиации, остальные — специальными саперными подразделениями. Более половины разрушенных проходов могли быть (по оценкам наших специалистов) восстановлены не ранее, чем через два—три месяца с привлечением значительных сил. Остальные были восстановлены местным населением и мятежниками уже спустя несколько недель и даже дней после их подрыва. Такие проходы после доразведки разрушались снова, и это повторялось неоднократно. С минированием проходов тоже возникало много проблем, и оно проводилось лишь частично, в основном с вертолетов.

При всех сложностях и недостаточном продумывании многих деталей эти меры все-таки затрудняли либо воспрещали на какое-то время проникновение через границу,

прежде всего, крупных формирований, караванов мятежников. Анализируя в Кабуле эти широкомасштабные и многообещающие меры, наши пограничные специалисты полагали, что в будущем подобные действия можно проводить лишь на строго выборочной, «прицельной» основе. С таким расчетом, чтобы, во-первых, это не вызывало враждебности к властям среди мирного населения, а, во-вторых, обеспечивало постоянное наблюдение за разрушенными (либо минированными) проходами и воспрепятствование попыткам их восстановления.

Казалось бы, зачем нужна в этих записках такая детализация, да еще мер, не совсем пограничных? Нужна, думается, потому, что в охране и защите границы такая форма применялась впервые, очевидно, и в мировой практике (а первым всегда труднее), и где гарантия, что в будущем подобная проблема не возникнет?

При обсуждении этих вопросов в нашем пограничном отделе представительства КГБ и непосредственно на границе (Пактия, Герат) мы пришли к выводу, что участие пограничников еще на начальном этапе организации этих мер было бы полезным. И в выборе объектов, и в способах контроля над ними. Это мнение я высказал у генерала С. Ф. Ахромеева на встрече с ним в связи с моим предстоящим отъездом в Москву (на встрече был и представитель КГБ в ДРА Б. Н. Спольников). Сергей Федорович согласился с этим и добавил, что участие пограничников в решении этих задач будет учтено при доработке директивы на охрану границы ДРА в летнем периоде. Однако для нас со Спольниковым на этой встрече довольно неожиданными были откровения Сергея Федоровича о ближайших перспективах действий в Афганистане нашей группировки войск. «...Армия выполнила свою миссию — говорил Ахромеев. — Сейчас практически крупных бандформирований в ДРА нет. Операция, которая проводится в Бадахшане, последняя. Период, когда армия играла решающую

роль, кончился. Мятежники перешли на новую тактику: диверсии, террор, действия мелкими группами в городах. А там эффективность действий армии снижается, там поле деятельности сил безопасности...»

Конечно, в этом была своя логика. Но были и вопросы. Если нет, к примеру, крупных бандформирований, то какими силами они контролируют около 40% всех провинций ДРА (по оценке Генштаба), в том числе и большую часть приграничных провинций?

Реальных сил безопасности, способных решать эти задачи, в ДРА тогда не было. К примеру, из планируемого призыва весной 1980 г. 56 тыс. человек, удалось призвать лишь 6 тыс. и, естественно, пограничникам и царандою достались от этого количества лишь крохи.

Следовательно, создать реально эффективные силы безопасности (погранвойска, части царандоя, отряды АГСА), подготовленные к антипартизанским действиям, да тем более в сжатые сроки, можно было лишь с помощью афганской армии, какой-то ее части. Но полгода тому назад главный военный советник в Кабуле и его аппарат утверждали, что «здесь армия решает все», и о создании каких-то сил безопасности не велось и речи. Может быть, теперь появился замысел по созданию таких сил? Сергей Федорович воздержался от прямых ответов на эти вопросы. Умный и осторожный руководитель, он никогда не спешил обнародовать решения или какие-либо идеи, недостаточно продуманные и несогласованные с верхами. Становилось ясно: наши военные руководители в Афганистане стали реально оценивать ситуацию и ищут поддержки среди других союзных силовых структур. И с этим следовало считаться.

Другая неожиданная новость возникла вечером того же дня во время моего посещения посла Ф. А. Табеева. Мой визит к послу накануне отъезда был обычным знаком вежливости и не затрагивал каких-то проблем (о наших де-

лах и впечатлениях мы с ним уже говорили). Уже перед моим уходом Фикрат Ахмеджанович поинтересовался, встречался ли я с Б. Кармалем во время этой поездки. Я ответил отрицательно и объяснил это спецификой моего задания, пребыванием в Кабуле наших генералов высокого ранга (которым я докладывал свои соображения) и тем, что не имел на это прямых указаний. Но посол, видимо, не удовлетворился этим и порекомендовал мне все же проинформировать о своем пребывании в Кабуле хотя бы аппарат Б. Кармаля. Мой звонок из кабинета посла принял один из помощников премьер-министра ДРА, сносно говоривший по-русски. Я вкратце сообщил ему о целях своего пребывания в ДРА, о своих контактах с аппаратом маршала С. Л. Соколова и начальником погранвойск ДРА П. Мухаммадом. Помощник поблагодарил и пожелал счастливого пути. Но спустя полчаса он же пригласил меня к телефону и сообщил, что Б. Кармаль хотел бы со мной встретиться завтра утром. Добавил, что на встречу уже приглашен министр обороны Рафи и спросил, кто еще желателен для этой встречи. Я назвал Б. Н. Спольникова, И. И. Сагайдака и начальника погранвойск ДРА Пир Мухаммада (которого руководство Минобороны так и не удосужилось представить Б. Кармалю ни при назначении, ни позднее). Зная внимание Ю. В. Андропова к таким встречам, я попросил посла дать переводчика с навыками стенографиста.

Утром 14 июня состоялась встреча с Б. Кармалем. Выглядел он бодрым и подтянутым. Смуглое, темно-шоколадного цвета лицо, большой, с горбинкой нос. Держался уверенно, к собеседникам был внимателен. Я сообщил о целях моего приезда в ДРА, впечатлениях о поездке в районы афгано-иранской и афгано-пакистанской границы. Высказал свои соображения о состоянии пограничной охраны ДРА с учетом последних структурных изменений. В числе причин слабой охраны границы назвал: малую

войсковую численность пограничников, их недостаточное техническое оснащение и профессиональную подготовку. Сказал, что предложения об укреплении пограничной службы ДРА имеются в Минобороне и Генштабе, их реализация требует определенных расходов, привлечения дополнительных сил и средств, но это, на наш взгляд, остро необходимо и оправдано. Пояснил, что аналогичные предложения наших советников были разработаны еще весной 1979 г., но и тогда, и сейчас возникают различного рода проблемы, мешающие реализовать их. Сослался на пример затянувшегося формирования Управления погранвойск, особенно органов разведки, тыла и связи. Попросил оказать внимание и поддержку начальнику погранвойск Пир Мухаммаду. В заключение сообщил о действиях наших пограничных подразделений (СБО) в северных, приграничных районах ДРА.

Б. Кармаль слушал внимательно, иногда просил переводчика некоторые формулировки перевести на английский. Говорил он неспеша, четко излагая мысли. От имени ЦК НДПА выразил благодарность КПСС и Советскому правительству, Л. И. Брежневу и Ю. В. Андропову.

Поблагодарил и наших советников за их работу «в сложных, опасных условиях». Сказал, что несмотря на ряд негативных процессов, обострившихся ситуацию в НДПА (имея в виду, видимо, аминовский период), есть все основания для победы народной власти. Важнейшей проблемой в укреплении стабильности в стране он назвал «достижение господства на границе». Согласился с тем, что многое зависит от материальных условий, и решать проблему надо поэтапно. Добавил при этом, что «с учетом нашей нищеты я бы поддержал даудовский принцип безопасности нашей границы на Севере» (т. е. убрать оттуда афганских пограничников, в надежде на нашу охрану). Я вынужден был напомнить Б. К., что подобные попытки убрать афганские пограничные подразделения с советс-

ко-афганской границы уже были и всякий раз возрастала активность мятежников в этих районах. Привел недавний (5.VII) пример о нападении мятежников на советский погранналряд на участке Тахта-Базарского погранотряда, когда был убит старший погранналряда, и о завершенной там операции по ликвидации этой бандгруппы. В. Кармаль с этим согласился, признав, что появление бандгрупп на советско-афганской границе наносит ущерб престижу и ДРА, и СССР. Тем не менее, характеризуя границу с Пакистаном как наиболее опасную, где должны быть, по его мнению, сосредоточены основные силы, он выразил надежду, что «на Севере мы сможем опираться на помощь советских пограничников». Это, по его словам, первая проблема, которая решается пока медленно.

Вторая проблема «больше относящаяся к маршалу» — очевидно имелся в виду Соколов) — это необходимость пересмотра и улучшения тактики действий армии. Здесь есть свои трудности. НДПА несет ответственность за то, что медленно формируются местные органы власти, особенно в освобождаемых от мятежников районах: люди напуганы и боятся поддерживать власть. И в этих условиях нужны особо энергичные меры со стороны армии.

К сожалению, ее действия пока малоэффективны. Значительная часть армии по-прежнему располагается крупными гарнизонами «От времен Македонского афганцы всегда воевали партизанскими методами, и регулярные части никогда не добивались успеха, если они не использовали и не учитывали этот опыт...» Он привел в качестве примера события в провинции Кунар в середине 30-х годов. Там пуштунские племена стали враждовать с королевским режимом, и для их усмирения были направлены войска под начальством его отца — генерал-полковника. Он мальчишкой участвовал в этой экспедиции и помнит, что она закончилась провалом и большими потерями в войсках.

По его мнению, действия в подобных условиях следует вести небольшими по составу, но хорошо подготовленными и мобильными группами по типу «коммандос». Этот принцип, видимо, должен относиться и к пограничным силам. Высказал он неудовлетворенность и разведкой. «У нас все есть: НДПА, Минобороны, ХАД, царандой, но мы ничего не знаем о противнике. Он о нас лучше знает, чем мы о нем». В этом одна из причин слабого противодействия террору и диверсиям мятежников. Другая причина — низкая эффективность судебной системы. Необходимо срочно создавать и укреплять военно-полевые суды. Он считает, что к захваченным с оружием в руках бандитам не относятся положения Женевской конвенции, их дела должен рассматривать на месте военно-полевой суд и выносить решение вплоть до расстрела.

Встреча заняла около двух часов. Было ясно, что высказанные соображения Б. Кармаля (он подчеркнул, что это лишь его рассуждения, а не конкретные предложения) в большей степени относятся к деятельности армии и органам власти и предназначены для Москвы, точнее — для Андропова.

Министр обороны Рафи и Б. Н. Спольников участия в разговоре не принимали, и я поблагодарив Б. Кармаля за откровенный обмен мнениями, сказал, что сообщу об этом своему руководству, а все, что приемлемо к деятельности погранвойск — постараемся учесть, в том числе и в работе наших советников.

В заключение Б. Кармаль сказал, что он доволен встречей и просил передать горячий привет и благодарность Ю. В. Андропову и командованию советских погранвойск. Откровенно говоря, многое из того, о чем говорил Б. Кармаль, я считал правильным в то неспокойное время.

Сугубо гражданский человек, он, видимо, понимал неготовность афганской армии к борьбе с мятежниками и вряд ли находил поддержку своим взглядам среди военных.

Позднее, много лет спустя, мне довелось читать уничижительные реплики некоторых наших военачальников о нем (заносчив, пристрастен к спиртному и пр.). Думаю, эта неприязнь возникла оттуда, с первых дней возвращения Б. Кармаля в Кабул. В отличие от Амина (обожаемого некоторыми нашими военспецами), Б. Кармаль (якобы «человек КГБ») сознавал, что в обстановке, сложившейся в Афганистане к началу 1980 г., нужны не громоздкие, малоподвижные армейские формирования, а силы безопасности — профессиональные и мобильные.

У меня от этой встречи остался неприятный осадок: руководитель страны верно оценивая сложившуюся ситуацию, лишь рассуждал о возможных путях ее стабилизации, видимо, не рассчитывая на поддержку своих и наших военачальников.

Вечером у посла поделились впечатлениями о встрече с Б. Кармалем. Общее мнение сводилось к тому, что период временного затишья в ДРА будет недолгим: рассеянные в начале года и вытесненные в горы (а кое-где и за кордон) крупные бандформирования уже перегруппировались в некоторых провинциях. В Кабуле продолжались теракты, проблемы безопасности посольства стояли остро, и по просьбе посла пограничным отделом представительства была уточнена система охраны и защиты посольства с учетом прибывшей на усиление роты охраны.

В тот же день побывал в нашей группе «Гвоздика». Небольшая по составу (немногим более 20 человек) она состояла из пограничников — сверхсрочников и обеспечивала охрану Б. Кармаля (о ее посещении просили руководители нашего отдела в представительстве КГБ).

Группа была хорошо вооружена, материально и технически обеспечена. Но настроение в группе было неважным: при поспешном вводе ее в службу не были предусмотрены некоторые вопросы быта, отдыха и досуга личного состава, плановое предоставление выходных, отпус-

ков и пр. Со ссылкой на особую важность выполняемой группой задачи, она практически постоянно находилась на казарменном положении. Откровенно высказывая наболевшее, пограничники, тем не менее, заверили, что свою задачу они выполнят достойно. Все эти вопросы были решены: частично — на месте, некоторые — в Москве. Встреча была полезной, и я пожелал им успехов.

В этой поездке была возможность поближе познакомиться с работой наших советников при отделах погранслужбы дивизий (офицеры Д. Г. Новиков, В. Я. Литучий, В. П. Смирнов, И. А. Поляков и др.) Им не всегда удавалось реализовать идеи и предложения руководства нашего представительства и отдела (горький пример тому — события в Колай-Ко), но работали они, на мой взгляд, на пределе возможностей. Причем с постоянным риском для жизни. Подполковник Новиков, к примеру, дабы не привлекать к себе внимание, в некоторых поездках надевал пуштунскую одежду (чалма, шальвары и пр.), а на машину навешивал местный номер. Их бытовые условия были несравнимо сложнее, нежели в Кабуле, но они не роптали. Наша громоздкая, неповоротливая союзная система управления за год так и не удосужилась реализовать предложения о создании при каждом советнике в провинциях ДРА группы (5–6 человек) охраны и обеспечения. Были и другие проблемы. В ходе встреч и откровенных бесед с офицерами все-таки возрастала уверенность в том, что мы одинаково понимаем и свою роль в Афганистане, и пути обеспечения безопасности его границ.

Кроме советников в дивизиях (приграничных), в штат 4-го отдела представительства КГБ в Кабуле входили советники при Управлении погранвойск ДРА, преподаватели-консультанты при Академии царандоя и переводчики. С учетом некомплекта отдел имел обычно 25–30 офицеров-пограничников. С переводом погранслужбы в ведение Минобороны ДРА возросли нагрузки и на советнический

аппарат. В целом в отделе было неплохо налажены организация и планирование работы, в том числе выездов на границу, улучшалась система связи с советниками в провинциях, сбора и анализа информации, подготовки предложений для руководства представительства и др. К сожалению, нашим советникам не всегда доставало гибкости и настойчивости в реализации некоторых важных и нужных мер, особенно связанных с комплектованием и вооружением афганских пограничных подразделений. Здесь были, видимо, и наши просчеты: разрабатывая планы передачи погранслужбы ДРА из МВД в армию, мы не добились укрепления статуса начальника отдела погранслужбы и его советника, и они в ряде случаев оказывались в дивизиях на положении бедных родственников. В Москве порой затягивался подбор и подготовка советников для замены действующих, а также для назначенных на новые должности. Не хватало переводчиков. Да и в самом представительстве порой возникали накладки. Руководитель представительства КГБ Б. Н. Спольников в отличие от своего предшественника Л. П. Богданова в пограничные проблемы в ДРА особо не вникал, и порой его вмешательство в дела 4-го отдела бывало, мягко говоря, не всегда удачным.

Несмотря на деликатность этого вопроса, я посчитал нужным перед моим отъездом из Кабула высказать ему некоторые рекомендации, опираясь на специфику пограничных проблем и устойчивую, добрую репутацию пограничных специалистов в Афганистане. К тому же в представительстве оставались ветераны В. Чучукин, В. Осадчий, Б. Кабанов и другие, с кем часто доводилось решать общие задачи и на поддержку которых можно было всегда рассчитывать. Руководил 4-м отделом по-прежнему полковник В. А. Кириллов, тоже из ветеранов, и как опытный профессионал, он был здесь очень полезен. При всем драматизме ситуации в представительстве не теряли веры в

благоприятное завершение кампании. Была надежда, что все образуется и будет найдено разумное решение для стабилизации обстановки.

В эти же дни стало известно о завершении в Кабуле суда и приведении в исполнение смертного приговора в отношении группы аминовских руководителей. В их числе — несколько родственников Х. Амина (один из них — А. Амин — бывший начальник службы безопасности — КАМ), непосредственные организаторы и убийцы Тараки — бывший командующий народной гвардией Джандад и два его заместителя: Али-Шах Пайман — бывший заместитель министра внутренних дел, командующий царандоем, Сахраи — быстрый министр по делам племен и границ, а также бывший начальник тюрьмы «Пуличархи» и другие — всего около 15 человек. Они обвинялись в превышении власти, нарушениях законности, репрессиях и личном участии в пытках и расстрелах. Кажется, это была первая серьезная акция по утверждению хотя бы относительной законности в стране.

Перед вылетом в Москву попрощался с товарищами. Присели, как водится, «на дорожку», и вновь в Кабульском аэропорту «Ту», выбираясь наверх, крутил спираль, огибая горные склоны и террасы, отстреливая феерические противоракетные заряды-ловушки.

На второй день после прилета в Москву (18 июня) я был с докладом у Ю. В. Андропова. Присутствовал и генерал В. А. Матросов К тому времени Ю. В. много занимался Афганистаном, поэтому надо было сосредоточиться лишь на тех пограничных проблемах ДРА, которые его интересовали. Но, упредив меня, Андропов вновь, как и летом 1979 г., поинтересовался: реально ли рассчитывать в ближайшем периоде на надежное прикрытие афганской границы с Пакистаном и Ираном? И опять пришлось докладывать, что для надежной охраны и защиты этой границы требуется, как минимум четырехкратное увеличе-

ние тех сил, которые на этой границе есть. Но такое усиление вряд ли осуществимо: афганская армия по-прежнему занята другими делами, не считая эту проблему одной из главных, а самостоятельно формировать новые части и подразделения Управление погранвойск ДРА не может, не имея ни мобилизационного аппарата, ни материально-технических средств (все находится в армии). К тому же много времени упущено. Наши предложения по этой части известны афганскому руководству и аппарату главного военного советника.

Я доложил, что перенос пограничной охраны в ДРА (той, какая еще сохранилась) из провинций с высокой активностью мятежников (в основном на пакистанском направлении) на иные, более удобные рубежи был бы очень сложным в исполнении и по ряду причин неприемлемым.

В политическом плане, например, руководство и правящая элита Афганистана по-прежнему не признают границу с Пакистаном (т. н. «линия Дюранда») и считают, что она должна проходить по территории восточного Пакистана, за пределами зоны расселения пуштунских племен. Военный же аспект этой проблемы в том, что уход пограничных и армейских частей из восточных приграничных провинций откроет мятежникам выход к Кабулу.

Разрушение на афганско-пакистанской границе горных проходов и перевалов и их минирование, по оценкам наших специалистов, позволило на какое-то время сдержать перемещение через границу крупных мятежных формирований и их грузов. Но это оправдано и дает результат лишь там, где правительственные силы осуществляют контроль в приграничных районах. Привлечение афганских пограничников к решению этих задач, докладывал я, усилит контроль за состоянием таких участков и поможет снять напряженность среди местного населения.

Сообщив о своей встрече с министром племен и границ ДРА Ф. Мухаммадом, я назвал перспективной идею

привлечения лояльных правительству пуштунских и белуджских племен к защите границ Афганистана, разумеется, при соответствующей организации этого дела и надлежащем финансировании. Андропов одобрительно отнесся к этой идее и тут же поручил Матросову переговорить об этом с В. А. Крючковым (в то время — начальник 1-го Главного управления КГБ).

Он внимательно выслушал сообщение о встрече с Б. Кармалем и его оценках состояния афганской армии и ее роли в борьбе с мятежниками. Поинтересовался, были ли при этом наши представители из группы маршала С. Л. Соколова (наших представителей не было, был министр обороны ДРА генерал Рафи). По поводу предложения Кармаля расширить действия наших пограничников в северных провинциях ДРА он сказал генералу Матросову: «Учти, теперь они от вас не отстанут».

Ю. В. с настороженностью воспринял высказываемую в Кабуле идею о целесообразности передачи основных функций в борьбе с мятежниками от армии к силам безопасности, но согласился с замечаниями В. А. Матросова, что такой вариант можно рассматривать лишь при достижении определенных условий: разгрома всех наиболее крупных бандформирований, создания боеспособных, мобильных сил безопасности и пр.

Он негативно воспринял обсуждаемые нашими специалистами в Кабуле (в том числе из МВД) предложения (а они исходили от афганского руководства и были известны в Москве) о возможном вводе в ДРА (главным образом — в северные его провинции) частей внутренних войск (ВВ) вместо находящихся в Афганистане некоторых армейских частей. Сказывалась ли его известная неприязнь к руководителю МВД Н. А. Щелокову или были другие мотивы — судить трудно. Но сама идея, на мой взгляд, тогда заслуживала внимания, поскольку части ВВ все-таки были профессионально неплохо подготовлены к действи-

ям в условиях Афганистана (они не раз подтверждали это на наших совместных учениях).

Завершая обсуждение этих вопросов, Андропов высказал предположение, что слабая защищенность границ ДРА и неготовность афганских сил при нарастании активности мятежников может надолго осложнить ситуацию в стране. Одобрив предложения генерала В. А. Матросова о некоторых наших мерах по афганской линии, Ю. В. предупредил о возможности неожиданного развития событий на советско-афганской границе и нашей готовности к ним. Он поблагодарил меня за выполнение задания, и на этом встреча закончилась.

Предостережение Андропова о возможности обострения ситуации в Афганистане, разумеется, было небеспочвенным: уже знакомясь с разведывательными сводками в штабе погранвойск, нельзя было не отметить широкомасштабную подготовку афганских мятежников в соседних с ДРА Пакистане и Иране.

В Пакистане к лету 1980 г. имелось более десятка лагерей и курсов по подготовке боевиков различных специальностей, расположенных главным образом в северо-западной провинции Пешавар. Здесь же размещался и объединенный центр (штаб) мятежников. Вербовали в боевики в основном из лагерей афганских беженцев, численностью (по утверждению пакистанских властей) свыше миллиона человек.

Подготовку боевиков вели пакистанские инструкторы при участии (точнее, под надзором) американских, арабских и китайских советников и специалистов. Из Пакистана в Афганистан шла переброска оружия и боеприпасов, в том числе противотанковых средств и переносных зенитно-ракетных комплексов. Там же, в Пакистане, было развернуто производство стрелкового оружия советских образцов (автоматы Калашникова и др.) Общее руководство координацией действий мятежников на территории ДРА,

их вооружением и обеспечением осуществляла группа под руководством генерального инспектора пограничной жандармерии Пакистана генерал-майора Зульфикара.

Нарастали масштабы подготовки афганских моджахедов и в Иране — тоже в основном с привлечением афганских беженцев. Их подготовка проводилась в лагерях, расположенных в районах Тегерана, Мешхеда, Тайабада, Захедана и некоторых других. Подготовку боевиков вели иранские инструкторы из «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР) под присмотром личного представителя имама Хомейни. Отсюда (из КСИР) шло обеспечение мятежников оружием и боеприпасами. Была налажена постоянная связь между штаб-квартирами мятежников в Пешаваре и Мешхеде в целях координации их действий на территории ДРА.

Такой размах подготовки мятежников означал только одно — вооруженная борьба в Афганистане развернута всерьез и надолго. По информации из Кабула, наибольшая активность мятежников к концу лета отмечалась на границе и в приграничных провинциях Кунар, Нангархар, Пактия, Забуль, Кандагар, Фарах, Герат, Бадгиз, Бадахшан и некоторых других. Действовали они по-прежнему небольшими формированиями, устраивали засады на дорогах, широко применяя террор и диверсии.

Руководство ДРА и наше командование ОКСВ стремились к осени текущего года ликвидировать их основные силы и базы, стабилизировать обстановку в основных регионах страны.

В июле в целях усиления влияния Центра на укрепление местных органов власти в оперативные зоны (территория ДРА для удобства политического и военного управления была разделена на восемь зон) были назначены уполномоченные из числа ответственных работников ЦК НДПА, а в Кабуле создан штаб во главе с Б. Кармалем. Принимались руководством ДРА и другие меры. Однако силы мя-

тежников (хотя и разрозненные) были внушительными и представляли серьезную угрозу. Эта угроза объективно настраивала наше командование ОКСВ в ДРА к более решительным и масштабным действиям против мятежников (о спокойном стоянии в гарнизонах уже не говорилось). Прежде всего были предприняты меры к совершенствованию самой группировки ОКСВ (ее численность около 90 тыс. человек). Из его состава в СССР выводились некоторые части (танковые и другие). Летом и осенью советскими и афганскими частями была проведена серия операций против мятежников, в основном в приграничных районах ДРА.

Некоторые операции и боевые действия (в провинции Нангархар, Пактия, Нимроз и др.) были удачными. В Пактии, к примеру, армейскими и пограничными подразделениями 25-й пехотной дивизии (Хост) был разгромлен крупный отряд мятежников, пытавшийся окружить и уничтожить одну из пограничных рот (здесь в организации боевых действий активно участвовал пограничный советник полковник В. Я. Литучий).

В провинции Нимроз умело организованной засадой сводного отряда из советского и афганского подразделений была разгромлена крупная бандгруппа во время ее переправы через границу из Ирана.

Было захвачено более десятка автомобилей, значительное количество снаряжения и боеприпасов.

Однако многие операции, при всей масштабности их подготовки, оказывались малорезультативными (в провинциях Герат, Кандагар, Бадахшан и др.): мятежники рассеивались, уклонялись от столкновения с армейскими частями, отсиживаясь, как правило, в труднодоступных районах либо густозаселенных местах. Повторные операции («зачистки»), проводимые там, тоже не всегда были результативными.

Казалось бы, силы для борьбы с мятежниками были сосредоточены огромные: соединения и части афганской

армии, подразделения царандоя и СГИ (безопасности), различные военизированные формирования («Отряды защиты революции», ополченцы, группы вооруженных партактивистов НДПА, поддерживающие правительство вооруженные отряды «малишей»), плюс армейские соединения и части (ОКСВ), а также пограничники, подразделения «Каскад» (КГБ) и «Кобальт» (МВД) в северных провинциях ДРА. Думается, отсутствие единой, четкой системы управления этими силами по общим замыслам и планам ввиду их разнородности, принадлежности к различным ведомствам и структурам было одной из причин их слабого влияния на стабилизацию обстановки в ДРА.

По-прежнему не удавалось привлечь на сторону властей вооруженные отряды ряда пуштунских племен. По сообщениям из Кабула (со ссылкой на доклад министра по делам племен и границ), для содержания таких отрядов, изъявивших готовность охранять границу с Пакистаном, общей численностью свыше 6 тыс. «малишей», требовалось около 5 млн. долларов в год. Но в Кабуле таких денег не было, а в Москве сомневались в целесообразности этих мер.

Подтверждались наши сомнения и о возможностях армейского командования реально укрепить охрану афганской границы, в первую очередь с Пакистаном.

Практически до осени 1980 г. состав пограничной службы ДРА оставался прежним. Правда, несколько улучшилось техническое оснащение пограничных подразделений, главным образом, радиосредствами. Но их служебный и боевой потенциал оставался низким.

Постоянно участвуя в боевых столкновениях с мятежниками, они несли большие потери. Так, только в июне потери убитыми составили 104 человека, было утрачено (подбито) четыре бронетранспортера. Потери эти восполнялись слабо: в октябре из осеннего призыва новобранцев пришло около 300 человек.

Намечаемое развертывание (летом) дополнительно трех погранбатальонов и шести погранкомендатур (для охраны границы на севере), равно как и пополнение существующих подразделений до уровня армейских, тоже не было сделано. Так что рассчитывать на надежную охрану границ в Афганистане пока не приходилось.

Компенсировать это нам приходилось наращиванием усилий по укреплению охраны границы в Средней Азии и оказанию помощи афганским властям в обеспечении безопасности в северных, приграничных с нами провинциях ДРА.

Кстати, такая помощь не ограничивалась чисто военными мерами. Летом 1980 г. последовало, к примеру, решение правительства СССР о более активном участий республик Средней Азии в оказании помощи девяти северным провинциям ДРА. Позднее, в октябре новым решением инстанций эти задачи перед республиками были уточнены: указаны конкретные подшефные провинции, определены основные сферы помощи (развитие сельского хозяйства, строительство, здравоохранение, подготовка кадров и др.). Справедливости ради, надо отметить, что подобные гуманитарные меры республиками слабо использовались для укрепления авторитета нашей страны и положения местных афганских властей. Особенно когда материальные средства попадали в руки местных феодалов либо вороватых афганских чиновников.

Группировка наших пограничных подразделений в ДРА практически оставалась без изменений: к осени 1980 г. формирования (СБО) Среднеазиатского погранокруга располагались в девяти районах ДРА против участков, охраняемых нашими Пяиджским, Московским и Хорогским погранотрядами. На Малом афганском Памире (МАП) в пунктах Сархад и Гумбад размещались подразделения Восточного пограничного округа. Очень важное значение имело занятия нашими подразделениями (уси-

ленный СБО на бронетехнике) района Гульхана на Памире, откуда обеспечивалось прикрытие нескольких наиболее доступных перевалов на афгано-пакистанской границе. Там же располагалось небольшое подразделение афганских пограничников и группа вооруженных ополченцев. Общая численность наших пограничников в ДРА составляла около 1,5 тыс. человек.

Действия этих подразделений постоянно поддерживались двумя-тремя звеньями вертолетов. Условия их дислокации и служебно-боевых действий были довольно сложными. Располагаясь по сути вне населенных пунктов и жилых помещений (первоначально — в палатках), подразделения обустраивались сами, сооружали жилые, хозяйственные и складские объекты (как правило, в землянках) и даже бани и хлебопекарни. Естественно, по всему периметру городка создавались оборонительные сооружения. Отсутствие материалов и специалистов компенсировались энтузиазмом и изобретательностью пограничников. Одновременно велись разведывательно-поисковые действия, рейды и засады в своих зонах, не говоря уже об участии в операциях. Важной особенностью деятельности этих небольших гарнизонов в ДРА было поддержание контактов с местными органами власти, организация связи и взаимодействия с афганскими правоохранительными и военными органами и подразделениями.

Традиционное внимание наших пограничников к этим вопросам было полезным: практически ни одна операция, рейд, поиск не обходились без участия афганских подразделений и представителей МВД – СГИ. Конечно, наши командиры не исключали вероятность наличия среди афганских военнослужащих лиц, поддерживавших связи с мятежниками (тогда это случалось часто), и постоянно учитывали это, предусматривая меры оперативной маскировки. Выход и размещение подразделений спецназначения (СН) КГБ «Каскад» в семи пунктах северных про-

винций ДРА, объединенных в два оперативных командования «Север-1» и «Север-2», создавали хорошую основу для их оперативного и боевого взаимодействия — с нашими подразделениями (группы «Каскад», численностью 40–60 человек каждая, располагались в основном в центрах провинций или уездов: Шибирган, Мазари-Шериф, Айбак, Меймене и др.)

Не сразу, но уже к осени 1980 г. при активном участии руководителя спецназа КГБ полковника А. И. Лазаренко и моего давнего товарища полковника Б. А. Пухальского было установлено тесное взаимодействие с нашими пограничниками. «Каскадовцы» располагали хорошей информацией далеко за пределами «своих» провинций, но часто нуждались в силовой поддержке, и такое взаимодействие было полезным. Борис Аркадьевич Пухальский был переведен в спецназ КГБ из штаба погранвойск. Это был всесторонне эрудированный офицер, замечательный товарищ, человек дружелюбный и остроумный. Он многое сделал для совершенствования боевой и профессиональной выучки первых спецназовских подразделений КГБ. К сожалению, он рано ушел из жизни вскоре после возвращения из Афганистана.

К сентябрю 1980 г. командование Среднеазиатского и Восточного пограничных округов располагали обширной и достоверной информацией о местах дислокации мятежников в приграничных районах, их составе, основных базах и путях снабжения.

Было важно до наступления зимы ликвидировать наиболее активные банды, не дать им возможность рассеяться и укрыться в населенных пунктах. Среднеазиатский пограничный круг (САПО) к тому времени располагал уже более крупными силами и средствами, в том числе и штатными резервами округа — четырьмя мотоманевренными группами на бронетехнике (БМП И БТР). Замысел операций («Осень-80») строился на последовательном,

поэтапном их проведении, организации самостоятельных поисков, рейдов, засад, других служебно-боевых действий по заранее выявленным объектам в приграничных районах ДРА на всем участке советско-афганской границы. Замысел этот рассматривался и утверждался начальником пограничных войск генералом В. А. Матросовым и докладывался Ю. В. Андропову. Для участия в этих операциях привлекались около 2 тыс. пограничников, более 100 БМП и БТР, 20–25 вертолетов, различные технические средства (радиолокационные станции, приборы ночного видения, сигнальные приборы и др.). Как и ранее, вместе с нашими пограничниками в боевых действиях участвовали отдельные подразделения афганской армии, пограничников, царандоя и ополченцы.

Операции начинались с памирского участка (против Хорогского и Московского погранотрядов в Куфабской и Джовайской долинах (точнее, в ущельях), в районах Хоун и Рустак и последовательно переносились к западу (против участков Термезского, Керкинского и Тахта-Базарского погранотрядов). На каждом этапе в операции участвовало 300–500 пограничников с бронетехникой при поддержке вертолетов.

Операции эти (с перегруппировками и паузами) продолжались около двух месяцев и в целом прошли успешно. Уже тогда четко обозначились основные слагаемые успеха операций: достоверная информация о мятежниках, скрытность подготовки и внезапность действий (предпочтительнее вертолетными десантами). Отдельные локальные оперативно-боевые действия проводились и в зимнее время.

В итоге этих операций от мятежников были очищены десятки крупных и мелких населенных пунктов, в них восстанавливались местные органы власти, налаживалась мирная жизнь.

В целом же к исходу 1980 г. наши подразделения (СБО) САПО и ВПО провели около 30 операций, поисков и дру-

гих служебно-боевых действий. При этом было ликвидировано или нанесено серьезное поражение более 20 бандформированиям, уничтожено более 2 тыс. мятежников, изъято свыше 1300 единиц огнестрельного и холодного оружия. Наши потери составили 17 пограничников (в основном при совершении маршей, переходов и из-за неосторожного обращения с оружием и боеприпасами), два бронетранспортера и один вертолет. Характерная особенность первых и последующих операций СБО и оперативно-боевых действий того периода — активное использование авиации, главным образом вертолетов (во второй половине 80-го года в САПО, например, дополнительно было поставлено около 20 вертолетов).

Воздушная разведка, высадка десантов, резервов, доставка боеприпасов и материально-технических средств, нанесение огневых ударов по обнаруженным целям, эвакуация раненых — все это становилось неотъемлемой частью боевых действий пограничных подразделений. Соответственно росли и нагрузки на летные экипажи. Так, только за 9 месяцев 1980 г. авиация САПО в ходе операций и оперативно-боевых действий выполнила более 2800 боевых вылетов. При этом было десантировано около 11,5 тыс. личного состава, израсходовано свыше 21 тыс. НУРСов (неуправляемые реактивные снаряды), более 220 авиационных бомб и значительное количество других боеприпасов.

Расширение наших силовых действий в Афганистане, конечно же, прибавило работы штабу погранвойск, но каких-либо специальных управленческих органов для этого пока не создавалось. В оперативном управлении штаба отслеживалась и анализировалась обстановка в ДРА, там же готовились все необходимые материалы, отчеты, рассматривались предложения командования Среднеазиатского и Восточного погранокругов. Другие управления и отделы штаба занимались вопросами комплектования и

усиления этих округов, организации связи с подразделениями на территории ДРА, обеспечением скрытого управления и др. В штабе, к примеру, почти постоянно этим занимались генералы К. В. Регуш, С. И. Ребяткин, полковники: В. В. Сахаров, А. Т. Ашуралиев и некоторые другие. Аналогичным образом афганские вопросы решались в разведывательном управлении, в тыле ПВ, авиационном и автобронетанковом отделах, , других подразделениях ГУПВ, политуправлении.

В практику управления было введено повседневное личное заслушивание генералом В. А. Матросовым командования округа, а чаще — начальника оперативной группы округа, непосредственно руководившего действиями наших подразделений в ДРА, о содержании замысла, порядка подготовки и проведения предстоящей операции, мерах ее обеспечения и пр. Все переговоры, естественно, велись по закрытым каналам связи и документально фиксировались. При этом, как правило, присутствовали начальник штаба, начальник разведуправления или его заместитель, 1–2 офицера-оператора. При необходимости привлекались и другие офицеры-специалисты. Такой метод принятия (точнее, утверждения) решений, конечно, не мог заменить личное общение руководителя (а было и такое во время пребывания генерала В. А. Матросова в этих округах), и тут многое зависело от профессиональных и других командирских качеств представителей пограничного округа. Однако непосредственное участие начальника погранвойск в выработке и утверждении решений предельно сокращало этот процесс (не требовалось никаких согласований) и поднимало личную ответственность непосредственных руководителей операциями. Замысел решений на наиболее сложные операции Вадим Александрович докладывал Ю. В. Андропову. Такая схема управления сохранялась и в последующем, однако ее основные звенья: тактические — на территории ДРА, оперативные — в

пограничных округах (САПО и ВПО) и в Центре постоянно совершенствовались.

Афганские события серьезно повлияли на характер нашей подготовки к «Олимпиаде-80», намеченной на лето 1980 г. в Москве. Дело в том, что кроме масштабной антисоветской кампании и призывов к бойкоту этого Международного спортивного форума, развернутых тогда в США и ряде других стран, возникали прямые угрозы организации диверсий и террористических актов в местах ее проведения, то есть на территории СССР. Подобный прецедент уже был (на Олимпиаде в Мюнхене против израильских спортсменов в 1972 г.), и эти угрозы, исходящие в основном от мусульманских экстремистских организаций, были серьезно восприняты руководством КГБ. Будучи членом созданного решением инстанций Объединенного штаба КГБ — МВД по обеспечению безопасности Олимпиады (от КГБ в него входили известные чекисты генералы В. М. Чебриков, В. К. Бояров, И. П. Абрамов и др.), хочу подчеркнуть, что меры безопасности тогда действительно разрабатывались беспрецедентные и масштабные.

Перед пограничными войсками (особенно службой контрольно-пропускных пунктов) была поставлена конкретная, предельно жесткая задача: исключить даже единичные случаи проникновения в СССР террористов, а также провоза средств диверсий и террора. Решение этой задачи потребовало проведения огромной работы по прогнозированию и выявлению потенциальных террористов в многочисленных потоках иностранных туристов и спортсменов; серьезного технического переоснащения пограничных КПП и, по сути, организации новой, более совершенной технологии и досмотра людей и грузов. Все эти задачи решались в тесном взаимодействии с оперативными подразделениями КГБ, органами безопасности и службами КПП дружественных нам стран. Разумеется, при этом самое пристальное внимание было уделено лицам, при-

бывающим из стран Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и, конечно же, из Афганистана (кстати, к началу 1980 г. оттуда в основном предпринимались попытки провоза оружия и боеприпасов, в том числе и некоторыми нашими военнослужащими). Во многом благодаря принятым мерам Олимпиада прошла спокойно, без каких-либо «сюрпризов».

Характерной особенностью в работе Главного управления погранвойск (и штаба, естественно) было постоянное тесное взаимодействие с теми подразделениями, структурами КГБ, которые так или иначе занимались Афганистаном. И прежде всего — с 1-м Главным управлением (там афганскими делами занимались сам начальник ПГУ генерал В. А. Крючков и генералы Б. С. Иванов, Я. П. Медяник) и Оперативно-техническим управлением КГБ, которое возглавлял генерал В. П. Демин Практически дня не проходило без взаимного обмена информацией либо обсуждения и решения каких-то проблем.

К примеру, о действиях в Афганистане (точнее, в Кабуле) подразделений спецназа КГБ «Зенит» и «Гром» знают нынче многие (первоначально они именовались подразделением СН «А», позднее — «Альфа»). А это известное формирование комплектовалось и готовилось при активном участии пограничников. Его первыми руководителями были Герой Советского Союза (позднее — генерал) полковник В. Д. Бубенин и уже упомянутый мною полковник Г. И. Бояринов, получивший звание Героя посмертно.

До описываемых событий в ДРА первое подразделение спецназовцев обычно занималось в учебных центрах погранвойск, а с 1982 г. его военнослужащие проходили плановую боевую стажировку в одной из десантно-штурмовых групп Керкинского Краснознаменного погранотряда, непосредственно участвуя в боевых операциях на территории ДРА. К началу 1981 г. у подразделений СН КГБ

«Каскад», расположенных в северных районах ДРА. возникли проблемы с комплектованием, и по решению руководства КГБ они пополнялись личным составом погранвойск, составившим тогда основной костяк этих подразделений.

Сравнивая события 1980 г. с последующими годами, надо отметить, что при всех ошибках и промахах (наших и афганских властей) этот год был отмечен активными попытками очистить от мятежников наиболее «обжитые» ими районы и населенные пункты ДРА — теперь уже при непосредственном участии там наших войск. И это во многих случаях удавалось. Но слабая социальная опора власти среди многих слоев населения страны, ограниченные возможности силовых структур государства в борьбе с мятежниками и «прозрачность» границ ДРА не позволяли закреплять достигнутые результаты.

ГЛАВА 3
Ввод основных пограничных подразделений в северные провинции ДРА. Первые успешные операции и неудачи

«За хорошим забором —
всегда хорошие соседи»
(Шведская пословица).

Новые предложения афганского руководства. Обострение ситуации в приграничных провинциях ДРА. Действия наших подразделений: успешные и неудачные (первые серьезные потери в Куфабе). Формирование, подготовка и ввод новых пограничных подразделений в северные провинции ДРА).

Начало 1981 г. было отмечено новыми и довольно неожиданными инициативами Кабула: в МИД, Минобороны и КГБ поступила телеграмма из нашего посольства за подписью посла, главного военного советника (ГВС) и руководителя представительства КГБ в ДРА. Сообщалось, что группа афганских министров, секретарей ЦК НДПА (Кештманд, Нур, Зерай, Рафи и Наджиб), ссылаясь на мнение Б. Кармаля, выдвинула предложение — осуществить ускоренное закрытие афганскими и советскими войсками границы ДРА, и в первую очередь с Пакистаном. В этих целях они предложили ввести на территорию ДРА советские пограничные части и подразделения для прикрытия наиболее угрожаемых направлений на границах Афганистана.

Мотивировалось это осложнением обстановки в приграничных районах и в целом в ДРА, а также слабыми возможностями афганской армии и погранохраны. При этом предполагалось, что наши пограничные подразделения будут развернуты на втором рубеже охраны, сохранив на первом рубеже (у линии границы) афганские пограничные подразделения (кстати, это было нереально, поскольку они практически охраняли не границу, а места своей дислокации).

Спустя несколько дней (в 20-х числах января) для рассмотрения поступивших предложений в Москву прибыли ГВС генерал А. Майоров, его заместитель генерал В. Черемных, представитель КГБ в Кабуле генерал Б. Спольников и представитель наших погранвойск генерал В. Константинов (он, как оказалось, не участвовал в подготовке этих предложений).

Обоснования армейских представителей и Б. Спольникова сводились к тому, что, несмотря на некоторые позитивные итоги в стабилизации обстановки, положение в ДРА в целом остается весьма сложным.

В ряде провинций нарастает активность мятежников, особенно по части диверсий и террора, блокады основных коммуникаций. Серьезную поддержку вооруженная оппозиция по-прежнему получает из-за кордона. Все это ведет к дальнейшему ухудшению экономики, жизненного уровня людей, подрывает их веру в стабильность и прочность власти. Меры, предпринимаемые политическим руководством ДРА, военными властями ощутимых результатов пока не дают.

В этих условиях Б. Кармаль считает целесообразным:

— во-первых, расширить права и функции советских военных советников, вплоть до права принятия ими самостоятельных решений на проведение операций и боевых действий в зонах ответственности их соединений и частей;

— во-вторых, как можно скорее афганскими и советскими войсками закрыть границы ДРА, и прежде всего — с Пакистаном.

Ссылаясь на мнения указанной выше группы министров, наши представители подчеркивали, что речь идет о вводе на территорию ДРА советских пограничных частей и подразделений для прикрытия наиболее важных участков границы. К тому же сами они эти предложения поддерживают.

Руководство Минобороны (Устинов, Огарков) свою позицию по этим предложениям открыто не высказывало (но, очевидно, и не возражало), а от Андропова нам последовало указание — в самые сжатые сроки изучить предложения и доложить ему.

Афганское руководство и наши военные представители наконец-то осознали насколько опасна угроза «прозрачности» афганских границ — это был факт положительный. Однако способы решения этой проблемы, на наш взгляд, были недостаточно проработаны. В предложениях из Кабула были противоречия и недоговоренности.

При всей важности надежного прикрытия границы ДРА не указывалось, какая роль в этом должна принадлежать афганской армии, царандою, наконец, нашей группировке. Простые расчеты показывали, что для надежного прикрытия границы с Пакистаном (протяженностью свыше 2 тыс. км, в основном высокогорной, понадобилось бы добавить 20–25 пограничных батальонов (мангрупп) к тем афганским пограничным подразделениям, которые несли там службу (чисто символически, как сказано выше). Плюс не менее 10 погранбатальонов для прикрытия афгано-иранской границы. Итого 30–35 батальонов общей численностью 12–15 тыс. человек.

Учитывая, что территории многих приграничных провинций ДРА контролировались мятежниками, размещаться там и вести служебно-боевые действия могли только

хорошо оснащенные и подготовленные части и подразделения. Однако Главное управление погранвойск КГБ, как известно, подобными резервами не располагало. Снять же с каких-либо участков границы Союза подразделения такой численности в то время было крайне опасно.

В предложениях из Кабула не были учтены и некоторые аспекты международно-правового характера. К примеру, с появлением советских пограничных подразделений на границе с Пакистаном и Ираном любой пограничный инцидент на этих границах мог перерасти в конфликт с непосредственным втягиванием в него нашего государства. Ко всему прочему, это еще означало бы и взятие нами полной ответственности не только за состояние охраны и защиты границы Афганистана, но и за решение всех пограничных вопросов, возникающих постоянно на границе, порой острых, затрагивающих интересы многих организаций и ведомств ДРА.

Этих и других аргументов, исключающих наше непосредственное участие в охране границ ДРА с Пакистаном и Ираном, набралось более чем достаточно, что и было изложено нами в записке Андропову. Естественно, мы не могли не высказать своего отношения и к вопросу о том, как, каким образом защитить границы Афганистана на наиболее опасных участках. Создание новых пограничных формирований на основе призыва пополнения (а он, как известно, уже несколько лет проводился там методом принудительным — в ходе облав и задержаний) проблему не решало. Да и офицерских кадров не было. Выход напрашивался один: для защиты всех угрожаемых участков границы с Пакистаном и Ираном, кроме пограничных подразделений, надо было привлечь армейские части и царандой ДРА, вооруженные отряды пуштунских и белуджских племен (разумеется, оплачиваемых) и ополчение. Такой вариант был реальным, так как в то время при общей численности афганской армии в 150 тыс. человек выде-

лить для защиты границы (а эта задача руководством ДРА называлась едва ли не главной) 10–15 тыс. военнослужащих, на наш взгляд, не представляло особой сложности. Безопасность основных стратегических объектов страны и коммуникаций в то время в основном обеспечивали наши части ОКСВ. Для подготовки армейских частей к пограничной службе требовалось максимум 2–3 месяца, и мы были готовы обеспечить такие части советниками и инструкторами. Для изучения на месте условий и возможностей нашего участия в этих делах, и особенно применения технических средств в защите границы, предлагалось направить в ДРА небольшую группу наших специалистов во главе с заместителем начальника погранвойск генерал-лейтенантом В. К. Гурьяновым. Таковы были наши основные предложения, которые генералом В. А. Матросовым докладывались Ю. В. Андропову.

С этими выводами и предложениями Андропов согласился, подчеркнув, что о направлении наших пограничных подразделений на границу с Пакистаном и Ираном не может быть и речи. Но он указал на необходимость в ГУПВ изыскивать иные эффективные формы и способы оказания помощи Афганистану в защите его границ.

По нашим оценкам, реальной помощью афганским спецслужбам и пограничникам могло бы стать усиление нашей активности в ликвидации основных сил мятежников в приграничных районах ДРА, что хотя бы частично снимало нагрузку с афганских коллег. При всей масштабности оперативно-боевых действий наших подразделений в северных районах ДРА зимой 1981 г. наибольшим размахом и результативностью выделялась операция «Зима-81».

Проводилась она в западном Припамирье против участков Московского и Пянджского погранотрядов силами четырех сводных боевых отрядов (СБО) и авиаэскадрильи с участием афганских пограничников и ополченцев.

В целях ликвидации мятежных формирований в районах о. Даркад, населенных пунктов Дашти-Кала, Чахи-Аб, Каландара и др. Операция длилась в течение месяца и завершилась в 20-х числах февраля вполне успешно. Были ликвидированы (захвачены) базы более десяти «исламских комитетов» и их формирований, задержано несколько главарей, уничтожено и захвачено в плен более 200 мятежников, проверено около 100 населенных пунктов и оказана помощь в восстановлении там местных органов власти.

В феврале возвратились из Кабула генерал В. К. Гурьянов и полковники В. В. Сахаров и Л. А. Якубовский. Их доклад о положении на границах ДРА не прибавлял оптимизма к информации наших представителей, но кое-какие детали заслуживали внимание. Они подтверждали чисто символическое состояние охраны границы с Пакистаном (задействовано шесть пограничных и пять армейских батальонов, контролирующих немногим более 200 км) и Ираном (задействовано шесть пограничных батальонов, контролирующих лишь около 160 км границы). Все эти подразделения находились в окружении мятежников или враждебных племен и были лишены возможности нести службу в пределах своих участков.

На севере (граница с СССР) было выставлено пять пограничных комендатур, тоже охранявших, по сути, места своей дислокации. Укомплектованность пограничных подразделений составляла по-прежнему 32–35% (почти вдвое ниже, нежели в армейских), из имеющихся 38 бронетранспортеров в исправности лишь шесть. Средств инженерного оборудования границы не было, да при таком состоянии пограничной охраны они вряд ли могли быть применены.

Если бы было принято предложение Кабула о вводе на эти участки границы советских пограничных подразделений, то на их плечи легла бы ответственность за охрану линии границы, протяженностью почти 2,5 тыс. км.

Отказ руководства КГБ от реализации таких предложений вынудил военное командование в Кабуле разрабатывать свои меры прикрытия границы, но уже с участием армейских сил.

Решено было на базе существующих погранбатальонов и некоторых афганских армейских частей сформировать пять пограничных бригад (27 погранбатальонов), подчинить их трем армейским корпусам и 17-й пехотной дивизии (в Герате). В феврале состоялось решение правительства ДРА о формировании пяти пограничных бригад со штабами в городах: Джелалабад, Гардез, Кандагар, Фарах, Герат. Численность бригад предусматривалось довести до 50–80% к штату. Их формирование и развертывание намечалось завершить к исходу мая текущего года. Эти бригады по замыслу должны были составить первый рубеж охраны границы, второй — армейские части ДРА (10–40 км от границы) и третий — советские части и подразделения (на удалении 30-80 километров). Предусматривались и некоторые другие меры по улучшению управления и обеспечения войск.

Принятие меры, конечно, были крайне необходимы. Но даже при успешной их реализации не было оснований рассчитывать, что отныне границы ДРА будут надежно защищены. К примеру, граница с Пакистаном прикрывалась лишь тремя пограничными бригадами (по 3–5 погранбатальонов в каждой). Даже при наличии в тылу каких-либо вспомогательных рубежей, занимаемых армейскими частями, такая система была в состоянии надежно контролировать лишь отдельные направления и участки. К тому же формируемые части остро нуждались в техническом оснащении, особенно в автобронетехнике, но надежд на ее получение было мало (ГВС запрашивал для этих бригад более 200 бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а выделили лишь 45). Тем не менее начало было положено, и была надежда, что за этими мерами последуют другие, более эффективные.

Однако не прошло и месяца, как из Кабула поступили новые предположения. В марте посол, главный военный советник и представитель КГБ прислали телеграмму (в МИД, Минобороны и КГБ), в которой предлагали к лету 1981 г. ввести в северные районы Афганистана три полка внутренних войск МВД или три пограничных отряда. Предложения эти обосновывались резким обострением обстановки в ДРА (несмотря на успешные операции против мятежников в Нангархаре, Лагмане, активные боевые действия в ряде других провинций).

Сообщалось, что под контролем мятежников находится около 100 уездов и волостей (из 284). Из-за террора, диверсий, блокады коммуникаций в стране не работает 1/3 всех предприятий. Особо подчеркивалось обострение обстановки в северных провинциях ДРА, где находятся основные объекты нашего экономического сотрудничества. Уход оттуда в юго-восточные районы ДРА (ближе к границе с Пакистаном) якобы некоторых афганских частей ставит под угрозу существование и этих объектов, и безопасность наших специалистов (более 1,5 тыс. человек).

Эти предложения поддержки ни в КГБ, ни в МВД не получили, хотя в последующем нашим пограничным и армейским подразделениям пришлось этим заниматься, поскольку нарастающая активность мятежников вблизи нашей границы требовала принятия необходимых мер.

Весной 1981 г. основными объектами оперативно-боевых действий наших подразделений в ДРА были определены места дислокации и базы мятежников в западном Припамирье, на Малом афганском Памире и в полосе ответственности пограничных подразделений на всем участке советско-афганской границы.

Для этих действий (по плану «Весна-81») привлекались подразделения общей численностью около 2 тыс. человек. До начала активной фазы (март—апрель) в обоих

округах (САПО и ВПО) была проведена реорганизация некоторых подразделений (вместо СБО формировались штатные мотомангруппы, в г. Душанбе развертывалась отдельная авиаэскадрилья и др.). Были внесены коррективы в систему управления: в Среднеазиатском пограничном округе для непосредственного руководства оперативно-боевыми действиями наших подразделений в сопредельном прикордоне формировалась штатная оперативная группа (место дислокации — г. Пяндж, погранотряд) во главе с заместителем начальника войск пограничного округа. В Восточном пограничном округе подразделениями, действовавшими на Малом афганском Памире, руководила оперативная группа в кишлаке Лянгар.

Штатная оперативная группа (на правах отдела) была создана и в штабе погранвойск КГБ. Ее возглавил бывший начальник войск Среднеазиатского погранокруга генерал И. Г. Карпов.

Иван Григорьевич Карпов знал Центральноазиатский регион и хорошо понимал специфику оперативно-боевых действий в афганском прикордоне. Его инициатива и активность в решении афганских вопросов были для нас в штабе весьма полезны. Многие вопросы он решал непосредственно с генералом В. А. Матросовым, поскольку Вадим Александрович взял за правило лично участвовать в проработке и утверждении практически всех замыслов и планов операций и боевых действий наших подразделений в ДРА.

В конце марта состоялось заседание комиссии Политбюро ЦК по Афганистану (Андропов, Громыко, Устинов, Пономарев и др.). Ситуация в ДРА оценивалась как сложная. Были одобрены меры и планы командования ОКСВ на лето 1981 г., в том числе по пограничным делам. В эти же дни Ю. В. Андропов рассмотрел и одобрил замысел действий наших пограничных подразделений в северных афганских провинциях.

По этому замыслу («Лето-81») наши подразделения оставались в местах своей дислокации и организовывали оперативно-боевые действия в зонах своей ответственности вдоль всей советско-афганской границы на глубину 10–15 километров.

В первой декаде апреля с этим замыслом был ознакомлен генерал С. Ф. Ахромеев. Сергей Федорович замысел действий также одобрил и поддержал нашу просьбу о дополнительной поставке нам бронетранспортеров «БТР-70».

Из всех операций и боевых действий наших подразделений в ДРА, проведенных весной этого года, наиболее характерной (и результативной) можно назвать операцию «Мургаб» против участка Тахта-Базарского погранотряда. Операция была начата практически без подготовки, непланово в связи с исчезновением на 7-й погранзаставе ночью 28 марта конного пограничного наряда в составе двух пограничников. Заблудиться они не могли и предположительно были либо убиты, либо захвачены афганской бандгруппой (данные о появлении небольших групп мятежников вблизи границы поступали). Ранее, в 1980 г., на 9-й заставе этого отряда бандитами было совершено нападение (из засады) на пограничный наряд и был убит старший пограничного наряда.

Первоначально поиск велся ограниченными силами в направлении на Калай-Нау (центр провинции Бадгиз). Но спустя несколько дней понадобилось привлечь дополнительные силы и средства для проведения операции (руководил ею начальник войск САПО генерал Г. А. Згерский). Вскоре у некоторых задержанных и убитых бандитов были обнаружены предметы одежды и снаряжения, принадлежавшие пограничному наряду. Операция продолжалась около месяца, проводилась активно, поскольку была поставлена задача не только найти (живых или убитых) пограничников, но и очистить центральную часть

этой провинции от бандитов. Много и результативно работали разведчики.

В конечном итоге удалось установить картину нападения душманов на пограничный наряд, зверского убийства обоих пограничников (тела их нашли) и примерно наказать бандитов. При этом было ликвидировано несколько бандгрупп, уничтожено около 200 мятежников, более 100 задержано, изъято свыше 300 единиц стрелкового оружия, боеприпасы и документы нескольких бандгрупп. Наши потери были незначительны.

В этой операции с большой нагрузкой работали вертолеты, совершив более 900 боевых вылетов, израсходовав при этом около 4,5 тыс. НурСов, несколько десятков авиабомб и много других боеприпасов. Особенно эффективными были удары вертолетов с наводчиками на борту из числа местных активистов и работников правоохранительных органов ДРА.

Операция «Мургаб» в тот весенне-летний период была не единственной, проведенной удачно. В мае была получена информация о появлении крупного формирования мятежников в районе к. Чахи-Аб (против участка Московского погранотряда). Поднятые по тревоге подразделения (две мотомангруппы на БМП и БТР) с участием афганского подразделения и ополченцев в сжатые сроки блокировали этот район. Мятежники оказали упорное сопротивление, но применение боевых вертолетов и бронетехники решило исход этой операции — бандформирование было полностью ликвидировано при незначительных потерях среди афганских военнослужащих. У нас потерь не было.

Эти и некоторые другие эпизоды показывали, что, действуя «непланово», внезапно, с получением достоверной информации, наши подразделения добивались больших успехов, нежели проводя операции, планируемые заблаговременно. Разумеется, и в первом случае успех зависел

не только от достоверности информации, но и от состояния повседневной боевой готовности подразделений, оперативно-тактической зрелости офицеров. Активные действия наших подразделений в зонах своей ответственности весной 1981 г. в какой-то мере стабилизировали обстановку в афганской приграничной полосе. Однако в целом обстановка в северных провинциях ДРА ухудшалась.

Мятежники, наряду с диверсиями и террором, переходили к активным действиям на коммуникациях. Наибольшая опасность блокады, засад возникала на дорогах Шибирган — Акча — Калиф; Меймене — Андхой и др. Возникла и непосредственная угроза газопроводу из ДРА в нашу страну. В апреле бандгруппы совершили несколько нападений на пункты охраны линии газопровода — малочисленные посты царандоя (против участка Керкинского погранотряда). Некоторые посты были захвачены мятежниками, другие разбежались сами, поэтому газопровод какое-то время практически не охранялся.

Неутешительной была информация и с границы ДРА с Пакистаном и Ираном, особенно из юго-восточных приграничных провинций, территории которых, исключая крупные населенные пункты, контролировались мятежниками. По данным пограничной разведки через границу здесь ежемесячно проникали (с боем или беспрепятственно) 3–4 тыс. боевиков. Участились нападения, главным образом с пакистанской территории, на афганские пограничные подразделения. В апреле-мае на этих участках произошло более 60 боевых столкновений афганских пограничников с вооруженными группами мятежников. В отдельных случаях нападавшие группы удавалось ликвидировать, либо рассеять и выдворить их за границу. Но были и неудачи, потери.

По оценкам наших пограничных представителей в Кабуле, командование афганской погранохраны (начальник ПВ полковник Пир Мухаммад, его заместители — пол-

ковник Пир Фатех и Дауд Шах) работали активно и согласованно. Однако не всегда удавалось довести какое-то дело до конца. Отношение к ним со стороны высшего военного руководства ДРА по-прежнему не отличалось должным вниманием.

Трудно шло формирование планируемых пяти пограничных бригад. Укомплектованность их боевых подразделений — батальонов и рот — была ниже армейской и составляла едва 35–40% штатной численности. Выше уже говорилось, что принудительный призыв стал в армии основным. Теперь же, по инициативе ГВС, каждый род войск должен был «добывать» себе призывников сам.

Вынуждены были заняться этим и пограничники, не имея ни навыков, ни специальных служб, поэтому о качестве призыва говорить не приходилось. Как и ранее, остро не доставало боевой и специальной техники (вместо положенных по штату 300 бронетранспортеров имелось лишь 60, вместо 1000 автомобилей — лишь 100 и т. д.). Такие темпы развертывания и укрепления пограничных войск, конечно, ничего хорошего не обещали.

Хотя другие силовые структуры, войсковые формирования в ДРА имели и значительную численность, и оснащенность, но их вклад в обеспечение безопасности страны был, мягко говоря, неадекватным.

На этот негативный фактор (пассивность, уклонение от активных действий против мятежников) было указано маршалом С. Л. Соколовым во время его поездки с генералом Я. П. Медяником (заместитель начальника ПГУ КГБ, занимался Афганистаном) в последних числах мая по некоторым приграничным провинциям ДРА. Так, при довольно высокой численности частей 3-го армейского корпуса (г. Гардез) его влияние на обстановку даже в своей провинции было более чем скромным. Длительное время отмечалась активность мятежников в районах Кандагара и Герата, несмотря на довольно высокую численность войск

кандагарского корпуса и 17-й пехотной дивизии в Герате. Аналогичные факты наблюдались и в других провинциях. Словом, прав был Б. Кармаль, когда задавал вопрос: «Зачем нам такие корпуса и дивизии?» Думаю, эта поездка маршала подтолкнула афганское командование и наших представителей к некоторым дополнительным мерам по защите границ Афганистана.

Новым планом на 1981–1983 гг. было предусмотрено развертывание дополнительно трех пограничных бригад. Таким образом, всего развертывалось восемь бригад: четыре — на границе с Пакистаном, две — на границе с Ираном и две — на северной границе (Мазари-Шериф и Файзабад).

Было намечено также развертывание двух отдельных авиаэскадрилий, двух специальных частей и учебного центра в Кабуле. Для всех намечаемых к развертыванию формирований требовалось более 60 советников-пограничников и около 30 переводчиков.

В сравнении с предыдущим планом (февраль 1981 г.) Эти меры выглядели более масштабно (впервые намечалось создание подразделений пограничной авиации. Казалось бы, они были довольно существенными, но основания сомневаться в их реальности все-таки были. Вопреки первоначальному плану укомплектованность пограничных подразделений, обеспечение их боевой и специальной техникой оставались крайне низкими. И не было гарантии, что дополнительно развертываемые части будут укомплектованы лучше. Был и другой фактор, не менее сложный: реально этими силами (даже при удовлетворительной их укомплектованности и техническом обеспечении) можно было прикрывать лишь отдельные участки и направления, но не всю границу Афганистана. В ГОУ Генштаба (нашего) и в аппарате главного военного советника в Кабуле все сомнения на этот счет объясняли, как и раньше, тем, что афганская армия решает основную зада-

чу по борьбе с мятежниками в стране и отвлекать ее силы для решения других задач нецелесообразно. Такие позиции в решении проблем безопасности ДРА, конечно, не снижали ответственности аппарата наших советников и специалистов за состояние пограничных дел. Ограниченность сил вынуждала искать новые способы их рационального применения. Впервые за всю историю афганской погранохраны наращивалась активность ее пограничной разведки, способность проникать к важным объектам мятежников, особенно в Пакистане.

В плане операций на лето 1981 г., разработанном аппаратом главного военного советника с участием наших офицеров, намечалась и операция «Кордон» — по очистке от мятежников южных и юго-западных приграничных районов силами пограничных и армейских подразделений ДРА. Продолжалось минирование ряда горных проходов и перевалов, других вероятных маршрутов действий мятежников на границе. Наметились некоторые сдвиги в привлечении к охране границы вооруженных отрядов ряда племен — «малишей». Был разработан и представлен на утверждение в Ревсовет страны проект Устава по использованию «малишей» в охране границы. Но главной проблемой оставалось формирование новых частей и подразделений, их подготовка к тяжелым условиям службы в афганском приграничье.

Анализ действий наших и афганских пограничных подразделений весной и летом 1981 г. выявил некоторые общие недостатки в организации их служебно-боевых действий. О значении повседневной готовности к боевым действиям уже говорилось. Другой, не менее важный фактор — способность действовать ночью. Казалось бы, для пограничников (особенно наших) тут не может быть проблем. Тем не менее мятежники в ночное время действовали более активно: совершали основные переходы, в том числе караванные, вели разведку и минировали дороги, совер-

шали нападения на военные и другие объекты, обстреливали гарнизоны и т. п. Чтобы снизить их ночную активность, нашим подразделениям рекомендовалось самим чаще переходить к ночным действиям. Многое тут зависело от подготовки подразделений, инициативы командиров, и порой рейды удавались. Но были и неудачи в связи с пассивностью и боязнью риска. Потери, понесенные мятежниками весной и летом 1981 г. в афганском приграничье, оказывали влияние не только на мирное население. Среди некоторых бандгрупп возникла неуверенность в исходе борьбы, неверие призывам и обещаниям главарей. Между формированиями различной ориентации (партийной, клановой, национальной) все чаще возникали распри из-за районов обитания, изъятия материальных средств у населения, набора пополнения и пр. Дело между ними доходило до боевых столкновений с немалыми потерями. К сожалению, мы не всегда могли вовремя и достоверно отслеживать подобные ситуации и с пользой для дела вмешиваться в них.

У нас и афганских властей в Кабуле не было четко выработанной линии в отношении формирований мятежников, состоящих из национальных меньшинств (узбеков, таджиков, хазарейцев и др.), которые проживали в том числе и в северных провинциях. Я уже говорил выше, что пуштунское высокомерье и жестокость Амина породили среди значительной части населения этих провинций оппозиционность к Кабулу еще в конце 70-х годов.

Попытки Москвы (ЦК КПСС) стабилизировать ситуацию с помощью среднеазиатских республик — по этническому принципу мало что давали: все обычно ограничивалось периодическими визитами наших республиканских представителей в ближайшие от границы районы проживания соплеменников, раздачей гуманитарной помощи да встречами с местными властями. По убеждению наших офицеров, часть формирований мятежников из на-

ционалистов при определенных условиях можно было бы склонить к сотрудничеству с властями или нейтрализовать. Характерный пример — привлечение на сторону властей одного из видных местных авторитетов М. Сидики, отряд которого контролировал ряд приграничных районов против участков Пянджского и Московского погранотрядов. Ранее, будучи членом нелегальной организации «Сеттами мелли» («Вечный гнет»), Сидики был непримиримым противником «Братьев-мусульман» и выступал за свободные демократические преобразования в северных провинциях ДРА. В аминовский период он не признавал кабульский режим и возглавил крупный вооруженный отряд соплеменников — узбеков. Приход правительства Б. Кармаля и наших войск он воспринял положительно и был готов к сотрудничеству. В Кабуле о нем знали и рекомендовали местным руководителям работать с ним — разумеется, при надлежащем контроле.

С Сидики встречался генерал-майор А. А. Артыкбаев — заместитель начальника войск САПО по разведке и подтверждал возможность сотрудничества с ним. Генерал Артыкбаев был опытным разведчиком, хорошо знал центральноазиатский регион, языки и обычаи местного населения, и его мнение было достаточно обоснованным. Однако местное афганское руководство (губернатор, уполномоченный ЦК НДПА в 8-й зоне и др.), вопреки рекомендациям Кабула, проводило линию на дискредитацию Сидики и его формирования, и только поддержка нашего командования позволила использовать его возможности против мятежников. Были и другие подобные примеры.

Удивительно, но при обилии в СССР ученых, научных школ по проблемам национальной политики, при непосредственном соседстве с Афганистаном среднеазиатских республик с их потенциалом, ни нам, ни кабульскому режиму так и не удалось привлечь на свою сторону населе-

ние северных провинций — несколько миллионов человек (узбеки, таджики, киргизы и др.).

Известно, что национальный фактор исключительно важен в любом конфликте. В Чечне, к примеру, много лет спустя попытка мятежников привлечь на свою сторону народы Дагестана, как известно, сорвалась, и это серьезно ослабило позиции сепаратистов. Было бы необъективным считать, что руководство ДРА не принимало мер к консолидации общества, объединению народов, в том числе национальных меньшинств, во имя принципов, провозглашенных Апрельской (Саурской) революцией. Состоявшийся в июне 1981 г. в Кабуле учредительный Конгресс национального отечественного фронта (присутствовало около 1 тыс. представителей от всех слоев населения и народностей) подтвердил свободные демократические принципы развития афганского общества, равенство всех народов независимо от национальности и вероисповедания. Но реализовать на практике эти идеи и лозунги власти не могли.

В ситуации бессилия Центра и его региональных властей (губернаторы, представители ЦК НДПА в зонах и др.) свободы маневра и инициативы в выборе объектов и способов действий было больше у мятежников, активно поддерживаемых извне. Но и мятежникам не все удавалось. «Хотя советский воинский контингент не показал себя достаточно эффективным в партизанской войне, — сообщала в то время американская «Вашингтон пост», — моджахедам не удалось захватить ни одного крупного города или провинциальной столицы. Поэтому в последнее время, наряду с военными операциями, мусульманские партизаны стали широко применять тактику индивидуального террора» (добавим: не без участия американских советников и инструкторов).

Борьба за сферы влияния в контролируемых мятежниками районах и материально-финансовую подпитку из-

за рубежа вынуждала лидеров основных мятежных группировок и их «спонсоров» договариваться. В начале августа того же года три главных лидера моджахедов Б. Раббани, М. Халес и Г. Хекматьяр на встрече в Пакистане предприняли попытку договориться о создании на территории ДРА единого фронта. Однако противоречия между соперничающими группировками были довольно значительными, и встреча завершилась обещаниями объединения и координации усилий в борьбе с правительством Кармаля и учреждением «Комитета согласия». Согласия тогда не получались, и уже в сентябре в ряде приграничных провинций ДРА (Пактия, Герат, Газни и др.) были отмечены крупные стычки между формированиями мятежников.

Вторая половина лета 1981 г. прошла в острой борьбе за обладание стратегической инициативой. Наибольшую активность мятежники проявили в приграничных провинциях Кунар, Пактия, Кундуз, Тахар, и особенно — в провинциях Кандагар и Герат. Резко возросли теракты в Кабуле. По-прежнему была высокой их активность на коммуникациях. В конце июля на границе с Пакистаном мятежниками был окружен и разгромлен 909-й погранбатальон, а несколько дней спустя на этой же границе попал в окружение и понес большие потери 916-й пограничный батальон (выручил резерв соседнего батальона). Из-за блокады мятежниками основных дорог в приграничье резко ухудшилось снабжение многих пограничных подразделений, возросли их потери, участились случаи дезертирства, в том числе среди офицеров.

По информации нашего посла в Кабуле Ф. А. Табеева, ситуация вокруг объектов нашего сотрудничества на севере ДРА и безопасности наших специалистов настолько обострилась, что, если не принять специальных мер (на афганскую охрану он уже не рассчитывал), то придется свертывать всю работу. Надо признать, что на тревогу

посла какой-либо реакции нашего руководства не последовало.

В аппарате главного военного советника с участием наших специалистов принимались экстренные меры: срочно доукомплектовывались пограничные батальоны и роты, было начато формирование 909-го погранбатальона, организованы частные операции по очистке от мятежников пограничных районов Спинбулдаг и Ургун. Пополнялись запасы материальных средств, впервые организовывалась система скрытой связи и т. п. Словом, работы для наших советников хватало. Но существовал график замены, и из Кабула уезжал представитель погранвойск КГБ (в ранге заместителя главного военного советника) генерал-лейтенант В. И. Константинов.

Не побоюсь сказать, что Валентин Иванович был одним из лучших наших пограничных представителей в ДРА. Опытный профессионал, прошедший в погранвойсках путь от начальника заставы до начальника войск Тихоокеанского пограничного округа, а затем 1-го заместителя начальника штаба ПВ, он объективно оценивал ситуацию в Афганистане и на его границах, понимал значимость защиты в тот драматический период и умел находить оптимальные решения в сложной обстановке. Искренний и прямолинейный в отстаивании своей позиции, он не всегда находил поддержку в аппарате главного военного советника в Кабуле, но при нем пограничные войска ДРА не просто сохранились, но и значительно окрепли. Заменял его генерал-лейтенант Н. И. Макаров, бывший до этого начальником войск Закавказского пограничного округа.

Для нас, в штабе погранвойск, первостепенное значение имела ситуация в северных приграничных провинциях ДРА. По данным нашей разведки и информации из Кабула она, как и по всему Афганистану, была довольно сложной. Здесь действовало около 170 формирований мятежников общей численностью свыше 10 тыс. человек. Наи-

большую активность они проявляли в провинциях Герат, Балх, Фарьяб и Бадахшан. В августе большая группа мятежников на автомобилях совершила днем нападение на одно из центральных подразделений царандоя в Герате и разгромила его, при этом были убиты руководители царандоя.

В этот период соединения и части 40-й армии и армии ДРА с участием боевых групп «Каскад» и отрядов СГИ (органы безопасности ДРА) провели ряд крупных операций против мятежников в приграничных провинциях. Успешной была операция в провинции Кунар, в ходе которой было разгромлено более 15 формирований мятежников, снята блокада гарнизонов в Асадабаде и Барикуте, очищены основные коммуникации провинции.

Наши пограничные подразделения (СБО, ММГ) располагались в двадцати пунктах северных провинций (включая два гарнизона на Малом афганском Памире). Их оперативно-боевая деятельность осуществлялась в основном путем проведения рейдов, засад, минирования отдельных участков местности и ведения разведки.

В конце июля в район населенного пункта Сеабдашт (против участка 117-го погранотряда) был выдвинут сводный боевой отряд (СБО) с большой группой афганских ополченцев (около 100 человек). Этот отряд закрыл возможность перемещения банд в Рагское ущелье и обратно (ущелье густозаселенное, контролируемое ими). Однако, вскоре объединенные группы мятежников (более 200 человек) с тяжелым оружием закрепились на подступах к Сеабдашту начали готовиться к нападению на городок. По замыслу оперативной группы округа, утвержденному в ГУПВ, было намечено ликвидировать эту группировку мятежников.

Боевые действия проводились частью СБО, десантно-штурмовой группой (из резерва), подразделениями афганских пограничников и ополченцев с использованием

бронетехники (БМП, БТР) и поддерживающей авиации (эскадрилья вертолетов). Мятежники, используя инженерное оборудование (дзоты, отдельные огневые точки, окопы и пр.), оказывали упорное сопротивление, но были разгромлены. При этом около 140 мятежников было уничтожено, более 50 взято в плен (в том числе и главарь формирования). У нас погибло три пограничника (из них два офицера), потери афганских подразделений были незначительны. Руководил операцией заместитель начальника оперативной группы подполковник Б. Г. Мирошниченко Ликвидация банформирования стабилизировала обстановку против участка Московского погранотряда.

Анализ общей обстановки в Афганистане и на его границах объективно приводил к выводам о необходимости принятия более эффективных мер по ликвидации основных сил и баз мятежников с началом осени. Такой настрой был у большинства наших руководителей, кто занимался тогда Афганистаном. В первых числах сентября в ГУПВ был вызван для доклада предложений и получения задач начальник войск САПО генерал Г. А. Згерский. К его прибытию штабом и оперативной группой был подготовлен и предварительно согласован в Генштабе с генералом С. Ф. Ахромеевым замысел оперативно-боевых действий наших подразделений в приграничных районах ДРА на осень 1981 г. Он предусматривал проведение ряда частных операций по очистке от мятежников отдельных районов (в окрестностях Андхоя, на направлении Кушка, Баламургаб и др.), а также участие погранвойск в совместных операциях с частями 40-й армии и афганскими войсками в районах стыка границ СССР—Иран—ДРА; городов Акча, Имамсахиб и севернее Файзабада. Всем подразделениям также ставилась задача по ликвидации в зоне их ответственности наиболее активных бандгрупп, выявлении и уничтожении баз и других мест подготовки мятежников к зиме. После обмена мнениями и некоторой кор-

ректировки отдельных вопросов, этот замысел и задачи для Среднеазиатского (САПО) и Восточного (ВПО) пограничных округов были оформлены директивой.

Но оставалась одна трудно решаемая проблема: мятежники к лету 1981 г. активно освоили несколько горных перевалов на северном участке афгано-пакистанской границы, откуда был удобен доступ в известное Панджшерское ущелье, выходящее в районы Кабула и Чарикара.

Наиболее удобным местом, откуда можно было держать под контролем эти перевалы на границе, являлся высокогорный к. Коран-О-Мунджан. Практически отрезанный от крупных населенных пунктов и воинских гарнизонов более чем на сотню километров, он был слабо защищен. Туда не раз направлялись афганские подразделения, но все они не могли продержаться более месяца: иметь на важнейшей коммуникации такую «занозу» мятежники не могли себе позволить. Поэтому там надо было основательно закрепиться и надежно закрепить действующие переправы.

Командование 40-й армии подобный вариант не планировало и это вынуждало нас самостоятельно начинать подготовку к экспедиции, разумеется, с активной разведки, оценки и анализа событий, там происходящих. Но на границе любые планы и прогнозы изменчивы: в начале сентября на 3-й погранзаставе Пянджского погранотряда были обнаружено нарушение границы — переход в Афганистан. Нарушителей (3 человека), что называется, с ходу, задержать не удалось и пришлось поисковые действия перенести на сопредельную территорию — на Имамсахибское направление. Вскоре было установлено, что границу нарушили трое юношей из местного (приграничного) ПТУ, мотивы их ухода назывались разные. Поисковые действия велись в районе, где активно действовали мелкие группы мятежников, так что «попутно» приходилось заниматься и ими.

Спустя неделю были получены сведения, что эти юноши были задержаны мятежниками из бандгруппы Латифа (действовала в районе Имамсахиба) и отправлены в юго-западный горный район. Оперативной группе была поставлена задача: поиск прекратить, вести активную разведку в районе предполагаемого нахождения разыскиваемых, имея в готовности резерв. Тогда же подтвердились опасения, что ряд афганских островов на реке Пяндж (в том числе и наиболее крупный — о. Даркад), а также прибрежная зона против смежных флангов Московского и Хорогского погранотрядов освоены мятежниками. Было предусмотрено подготовить и провести операцию по очистке всей этой зоны.

Надо признать, что не все наши замыслы и планы удавалось реализовать в намечаемые сроки (отложить на время, к примеру, пришлось и эту операцию): владея в целом инициативой в зонах своей ответственности, нашим подразделениям не всегда удавалось упреждать события, навязываемые мятежниками. Их активность все в большей степени инициировалась и обеспечивалась внешними силами. Так, по сообщению американской компании «Эйби-си» (весьма осведомленной), мятежники за время присутствия советских войск в ДРА (1,5 года) получили оружия, боеприпасов и снаряжения на сумму более чем 100 млн. долларов. «США связались со мной сразу же после того, как началось вторжение, — рассказывал президент Египта А. Садат журналистам в сентябре 1981 года, — и потребовали оружия для афганских повстанцев из запасов советского вооружения, находившегося в Египте...»

К осени 1981 г. действиями антиафганской коалиции (США, Пакистан, КНР, Египет и др.) против ДРА были созданы две довольно внушительные группировки мятежников: одна — в Пакистане и Иране (более 50 центров подготовки и школ, где находилось более 30 тыс. моджахедов), другая — непосредственно на территории ДРА (около

40 тыс. человек). Как и ранее, наиболее сильная группировка мятежников (около 170 бандгрупп общей численностью свыше 9,5 тыс. человек) действовала в семи приграничных провинциях на афгано-пакистанской границе. В трех приграничных с Ираном провинциях насчитывалось около 80 бандгрупп общей численностью более 3,5 тыс. человек. В целом на границе с Пакистаном и Ираном из 49 пограничных уездов и волостей власти контролировали лишь 10. Как видим, не требовалось особого воображения, чтобы понять, какими по составу и боеспособности должны были быть погранвойска ДРА, чтобы надежно обеспечить защиту границы. Но в руководстве силовыми структурами ДРА и нашем аппарате ГВС, как видим, мыслили иначе.

Блокада мятежниками важнейших дорог, связывающих север ДРА с центром, вызвала скопление грузов, в том числе взрывоопасных, в пограничных портах. К осени 1981 г. в нашем порту Термез скопилось такого груза более 40 тыс. тонн, в афганском порту Хайратон — около 35 тыс. тонн и т. д. В донесениях из Кабула наш посол, представители Минобороны и КГБ, ссылаясь на эти обстоятельства, продолжали настаивать на вводе в Афганистан двух полков МВД для охраны объектов в северных провинциях ДРА. Но реакция советского руководства и на этот раз была отрицательной.

И все-таки наиболее драматичная ситуация складывалась на границе с Пакистаном и Ираном. В 20-х числах сентября был окружен и разгромлен 913-й афганский погранбатальон, дислоцированный в местечке Маруф провинции Кандагар, а его остатки сдались мятежникам. Этот батальон, слабо укомплектованный, длительное время находился в окружении мятежников, периодически снабжался по воздуху, но израсходовал все боеприпасы и продовольствие. Положение батальона командованию было известно, но мер по его спасению принято не было. Выса-

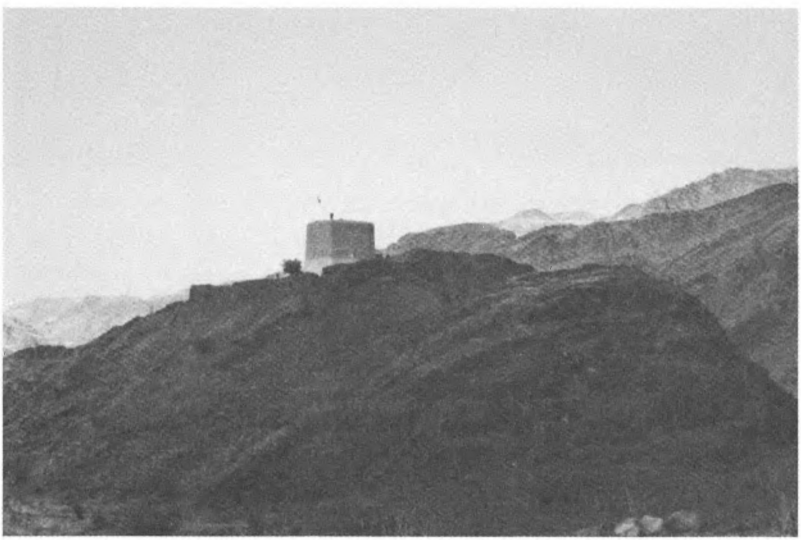
женная в расположение батальона небольшая группа офицеров во главе с начальником политотдела погранбригады была расстреляна мятежниками. К ним попало все вооружение батальона, в том числе несколько бронетранспортеров «БТР-60 ПБ». Опять сработал фактор, как и в случае с пограничной ротой, разгромленной в районе Колай-Ко, озвученный однажды одним из руководящих военных советников в Кабуле: «Ваши войска, вы с ними и разбирайтесь».

К чести маршала С. Л. Соколова и генерала С. Ф. Ахромеева, они дали острую оценку этому событию и внесли некоторые коррективы в систему управления и ответственности командования афганских армейских корпусов и дивизий за состояние приданных им пограничных подразделений. Это было тем более необходимо, что в силу целого ряда причин (и опять-таки несогласованности и безответственности) многие афганские пограничные подразделения, как и в 1979 г., вновь оказались без поддержки армейских сил и обеспечения. И это при том, что в тактике мятежников стало больше скоординированности в проведении операций и других действий, улучшилась их оснащенность, масштабнее проводились пропагандистские меры и главным образом среди армейских и пограничных формирований.

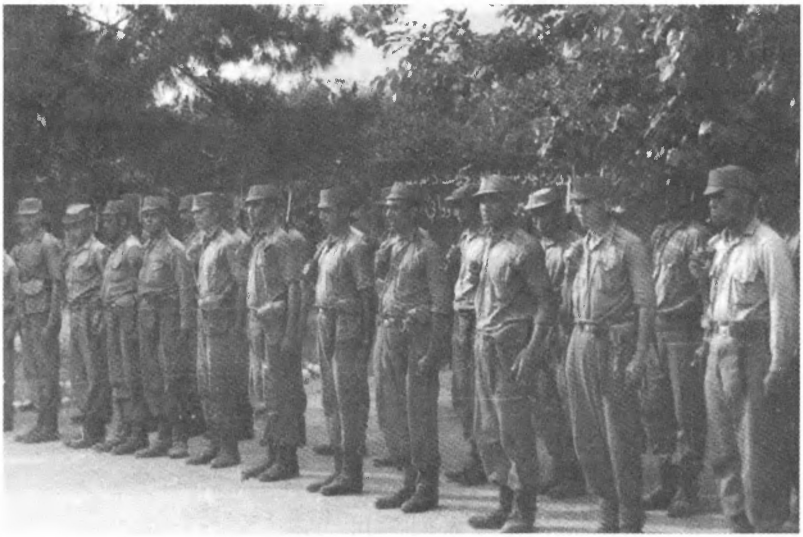
Все это настоятельно требовало не просто наращивания активности правительственных сил ДРА и наших войск, но и широкого применения новых, нетрадиционных форм и способов действий. Ряд операций, к примеру, проведенных в то время в восточных и юго-восточных приграничных провинциях армией с привлечением подразделений и органов царандоя и СГИ, были успешными. Однако настоящего, системного взаимодействия разнородных многочисленных сил и средств пока не получалось. В северных приграничных провинциях так и не были проведены запланированные с участием наших пограничных

Генералы Ю. А. Нешумов и И. Г. Карпов
на позициях советской погранзаставы,
прикрывающей подступы к афганскому порту Ширхан.
Зима 1980 г.

Афганская погранзастава
на границе с Пакистаном



Пакистанский пограничный пост «Торгхам».
1979 г.



Афганская пограничная рота в районе г. Хоста.
Лето 1980 г.

В пограничном батальоне под Джелалабадом.
Лето 1979 г.

На афганской дороге под Гератом

Встреча с афганскими народными ополченцами.
Весна 1979 г.

Афганские дороги

В небе Афганистана

Встреча с офицерами афганского пограничного батальона
в районе г. Герат. Лето 1980 г.

Представитель КГБ СССР в ДРА полковник Л. П. Богданов
и один из его боевых помощников подполковник Б. Н. Кабанов.
г. Кабул 1980 г.

Офицеры 3-й мотомангруппы Московского погранотряда
(афганский к. Чахи-АБ) перед выездом на операцию.
Второй справа — зам. начальника ММГ капитан Егин В. Н. 1987 г.

Генерал-лейтенант Г. А. Згерский
и полковник В. А. Кириллов
на КП в ходе операции «Мармоль».
Январь 1984 г.

подразделений операции на направлении Кушка—Баламургаб в районе стыка границ трех государств, в Имамсахибской зоне, где располагались значительные силы мятежников.

Наши пограничные подразделения в этот период оставались в местах своей дислокации на территории ДРА, имея общую численность 1500–1700 человек. За время своего пребывания здесь они провели около 60 операций и других оперативно-боевых действий (рейды, засады, поиски и др.), в результате которых было ликвидировано 29 формирований мятежников с большими для них потерями (убито около 3,5 тыс. человек и захвачено в плен более 3 тыс.), изъято свыше 2 тыс. единиц огнестрельного оружия, большое количество боеприпасов. У нас (на 1.10.81 г.) погибли 23 пограничника, утрачены (уничтожены) 2 бронетранспортера и 4 вертолета.

В конце сентября подразделениями 66-го Хорогского погранотряда совместно с афганскими пограничниками был задержан караван (вьючных лошадей) с оружием и боеприпасами на пути из Коран-О-Мунджана. По показаниям задержанных, караван доставил в Пакистан большую партию лазурита (этот полудрагоценный камень добывался в районе Коран-О-Мунджана), а в Пакистане был загружен оружием и боеприпасами. Однако и у нас не все получалось, как задумывалось, в этих труднодоступных горных районах Памира и западного Припамирья. Пример тому — наши потери в Куфабской операции.

Мы, люди военные, часто желаем друг другу удачи, особенно в экстремальных ситуациях. Но удача приходит лишь к тому, кто, не уповая на нее, просчитал десятки вариантов возможных действий своих сил и сил противника и выбрал тот, который дал ему преимущества. К сожалению, в Куфабской операции все было не так.

Куфабское ущелье в афганской провинции Тахор начинается в 20–30 км от нашей границы (против стыка

Московского и Пянджского погранотрядов) и далее переходит в глубокий горный каньон (глубиной до 1 тыс. м), протяженностью около 50 км. В ущелье располагалось около 20 кишлаков. Исключительно сложные горные условия обеспечивали относительно безопасное базирование нескольких довольно крупных формирований мятежников (известного главаря Вахода и др.). Операция, проведенная здесь в августе 1981 г. под руководством начальника оперативной группы САПО полковника Н. Т. Будько, была довольно успешной, при минимальных для нас потерях.

Однако спустя 1,5–2 месяца в Куфабе снова активизировались мятежники, и это обусловило необходимость проведения новой операции. Замысел, разработанный оперативной группой (ОГ) САПО, рассматривался у нас в штабе и с некоторыми поправками был принят в октябре. Предусматривалось силами трех маневренных и одной десантно-штурмовой группой при поддержке эскадрильи вертолетов осуществить внезапную высадку десантов (вертолетных) для блокирования основной базы мятежников в Куфабском ущелье, огневое подавление (в основном вертолетами) их выявленных сил и последующее прочесывание (поиск) намеченных районов.

15 октября полковник Будько по радиотелеграфу докладывал генералу В. А. Матросову о состоянии готовности к операции. Сама идея замысла, по нашим оценкам, была целесообразна, но в ходе заслушивания возникали некоторые вопросы (я вместе с офицерами оперативной группы ГУПВ находился на этом же пункте связи). В частности, с обеспечением безопасности высадки первого эшелона десанта, со сроком начала операции (он не был конкретно определен) и др. В завершение переговоров генерал Матросов поручил полковнику Будько доработать эти и некоторые другие вопросы подготовки операции.

Вечером 16 октября ко мне зашел Вадим Александрович, сообщив, что он приглашен на субботу (17-го) друзьями-охотниками в один из районов Подмосковья. У меня было, признаюсь, какое-то предчувствие от некоторых невыясненных деталей замысла Куфабской операции, но Матросов был уверен, что оперативная группа САПО все доработает и без санкции из Главка операция не начнется. Однако, на следующий день (17 октября) около 4 часов утра мне позвонил оперативный дежурный ГУПВ. Он доложил, что на афганской территории против участков Московского и Пянджского погранотрядов начаты боевые действия и у нас есть потери.

Прибыв в ГУПВ вместе с дежурной оперативной группой, мы начали выяснять ситуацию. Сразу сделать это было трудно, поскольку по месту дислокации оперативной группы САПО (в пгт Пяндж) никого из руководства на месте не было. Начальник войск САПО генерал Г. А. Згерский был в одном из погранотрядов, находился в пути и связь с ним отсутствовала. К тому же, ни он, ни начальник штаба округа полковник В. Н. Харичев к разработке этой операции практически не привлекались (что уже было нашей ошибкой). На передовом командном пункте оперативной группы (застава «Йол» Московского погранотряда) находился заместитель начальника опергруппы по разведке подполковник А. Халиков. Он и сообщил неприятную весть: операция в Куфабском ущелье началась с рассветом, первый эшелон десанта (около 60 человек на вертолетах) при подходе к местам высадки попал под сильный огонь душманов. Есть убитые и раненые. Вертолет с полковником Будько (он оказался в составе первого эшелона десанта) был обстрелян из крупнокалиберных пулеметов, сам он был тяжело ранен, и вертолет, не приземляясь, доставил его на базу, в госпиталь. Высадившиеся под сильным огнем душманов десантные группы несут потери, сгорел один вертолет, в группах нет устойчивого уп-

равления, поскольку старший этого эшелона десанта капитан С. Богданов убит (потом это, к счастью, не подтвердилось), поэтому надо незамедлительно эвакуировать эти группы. Доклад этот, при всех его погрешностях в деталях, вырисовывал довольно трагичную перспективу для высаженного десанта: устойчивого управления нет, большие потери (7 пограничников убитых, 8 раненых), боеприпасы на исходе, и душманы, что называется, не дают поднять головы. Но и эвакуация оставшихся людей в этих условиях могла обернуться худшими для них последствиями. Надо было искать другое решение, уточнив возможности и готовность подразделений, оставшихся на базе, а также огневые возможности эскадрильи вертолетов. Этим и занялись офицеры оперативной группы, прибывшие на Лубянку, а вскоре наладилась и связь с командованием САПО в Ашхабаде. Прояснилась основная причина неудачи: операция для душманов не была внезапной из-за пренебрежения нами скрытностью подготовки, особенно при полетах вертолетов над районами предстоящей высадки десанта. Были и другие тактические просчеты. За это время душманы получили возможность подготовиться.

Не знаю уж, по чьей инициативе — Матросова или самого Андропова, но с самого начала наших действий в Афганистане стало правилом докладывать руководству КГБ о начале каждой серьезной операции в ДРА, о ее ходе и итогах (итоги обычно докладывались запиской). Мне, откровенно говоря, не хотелось звонить на квартиру Ю. В. в столь раннее время (да еще с такими «новостями»), и я позвонил его первому заместителю — генералу С. К. Цвигуну. Семен Кузьмич, выслушав мой короткий доклад, задал несколько уточняющих вопросов и сказал, что вскоре будет на Лубянке.

Усилиями офицеров оперативной группы ситуация в Куфабе стала проясняться. Понемногу налаживалась связь с группами десанта, восстанавливались система огня и

управления. Взвесив все «за» и «против», мы однозначно решили, что единственный способ сохранить там людей, а потом и завершить операцию — высадить следующий эшелон десанта, предварительно подавив ударами вертолетов основные огневые точки душманов. Этот десант должен был объединить разрозненные группы первого эшелона, организовать эвакуацию раненых и убитых, восстановить систему огня и надежного управления.

Едва передали эти указания на КП опергруппы в САПО, последовал звонок из приемной Андропова: вызывает Юрий Владимирович (Цвигун, видимо, позвонил ему после разговора со мной). Андропов (Цвигун тоже был в кабинете), не дослушав мой доклад, бегло взглянул на карту и спросил; почему так произошло. Причины, разумеется, были, но мне казалось в этой обстановке более важным доложить нашу оценку ситуации в Куфабе и предполагаемые меры ее стабилизации. Но Ю. В. это не остановило и он, не стесняясь в выражениях, высказал мне все, что думал по этому поводу. Особое его негодование вызвали потери среди пограничников. Страсти накалились, и когда на его вопрос, что мы намереваемся делать, я доложил замысел новой высадки второго десанта, он воспротивился: «И его тоже под пули?». Понадобилось много усилий, чтобы убедить Ю. В., что иного выхода нет, и этот вариант наиболее верный. Меня неожиданно поддержал генерал Цвигун, до сих пор молчавший, и Андропов махнул рукой: «Действуйте».

Второй эшелон десанта был высажен в тот же день после предварительных ударов вертолетами по выявленным объектам душманов. Он должен был объединиться с первой группой, расширить позицию десанта и закрепиться на ночь. Задача эта была выполнена практически без потерь. Вадим Александрович прибыл к вечеру, избежав того андроповского гнева. Впрочем, каждый из нас глубоко сознавал свою вину в случившемся и оправдания тут

были бы просто неуместны. За ночь удалось подготовиться к наращиванию наших усилий в Куфабе, организовать с утра воздушную разведку, удары вертолетов по новым целям, доставку боеприпасов, продовольствия и пр.

Руководство действиями в операции вместо раненого полковника Будько было возложено на начальника штаба САПО полковника В. Н. Харичева, знающего эти районы и имеющего боевой опыт.

На следующий день в Куфабское ущелье было организовано дополнительное десантирование резерва, а также задействовано афганское подразделение и отряд ополченцев. Этими силами были ликвидированы основные очаги сопротивления мятежников, проведена очистка восточной части Куфаба и нескольких кишлаков от остатков рассеявшихся банд.

Казалось, положение нормализуется и дело идет к успешному завершению операции, но, видно, судьбой были уготованы ее участникам тяжелые испытания. 25 октября при движении по ущелью колонна одной из наших маневренных групп и афганского подразделения в районе к. Сарипуль подверглась нападению из засады крупного бандформирования. При этом под огонь мятежников попали не только группы разведки и боевого охранения, но и основные силы.

Нападение отбили, но с большими для нас потерями: погибло 10 пограничников (в том числе три офицера), девять человек было ранено. Понесли потери и афганские военнослужащие. И опять основными причинами тяжелых потерь были неумелые действия руководства операцией и командиров подразделений, неудовлетворительная разведка и боевое охранение. Становилось ясно, что в сложнейших условиях Куфабского ущелья мы недостаточно подготовлены (особенно офицеры) к активным поисковым и боевым действиям. Поэтому решение, выработанное совместно с командованием САПО и утвержденное

генералом Матросовым, предусматривало сосредоточение всех подразделений в трех опорных пунктах, организацию надежного боевого охранения, разведку и нанесение ударов вертолетами по выявленным объектам мятежников.

Сообщение о новых потерях (докладывал генерал Матросов) Андропов также воспринял болезненно и приказал разобраться в причинах потерь и установить виновных. В район операции был направлен начальник оперативной группы ГУПВ генерал И. Г. Карпов.

До первой декады ноября наши подразделения в Куфабе вместе с афганскими подразделениями и ополченцами провели несколько рейдов и поисков по проверке отдельных кишлаков, а затем поэтапно были переброшены вертолетами в места своей дислокации. Последними выходили из Куфаба афганские военнослужащие и ополченцы. Потери мятежников в ходе этой операции составили около 140 человек убитыми и более 60 раненых.

Для нас это была, пожалуй, первая крупная неудача в афганской кампании, начиная с 1980 г. И причины больших потерь заключались не только в особых, сложнейших условиях проведения операции, но и проявлении слабых профессиональных навыках офицеров и личного состава по ведению боевых действий и поисков в высокогорных условиях, просчетах оперативной группы округа в планировании операции и главное — в ее подготовке. Серьезные ошибки были допущены и нами, в Центре. Ошибочной была практика подготовки и ведения операций без участия командования округа, полагаясь только на начальника оперативной группы. Были и другие промахи в работе управленческих органов, причастных к операции, и вполне логичным представлялся глубокий анализ основных этапов этой операции, их разбор с участием офицерского состава оперативных и маневренных групп и СБО. Но опять возникли проблемы секретнос-

ти, запрет на обсуждение подобных проблем даже в офицерской среде...

Кстати, с полковником Н. Т. Будько, руководителем оперативной группы САПО и одним из первых пострадавших в этой операции, мне довелось в конце 80-х годов и позднее работать вместе — вначале на Высших пограничных командных курсах (ВПКК), которыми я руководил, а затем в Центре оперативно-пограничных исследований (ЦОПИ) ФПС (там мы оба работаем, будучи уже в отставке). Образцовый начальник пограничного отряда на Кавказе, он был назначен начальником оперативной группы округа по рекомендации штаба погранвойск, с учетом его хороших профессиональных и командирских качеств. Оправившись от тяжелого ранения (последствия, к сожалению, остались), полковник Будько продолжал службу на ВПКК и был там одним из лучших начальников кафедры. У меня не раз возникало желание прояснить в беседах с ним, что же еще тогда, в октябре 1981 г. привело к неудачам в Куфабском ущелье? Но Николай Трофимович, человек сдержанный и деликатный, уходил от этой темы, видимо, тяжкой для него даже спустя много лет.

Привожу эти подробности, чтобы подчеркнуть, что в афганской кампании командиру, руководителю для победы в бою или операции было мало личного мужества и высокого профессионализма. Те условия (как впрочем, потом и в Чечне) требовали критического осмысливания всей совокупности наших форм и способов оперативно-боевых действий. В частности, резко возрастала роль и ответственность органов разведки. В горах, где огонь велся чаще на предельных дистанциях, автоматы явно уступали винтовкам. Остро ощущалась потребность в снайперах, саперах. Тактика партизанской борьбы, применяемая мятежниками, требовала строжайшего соблюдения оперативной маскировки: предельной скрытности на всех этапах подготовки операции, применения неожиданных

для душманов форм и способов действий. При любой моторизации и аэромобильности подразделения резко возрастали физические нагрузки на личный состав и офицеров, так как действовать в горах чаще всего приходилось в спешенном порядке, с увеличенным запасом боеприпасов, продовольствия и пр. Поэтому потребовалось срочно вносить коррективы в подготовку наших подразделений, формы и способы их оперативно-боевых действий в ДРА.

Но вскоре возникла иная задача, довольно сложная и серьезная, отодвинувшая многие другие: нам было приказано взять под свой контроль приграничные районы всех северных провинций ДРА и центры этих провинций (исключая провинции Герат и Бадахшан), для чего нужно было подготовить и ввести в эти районы новую группировку подразделений. Нельзя сказать, что мы полностью исключили подобный вариант: настойчивые просьбы посла и военных представителей из Кабула о защите объектов нашего сотрудничества на севере ДРА, а также нарастающие проблемы у нашего Ограниченного контингента войск в тех районах должны были нас затронуть.

15 октября Ю. В. Андропов предупредил В. А. Матросова (строго конфиденциально) о предстоящем выполнении подобной задачи, подчеркнув, что с этой идеей к нему неоднократно обращался маршал Д. Ф. Устинов.

Спустя несколько дней, после предварительной проработки этой задачи, генерал Матросов и я встретились с начальником Генштаба маршалом Н. В. Огарковым и его заместителем генералом С. А. Диковым. Сообщили им нашу точку зрения, поддержанную Андроповым: вновь возникшие задачи в Афганистане решать специально сформированными и подготовленными подразделениями. Снять с границы личный состав и технику для их формирования мы не можем, поэтому нам необходимы: дополнительная численность (минимум 3–3,5 тыс. человек), бронетехника (боевые машины пехоты, бронетранспорте-

ры), артвооружение и вертолеты (30–40 единиц). Все это было оформлено запиской с расчетами и обоснованиями. Маршал Огарков поддержал все наши предложения и просьбы, кроме вертолетов («авиапромышленность недостаточно поставляет их армии»).

Андропов торопил с подготовкой необходимых материалов, и мы работали, что называется, в усиленном режиме. Штабу ПВ нужно было в течение недели с учетом мнения командования САПО разработать замысел наших новых действий в ДРА, определить районы и места дислокации вводимых туда подразделений, порядок и обеспечение их выдвижения (во многие районы, контролируемые мятежниками, естественно, в ходе боевых действий или проведения специальной операции). Вскоре за подписью Ю. В. Андропова и Д. Ф. Устинова нами были подготовлены записка в ЦК КПСС и проект постановления Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по стабилизации обстановки в северных провинциях ДРА», где был кратко изложен замысел наших действий и порядок его исполнения. Для реализации намеченных мер предусматривалось сформировать девять мотоманевренных групп (из них две — резервные). Учитывая опыт применения предшествующих подразделений (СБО, ММГ и др.), в том числе и неудачный, в штабе особо тщательно прорабатывалась структура и боевой состав мотомангрупп, которым предстояло действовать в основном самостоятельно. Окончательный, оптимальный, по нашему мнению, состав маневренной группы, численностью немногим более 300 человек был разработан и утвержден таким:

— три пограничные заставы (по 50 человек):
— одна — на боевых машинах пехоты (БМП),
— две — на бронетранспортерах (БТР);
— минометная батарея (120-мм);
— разведывательный взвод;

— противотанковый взвод (с ПТУРСами — для разрушения дотов, дзотов, огневых точек мятежников в горах и пр.);
— саперный взвод, взвод связи и взвод обслуживания.

Предусматривалось усиление Среднеазиатского пограничного округа (САПО). На базе эскадрильи в г. Мары развертывался отдельный авиационный полк с вертолетами «Ми-8» и «Ми-24» (огневой поддержки). Из-за отказа в госпоставках часть вертолетов, как и другой боевой техники, пришлось брать из некоторых пограничных округов. Получила усиление (вертолетами и самолетами «Як-40», «Ан-26») и авиаэскадрилья в г. Душанбе. Была начата подготовка миннорозыскных собак и вожатых при окружной школе в Душанбе. Усиливались тыловые подразделения, в штаты госпиталей в Ашхабаде и Душанбе вводились дополнительно полевые хирургические отделения.

Особую проблему представляла организация системы управления. Неудачи в Куфабской операции и некоторые другие факторы объективно требовали ее улучшения. Разрабатывать замыслы операций, оперативно-боевых действий в Москве было бессмысленно. Возложить это полностью на командование пограничных округов (Среднеазиатского и Восточного) мы тогда считали нецелесообразным: у них главная задача — охрана и защита границы. Но и без их участия решать оперативно-боевые задачи в Афганистане практически было невозможно. Поэтому было решено (как и при организации первых операций в ДРА в 1980 г.) возложить эти функции на оперативную группу округа, усилив ее офицерами-операторами, разведчиками, и возвести начальника опергруппы в ранг первого заместителя начальника войск округа. Тем более что предполагалось в ближайшее время подчинить этой оперативной группе не только вновь формируемые подразделения, но и те, которые были введены в северные провинции ДРА ранее, в 1980 г.

Но оперативной группе округа, располагавшейся в одном из пограничных отрядов, было бы сложно отслеживать обстановку в зонах ответственности мангрупп и СБО, организовывать оперативно-боевые действия их на афганской территории, осуществлять повседневное взаимодействие между нашими подразделениями, местными афганскими органами, воинскими подразделениями и др. Поэтому было решено для таких целей создать полевые оперативные группы сокращенного состава (4–6 офицеров), разместив их на афганской территории (обычно по месту дислокации одной из мангрупп). Аналогичная система управления двумя нашими гарнизонами на Малом афганском Памире была организована и в Восточном пограничном округе.

В Москве (в ГУПВ) общее руководство и контроль за действиями всей группировки в северных провинциях ДРА, организацей взаимодействия с другими силовыми структурами по афганским делам, решение других подобных вопросов возлагались на оперативную группу во главе с первым заместителем начальника штаба ПВ генерал-лейтенантом И. Г. Карповым.

Размещение вновь формируемых маневренных групп на севере ДРА не снимало, а напротив, увеличивало нагрузку на пограничные отряды. От них в основном намечалось снабжение этих подразделений, с их участием осуществлялись перемещение, замена личного состава мангрупп, обеспечение их разведданными, связью и пр. Резервные подразделения погранотрядов часто непосредственно участвовали в оперативно-боевых действиях. По этим и другим соображениям начальник полевой оперативной группы, чьи подразделения действовали на сопредельной территории против участка того или иного погранотряда, являлся заместителем начальника отряда. Все это требовало и некоторого усиления этих погранотрядов, главным образом в кадровом и техническом отношениях.

Надо заметить, что это было время большого напряжения в работе центрального аппарата ГУПВ и обоих округов (САПО и ВПО). Дело в том, что для ввода в Афганистан нам нужны были слаженные, боеспособные подразделения. Подготовить их из молодых солдат-призывников в сжатые сроки было практически невозможно (армейский опыт с исполнением призывников в ДРА это показал). А времени у нас было 3–4 недели (в начале ноября все расчеты с Генштабом нашими представителями в Кабуле докладывались Ю. В. Андропову и были им одобрены). В этой связи было решено выделенную нам правительством дополнительную численность (первоначально 3 тыс. человек) передать в пограничные округа, а там незамедлительно начать формирование боевых подразделений из военнослужащих, имеющих необходимую подготовку и опыт. Боевое сколачивание этих подразделений организовывалось в округах и завершалось уже в учебном центре Среднеазиатского пограничного округа в декабре.

Эта детализация может показаться кому-то скучной, сугубо технической, но она, на мой взгляд, вполне оправданна.

Опыт локальных конфликтов последних десятилетий (к ним можно отнести и события в Чечне) убедительно доказал, что успешное решение режимных, оперативно-боевых и других задач при минимальных потерях в личном составе возможно лишь воинскими формированиями, укомплектованными профессионально подготовленными людьми при высокой степени боевой слаженности, организованности и управляемости самого формирования.

Важное значение имела и проработка оперативных вопросов применения наших подразделений в Афганистане. Наш Генштаб с самого начала проявил в этом большую заинтересованность. Уже 23 октября (спустя несколь-

ко дней после решения о дополнительном вводе наших подразделений в ДРА) из Кабула позвонил генерал С. Ф. Ахромеев и попросил до начала рекогносцировки районов размещения мотомангрупп представителю ГУПВ прибыть в Кабул.

В первой декаде ноября в округах завершалось формирование мотомангрупп (Северо-Западный, Прибалтийский, Закавказский, Восточный, Забайкальский, Дальневосточный и Тихоокеанский погранокруга формировали по одной маневренной группе, а Среднеазиатский — две резервные).

9 ноября в Генштабе прошло совещание с участием маршала С. Л. Соколова, генералов С. Ф. Ахромеева (прибыл из Кабула), В. А. Матросова, И. Г. Карпова и автора этих записок. На совещании была достигнута договоренность, что зона ответственности наших подразделений в ДРА — территории от линии границы и до центров афганских приграничных провинций. Поскольку в некоторых из этих провинций находились отдельные части и подразделения 40-й армии (ОКСВ), то появились предложения оперативно подчинить наши подразделения этим частям и действовать по единому плану. Предложения, казалось бы, разумные, но мы вынуждены были их отклонить: комплектование, подготовка, боевое и специальное обеспечение армейских и наших формирований не были одинаковы, а участие наших подразделений в армейских операциях, как правило, за пределами своей зоны ответственности порождало для нас (главным образом — погранотрядов) проблемы.

Тогда, мне казалось, был выработан оптимальный вариант: группировка наших пограничных подразделений в северных провинциях ДРА действует по замыслам и планам, разработанными пограничниками и согласованными с Генштабом. Там, где это необходимо, мы проводим операции, другие оперативно- боевые действия самостоя-

тельно, либо с участием наших армейских и афганских подразделений. В других случаях (по предложению представителей главного военного советника в ДРА) мы участвуем в операциях соединений и частей 40-й армии в пределах зон своей ответственности.

Андропов (по докладу Матросова) этот принцип взаимодействия одобрил, и он практически оставался таким долгое время, но попытки изменить его, откровенно говоря, были. Решением всех этих проблем занимались совместно с группой генерала И. Г. Карпова оперативное управление, другие подразделения штаба, офицеры политуправления, разведки и тыла.

Значительно возрастала роль и ответственность Среднеазиатского пограничного округа (генералы Г. А. Згерский, В. Н. Харичев, В. Ф. Запорожченко, Р. В. Данилов). Этот округ, охраняя границу, теперь должен был решать оперативно-боевые задачи на севере ДРА группировкой подразделений в несколько тысяч человек. Сложные задачи в условиях афганской части Памира выпадали и на долю Восточного пограничного округа (генералы В. С. Донсков, Е. Н. Неверовский, Я. К. Петровас, Б. Е. Сентюрин, Ю. В. Колосков).

К 20 ноября пограничные округа докладывали о завершении формирования своих мотомангрупп. По нашим расчетам в штабе ПВ с учетом графика движения эшелонов эти подразделения со всем вооружением и боевой техникой должны были прибывать в Среднеазиатский погранокруг с 10 по 20 декабря 1981 г. Этот этап подготовки к выходу наших подразделений в Афганистан в основном прошел организованно и в установленные сроки. Конечно, ценой больших усилий в Центре и пограничных округах.

В штабе погранвойск основная нагрузка по формированию новых подразделений, их передислокации в Среднюю Азию выпадала на организационно-мобилизацион-

ное управление, возглавляемое генерал-майором К. В. Регушем. Константин Владимирович отлично подходил к этой должности. Фронтовик, хороший профессионал (кандидат военных наук) и отличный штабной работник, он держал в своей памяти многочисленные детали, связанные с новыми формированиями, и его роль в этих делах была неоценимой. Также много и полезно работали офицеры его управления В. Козлов, А. Мигалин, М. Строй, Ф. Сухарев, В. Макеров и другие.

Сформированные в округах подразделения в 20-х числах декабря сосредоточивались в Среднеазиатском погранокруге, где в оставшиеся 2–2,5 недели предусматривалось проведение с ними сборовых занятий и учений, проверка готовности к выполнению оперативно-боевых задач.

С середины ноября офицерами оперативной группы ГУПВ под руководством генерала В. А. Матросова в Среднеазиатском пограничном округе проводились рекогносцировки и совещания в целях определения основных направлений и порядка выдвижения мотомангрупп к местам предстоящего их развертывания в Афганистане.

В окончательном варианте, по согласованию с Генштабом, наши мотомангруппы предполагалось разместить в городах (или поблизости от них) Калай-Нау, Меймене, Шибирган, Мазари-Шариф, Ташкурган, Имамсахиб и Талукан. Их действия намечались против участков Тахта-Базарского (одна мангруппа), Керкинского, Термезского и Пянджского погранотрядов (по две мангруппы). Но кроме этих подразделений, погранотряды, как известно, уже имели на сопредельной территории свои формирования (СБО, мангруппы, заставы) более чем в десяти местах. Особая нагрузка выпадала на Московский погранотряд, постоянно имевший в афганском западном Припамирье подразделения в пяти — семи пунктах. С учетом выставленных на афганском Памире подразделений

Восточного пограничного округа, их дислокация в приграничье ДРА предполагалась на фронте более чем 1 тыс. км.

Новые задачи требовали повышенного внимания руководства погранвойск КГБ к нашим подразделениям в Афганистане. Однако наша попытка вместе с новыми штатами подразделений ввести и штатную должность в ранге заместителя начальника погранвойск по афганским делам не удалась — Андропов не согласился («В стране и так много генералов»). С санкции руководства КГБ к этим делам был подключен генерал И. П. Вертелко, заместитель Матросова. Вместе с генералом Карповым они многое сделали для своевременной и качественной подготовки новых подразделений и органов полевого управления. Но возникали новые задачи: надо было налаживать координацию действий наших пограничных подразделений в ДРА с соединениями и частями 40-й армии, афганскими воинскими частями, царандоем и пограничниками. Эти функции с началом 1982 г. были возложены на генерала И. П. Вертелко (Уже в ранге 1-го заместителя начальника ПВ КГБ). А вскоре была введена и должность представителя по связи и взаимодействию ПВ КГБ с оперативной группой Минобороны и аппаратом главного военного советника в Кабуле. На эту должность был назначен генерал-майор И. Д. Ярков. А между тем обстановка в ДРА и его приграничных провинциях ухудшалась.

В ноябре Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов приняла резолюцию, осуждающую действия СССР в ДРА, и призвала к «немедленному выводу иностранных войск из Афганистана».

Расширялось прямое вмешательство в афганские дела США и некоторых других иностранных государств. К осени 1981 г. во многих формированиях мятежников появились противотанковые средства, зенитно-ракетные комплексы, мины новейших конструкций, другое современное вооружение. В северных приграничных провинциях аф-

ганские власти, несмотря на предпринимаемые меры, утрачивали контроль в уездах, волостях и населенных пунктах. В зоне «Север» (провинции Балх, Джаузджан, Саманган, Фарьяб), к примеру, из имевшихся около 2 тыс. мелких населенных пунктов, власти контролировали лишь четвертую часть. Размещаемые в освобожденных от мятежников населенных пунктах так называемые организационные ядра (группы), предназначенные для организации власти, немедленно покидали их, как только оттуда уходили войска.

Участились обстрелы провинциальных и волостных центров, в том числе артиллерией и минометами. В провинции Джаузджан мятежниками был взорван газопровод. В связи с угрозой безопасности из этой провинции в СССР было эвакуировано более 100 советских специалистов и их семей.

По-прежнему проявлялась слабость центральных и провинциальных органов власти по привлечению на свою сторону населения, даже потенциально дружественного Кабулу. К примеру, в западных приграничных провинциях (Фарах, Нимруз, Гильменд) проживало свыше 250 тыс. белуджей, вооруженные отряды которых не пускали на свои территории мятежников и были готовы сотрудничать с Кабулом при условии оказания им помощи финансами, оружием и пр. Контакты и соглашения с некоторыми из этих племен способствовали прикрытию границы с Ираном на некоторых участках. Но это было лишь частным явлением. Основные надежды афганское руководство возлагало на армию, но содержать ее хотя бы относительно боеспособной становилось все труднее: резко сокращался приток пополнения (принудительный призыв не срабатывал), росло дезертирство, участились случаи группового перехода военнослужащих к мятежникам. Все это было характерным и для пограничных подразделений ДРА. Тем не менее боевые действия частей армии и погра-

ничных подразделений против мятежников в ряде приграничных провинций (Нангархар, Джаузджан и др.) удавалось проводить успешно. К примеру, в провинции Джаузджан (против участка Керкинского погранотряда), где наши армейские и афганские части блокировали и разгромили базовый лагерь мятежников в районе сел. Джаркудук. Было захвачено около 20 различных складов с боеприпасами, ГСМ, продовольствием и др. Дошла, наконец-то, очередь и до злополучного о. Даркад (против участка Пянджского погранотряда).

Этот афганский остров в несколько десятков квадратных километров расположен в пойме реки Пяндж, покрытый густыми тугаями, изрезан десятками речных рукавов и арыков. Здесь расположено более 30 кишлаков и отдельных хозяйств. К осени стала поступать информация о попытках душманов (9–10 бандгрупп, численностью 350–400 человек) создать здесь базы для зимовки и отдыха своих формирований. Словом, требовалось обезвредить эту территорию. Но дело затягивалось: то возникали новые обстоятельства, то не проходил замысел операции, разработанный оперативной группой округа — был излишне упрощенным, нацеленным лишь на выталкивание и рассеивание мятежников. Окончательный его вариант, утвержденный Центром, предусматривал внезапную изоляцию (блокирование) района вероятного нахождения основных сил мятежников и последовательное (по участкам) проведение поиска с десантированием поисково-разведывательных групп. К операции привлекались наши пограничные подразделения (свыше 900 человек), одна афганская пограничная рота и два отряда местных афганских ополченцев. Одним из отрядов руководил Сидики, ранее упомянутый мною.

С началом операции были пресечены попытки нескольких групп мятежников вырваться ночью из окружения. Дальнейшие их намерения организовать сопротив-

ление в течение последующих пяти дней подавлялись в основном ракетно-бомбовыми ударами вертолетов. Операция прошла в целом успешно и без потерь с нашей стороны, но части мятежников все-таки удалось просочиться через прикрываемый афганскими подразделениями рубеж. В ходе операции было проверено около десятка кишлаков, уничтожено более 20 схронов и баз мятежников, захвачено около 60 пленных. В заключительной части операции принял участие губернатор Тахарской провинции со своим административным и царандоевским аппаратом, и в освобожденных от мятежников населенных пунктах были восстановлены органы местной власти.

Менее удачно, хотя и без потерь, проходили оперативно-боевые действия в середине декабря нашего СБО от Керкинского погранотряда с участием двух афганских погранкомендатур в окрестностях г. Андхоя. Мятежники, очевидно, оповещаемые информаторами, заблаговременно уходили от ударов наших подразделений и после недельных безрезультативных действий этот поиск был прекращен.

Почти в то же время два наших подразделения от Московского погранотряда совместно с большой группой афганских ополченцев успешно ликвидировали довольно крупную бандгруппу, пытавшуюся совершить нападение на центр населенного пункта Дашти-Кала.

Удачными были и действия (тоже неплановые) СБО этого же погранотряда западнее г. Рустак. Первыми завязали бой с бандгруппой (около 70 человек) афганские ополченцы. Прибывший на помощь СБО при поддержке вертолетов нанес мятежникам огневое поражение. При прочесывании района было обнаружено много убитых мятежников и около 50 единиц стрелкового оружия. У нас среди личного состава потерь не было.

На Малом афганском Памире в связи с закрытием перевалов в Пакистан активность мятежников заметно сни-

зилась. Но возникла другая проблема: закрылись основные пути сообщения, прервалось снабжение населения Ваханской и Сархадской долин самым необходимым. Посильную помощь жителям этих долин продовольствием, топливом и теплой одеждой оказывали подразделения Восточного погранокруга.

В это же время в Кабуле предпринимались меры по прикрытию некоторых направлений на границе с Пакистаном и Ираном. В частности, планировалось привлечение от 40-й армии девяти батальонов — для усиления афганских пограничных подразделений. Намечалось также формирование и выставление на границе 901-го и 909-го погранбатальонов, ранее разгромленных мятежниками, проведение инженерных и взрывных работ по закрытию некоторых перевалов. Конечно же, эти меры (пока планируемые) не могли существенно повлиять на надежность охраны границ ДРА, а были лишь «латанием дыр».

В последней декаде декабря завершалась подготовка прибывших в Среднеазиатский погранокруг сформированных мотомангрупп. Их укомплектованность личным составом, вооружением и техникой проверялись на месте с участием офицеров ГУПВ. К основной части подразделений замечаний не возникло. Боевая техника (БМП, БТР и др.) была практически новая и требовалось ее освоить в сжатые сроки.

В 20-х числах декабря позвонил Ю. В. Андропов (В. А. Матросов был в отъезде) — интересовался ходом подготовки подразделений, состоянием их вооружения и техники. Я доложил, что подготовка проходит в соответствии с установленным планом-графиком (ему он был известен), и в первой декаде января 1982 г. подразделения будут готовы к действиям. Ю. В. напомнил о тщательном изучении обстановки в районах предполагаемого их развертывания, и пожелал успехов.

Оставшиеся декабрьские дни и начало января 1982 г. были довольно напряженными для командования САПО и офицеров ГУПВ, работавших во главе с генералами И. П. Вертелко и И. Г. Карповым: надо было организовать проведение сборов с офицерами полевых оперативных групп и маневренных групп, а также контрольных занятий и учений по боевому сколачиванию подразделений. С началом января в Среднюю Азию убыл и генерал В. А. Матросов.

Обстановка в северных провинциях ДРА накануне ввода подразделений оценивалась нами как сложная, но позволяющая, при определенных мерах, выполнить задачу. Особое беспокойство вызывала ситуация в провинциях Балх и Тахор, где отмечались наибольшая концентрация сил мятежников и их активность, в том числе в самих центрах провинций — городах Мазари-Шариф и Талукан.

Надо отметить, что ряд удачных операций частей 40-й армии совместно с афганскими силами, их ощутимые удары (особенно авиации) по базам и наиболее крупным формированиям мятежников (пример тому — операция в районе Джаркудук и др.) вынудили мятежников менять тактику, прибегая к действиям в составе небольших, мобильных групп. Понесенные потери породили среди них неуверенность, панику, подозрительность по отношению к формированиям другой ориентации [в тот период 30-40% сил мятежников считались сторонниками «Исламской партии Афганистана» (ИПА) Г. Хекматьяра, остальные примыкали к «Исламскому обществу Афганистана» (ИОА) Б. Раббани и другим исламским группировкам]. Участились попытки главарей больших и малых формирований вступать в контакты, переговоры с представителями военного командования, провинциальных властей, и это явление в Кабуле (да и среди наших военных) было воспринято как добрый знак. Однако уже тогда многие факты подсказывали, что за ними часто скрываются по-

пытки главарей выиграть время, сохранить силы и уйти из-под ударов, либо с помощью армейских сил убрать соперничающие группировки мятежников в каком-либо районе.

Особую остроту создавала проблема безопасности коммуникаций (именно здесь проявлялась наибольшая активность мятежников). Так, по информации нашего Министерства внешней торговли, если в 1980 г. на дорогах ДРА мятежниками было уничтожено (либо захвачено) 33 машины «Афсотр» (смешанное советско-афганское акционерное общество), то в 1981 г. — более 160 автомобилей (с грузом).

Позднее наши командиры научатся более-менее безопасно сопровождать колонны конвоями и даже воздушным прикрытием, а пока из-за перебоев и пробок на афганских дорогах многие сотни неразгруженных вагонов скапливались в Термезе, других пограничных портах, на железнодорожных узлах.

К исходу 1981 г., возникла проблема безопасности афганского порта Хайратон (расположен на берегу реки Аму-Дарьи недалеко от города и порта Термез). Этот порт пропускал 70–80% всех грузов из СССР в ДРА и обратно, и в первую очередь военную технику, вооружение, боеприпасы, СГМ и пр. Скопление там огромного количества грузов при отсутствии надлежащего режима (хотя порт и подступы к нему охраняли афганский батальон, наши мотострелковая и танковая роты, не считая оперативных сотрудников СГИ, царандоя и пр.) грозило тяжелыми последствиями при любой диверсии. Поскольку не было надежды, что эти силы в состоянии обеспечить безопасность порта, поступало много предложений, включая и передачу его охраны нашим пограничникам. В конце концов пришли к следующему варианту: охрану внешнего периметра (включая техническое оборудование рубежа) обеспечивает наша сторона, а внутренних объектов в порту — афган-

цы, по ведомственной принадлежности грузов (Минобороны, МВД и др.). На пограничников САПО были возложены задачи по обеспечению безопасности железнодорожного и автодорожного (совмещенного) моста у Термеза (тогда завершалось его строительство), а также переправ через Аму-Дарью у Айваджа и Келифа (вантовый переход газопровода).

Приход нового министра обороны ДРА А. Кадыра (вместо Рафи) пока мало отражался на состоянии армии и пограничной охраны. Их численность и боеспособность не усиливалась. Однако в Кабуле не теряли надежды на создание более крупной и боеспособной армии, поэтому в Москву шли активные запросы на поставку вооружения и техники (в основном на безвозмездной основе). На долю пограничников обычно ничего не выпадало.

«Прозрачность» афганских границ, низкая боеспособность пограничных подразделений ДРА способствовали обострению ситуации в Афганистане. К концу 1981 г., вопреки многим планам, пограничную охрану ДРА не удалось укрепить ни количественно, ни качественно.

На границе с Пакистаном имелось три пограничные бригады (семнадцать батальонов) и два КПП, на границе с Ираном — две погранбригады (восемь батальонов) и один КПП, на северной границе — пять погранкомендатур и три КПП. Их слабая укомплектованность (по личному составу — на 40–50% к штату, по автобронетехнике — на 20–30% и пр.) при довольно протяженных участках границы (100–130 км на батальон) не обеспечивала, как и ранее, надежности охраны границы.

Мы в ГУПВ, с учетом своих возможностей, предпринимали меры по оказанию помощи афганским пограничникам по целому ряду вопросов: подготовке офицерских кадров, поставке ремонтно- технических средств, средств связи. Такая помощь, конечно же, основных проблем не решала. Но при всей ограниченности возможностей по-

граничных войск ДРА, они вносили посильную лепту в обеспечение безопасности страны. В прошедшем 1981 г. их подразделения задержали около 1800 нарушителей границы и контрабанды на сумму более 60 млн. афгани, участвовали более чем в 400 боестолкновениях с бандгруппами и другими вооруженными нарушителями границы.

Основной замысел действий силовых структур в ДРА с началом 1982 г. предусматривал поддержание порядка и безопасности на коммуникациях; прикрытие вероятных маршрутов движения бандформирований из Пакистана и Ирана; проведение операций и боевых действий в провинциях Герат, Гильменд, Кандагар, Каписа и др. В приграничных с СССР провинциях ДРА планировалось очистить от мятежников районы севернее линии Файзабад — Талукан — Кундуз — Айбак — Мазари-Шариф — Меймене и содействовать закреплению в этих районах местных органов власти. В реализации этих задач значительная роль отводилась нашим мотомангруппам, последовательный ввод которых начался с первой декады января 1982 г.

Первые мотомангруппы были введены в Калай-Нау, Мазари-Шариф, Ташкурган, Андхой и Меймене достаточно организованно, при надежном боевом охранении (в том числе воздушном) и без каких-либо острых ситуаций. При этом поддерживалось тесное взаимодействие с армейскими частями 40-й армии и афганскими пограничниками. В районах Мазари-Шарифа и Андхоя разведкой были установлены формирования мятежников численностью 40–60 человек каждая. Ударами вертолетов и огнем бронетехники они были рассеяны и ликвидированы.

С началом этих операций неожиданно последовало предложение от маршала С. Л. Соколова и генерала С. Ф. Ахромеева (из Кабула) в отношении использования наших мотомангрупп, их взаимодействия с армейскими частями. Прибывшим в Кабул вначале генералу И. Г. Карпову, а затем и генералу И. П. Вертелко эти предложения

были высказаны. Их суть сводилась к тому, что, во-первых, наши пограничные подразделения в северных провинциях ДРА должны входить в общую систему сил 40-й армии и действовать по единому плану и под единым (естественно, армейским) руководством. Во-вторых, оперативная группа САПО должна находиться не на участке округа, а в Афганистане. Это существенно меняло и цель прибывания в ДРА наших подразделений (они рассматривались прежде как составная часть развернутых на советско-афганской границе погранотрядов, предназначенная для защиты в первую очередь, этой границы) и достигнутую накануне в Генштабе договоренность.

Передислокация же оперативной группы округа (САПО) — а она постоянно находилась в одном из наших погранотрядов — в Кабул или даже в одну из северных провинций ДРА не облегчало, а напротив, осложняло управление мотомангруппами. Были и другие аргументы в защиту нашей системы управления, но в предложениях группы маршала С. Л. Соколова тоже была своя логика, и с нею следовало считаться. Нужно было организовать устойчивую связь наших мотомангрупп (и полевых ОГ) с армейским командованием в зонах и провинциях, а оперативной группы округа — с Кабулом, согласовать порядок проведения совместных операций, боевых действий (в зонах нашей ответственности), взаимодействия при возникновении каких-либо нештатных ситуаций и т. п. В решении этих и ряда других вопросов заключалась трудная миссия наших представителей в Кабуле, но чувствовалось, что окончательная договоренность по ним еще не достигнута. Они возникли вновь по прилету в Кабул генерала В. А. Матросова в конце января. Тогда удалось согласовать ряд принципиальных вопросов управления и взаимодействия, в том числе и об установлении прямой телеграфной радиосвязи оперативной группы САПО с Кабулом, но, откровенно говоря,

некоторые недоразумения по этой части в последующем возникали не раз.

Тогда же произошла встреча В. А. Матросова с Б. Кармалем. Кармаль благодарил советских пограничников за участие в стабилизации обстановки в ДРА, согласился с замыслом размещения в северных афганских провинциях наших подразделений и обещал им поддержку со стороны губернаторов и других представителей власти.

Он выразил обеспокоенность состоянием охраны границы с Пакистаном (Вадим Александрович оценил ее как неудовлетворительную), подчеркнув при этом, что «мы не признаем границей линию Дюранда, но молчим», и высказал надежду на помощь СССР.

Вадим Александрович, в свою очередь, высказал пожелания о проведении в ДРА более активных мер по укреплению афганской пограничной охраны и повышении внимания к этой проблеме военного ведомства ДРА. Эта краткая поездка Матросова в Кабул, встречи с Б. Кармалем и нашими военными руководителями, оставили у него тревогу за реальность решений пограничных проблем ДРА.

В оставшиеся дни января — начале февраля завершался последний этап ввода наших подразделений в ДРА. На этом этапе проводилась операция на направлении Имамсахиб — Талукан.

Район Талукана (центр провинции Тахар), по данным нашей разведки, характеризовался наличием крупных сил мятежников. Поэтому к операции привлекались значительные силы: шесть маневренных групп (в том числе одна десантно-штурмовая), эскадрилья вертолетов, бронетехника. В операции участвовали также подразделения Душанбинской мотострелковой дивизии (советской) и 20-й афганской пехотной дивизии. Общее руководство действиями войск осуществлял генерал В. А. Матросов, непосредственно руководил операцией начальник оперативной группы САПО полковник А. Ф. Борисов.

Операция в целом прошла успешно. Наиболее активное сопротивление мятежники оказали лишь в районе Имамсахиба и на начальном этапе движения на Талукан, но ударами вертолетов и огневых средств были рассеяны, значительная их часть (около 400 человек) — уничтожены. Было изъято более 130 единиц стрелкового оружия, в том числе пулеметы, противотанковые мины и пр. (кстати, среди трофейных документов оказалось два письма — сообщения мятежникам о наших предстоящих действиях).

6 февраля наша мангруппа вошла в Талукан, а 7–8 февраля она совместно с ротой царандоя провела зачистку района своей предстоящей дислокации (на северо-восточной окраине Талукана). Успех этой операции, (несмотря на утечку информации о ее подготовке), был в значительной мере обусловлен применением нашими командирами верного тактического принципа: действовать не прямолинейно, «в лоб», а сочетать фронтальное передвижение (особенно в горах, в дефиле, в населенных пунктах) с выходом (высадкой) на флангах, изоляцией маршрута продвижения подразделений, занятием господствующих высот наблюдателями, снайперами, пулеметчиками. Такой принцип, кроме тактических преимуществ, обеспечивал и сохранение личного состава от неоправданных потерь.

Однако завершение любой операции — акт не менее ответственный, нежели ее начало. Пренебрежение этим правилом обернулось тяжелыми потерями: при проезде колонны афганских пограничников, участвовавших в операции, на наших машинах по участку Керкинского погранотряда (для сокращения маршрута на Андхой) опрокинулась машина «ГАЗ-66» и погибли 19 афганских призывников (набранных в ходе операции) и три пограничника.

Это ЧП вызвало острую негативную оценку руководства КГБ, так как особой надобности в переезде этой колонны по нашей территории не было. Началось расследо-

вание с участием военной прокуратуры, а мы в штабе погранвойск готовили объяснительные материалы для Кабула.

С развертыванием мангруппы в Талукане практически завершился план выхода и размещения наших подразделений в шести центрах приграничных провинций ДРА. Кроме этих, наши подразделения (мангруппы, СБО, отдельные заставы), как уже говорилось, располагались более чем в 15 других важных пунктах афганского приграничья, включая гарнизоны на Малом афганском Памире от Восточного погранокруга.

Теперь эта группировка насчитывала около 3,5 тыс. личного состава, была достаточно обеспечена бронетехникой, вооружением, техническими средствами и располагала надежной авиационной поддержкой Марыйского авиаполка и Душанбинской отдельной авиаэскадрильи. На каждый пограничный отряд, охранявший советско-афганскую границу, приходилось от двух до четырех и более подразделений, действовавших в приграничных районах ДРА. Для прибывших в новые районы подразделений уточнялись боевые задачи в зоне их ответственности, отрабатывались вопросы организации связи и взаимодействия, охраны и обороны мест дислокации, проводились другие необходимые мероприятия. Этим подразделениям предстояло решать новые сложные задачи.

Февраль и март 1982 г. на границе и в приграничных провинциях ДРА были относительно спокойными. Сказывалось, видимо, влияние погоды (эти месяцы наиболее холодные), да и потери, понесенные мятежниками летом и осенью 1981 г. В северных приграничных провинциях наблюдались попытки отдельных групп обстреливать ночью наши гарнизоны, уездные центры, воинские колонны. Наибольшая активность мятежников, как и ранее, проявлялась на коммуникациях, особенно на трассе Хайратон — Кабул.

В середине февраля мятежники совершили нападение на колонну наших пограничников при ее движении из Талукана в Пяндж (Пянджский погранотряд). Нападение было отбито, но при этом погибли 2 пограничника и были сожжены две машины.

Наши пограничные подразделения в северных провинциях продолжали обустройство мест дислокации и вели локальные оперативно-боевые действия в зонах своей ответственности. В 20-х числах февраля две мангруппы совместно с батальоном 40-й армии и двумя афганскими батальонами участвовали в операции по прочесыванию Мазари-Шарифа и его окрестностей (планировалась в Кабуле). Операция проводилась по упрощенному замыслу, без изоляции районов поиска и, естественно, была малорезультативной.

Более эффективной была операция в Герате и его окрестностях, проведенная в то же время 17-й афганской дивизией и частями 40-й армии. Здесь применялись изоляция районов поиска, повторное внезапное прочесывание и другие неожиданные для мятежников действия. Потери, понесенные при этом мятежниками, не только стабилизировали на какое-то время обстановку в этом районе, но и склонили на сторону властей одно из крупных их формирований, которое приступило к охране ряда важных объектов и коммуникаций в провинции.

Участие наших пограничных подразделений в совместных операциях с армейскими частями в феврале выявило и первую несогласованность. Она была вызвана попытками армейского командования использовать пограничные подразделения за пределами их зоны ответственности и возражениями против этого нашего представителя (полковника Яркова). Реакция маршала С. Л. Соколова на это была довольно жесткой. В своей телеграмме из Кабула он подчеркивал: «...полагаю нецелесообразной централизацию управления боевыми действиями мото-

мангрупп в ДРА из Москвы». Действительно, жесткая регламентация действий наших подразделений в Афганистане из ГУПВ порой себя не оправдывала (и мы в штабе это сознавали), но такая система действовала, будучи утвержденной Андроповым, так что надо было искать компромиссные варианты.

И вновь пригодилось дипломатическое искусство генерала В. А. Матросова. Кстати, в эти дни он получил звание Героя Советского Союза, и мы восприняли его награду, как высокую оценку наших действий в Афганистане.

В эти месяцы относительная стабильность отмечалась на ряде участков границы Афганистана. Наибольшая активность мятежников, как и ранее, проявлялась на Джелалабадском, Хостинском, Кандагарском и Гератском направлениях — здесь в течение февраля произошло около 25 боевых столкновений с небольшими по составу бандгруппами и другими вооруженными нарушителями границы. К сожалению, время работало против афганских пограничников. Если мятежники наращивали силы, готовясь к весенне-летней кампании, то пограничные подразделения сидели, что называется, на голодном пайке: были менее чем наполовину укомплектованы, по-прежнему не имели резервов (многократно обещанных и планируемых), необходимой техники и вооружения.

С началом марта в Кабуле находились генерал И. Г. Карпов, полковники А. Ф. Борисов и В. А. Кириллов— для участия в разработке плана совместных операций против мятежников в весенне-летнем периоде. Этот план предусматривал проведение совместных операций 40-й армии, афганских частей и пограничных мотомангрупп в районах севернее Меймене, Сарипуль, Мазари-Шариф, Айбак, Баглан и Кундуз. В оставшееся время пограничные подразделения должны были заниматься обустройством гарнизонов, а также проводить оперативно-боевые действия локального характера в районах Баламургаб, Калай-Нау,

Гармач, Андхой, Меймене и Талукан. Более активные действия, в том числе и операция в Куфабском ущелье, планировались на апрель.

В марте окончательно завершилась история с инцидентом во время участия пограничных мотомангрупп в армейской операции: маршал С. Л. Соколов и генерал С. Ф. Ахромеев согласились с тем, что наши подразделения будут впредь действовать преимущественно в зонах своей ответственности.

При относительно невысокой боевой активности мятежников в этом периоде, по имевшимся данным американцами, саудовцами и другими предпринимались активные меры по объединению антиафганских сил в единый фронт борьбы с кабульским режимом. В этих целях в марте было объявлено о создании так называемого «Исламского союза моджахедов Афганистана», в котором предполагалось объединить ИПА Хекматьяра, ИОА Раббани и ряд других исламских объединений. Зная об острых противоречиях между этими группировками, мы мало верили в их способность реально объединиться (последующие годы это подтвердили).

К сожалению, дальше этих прогнозов дело не доходило: и в политическом, и в военном отношениях этот фактор нами плохо использовался. Мы знали не только о политических распрях между главарями исламских группировок и сообществ, но и боевых столкновениях между их отрядами и группами на территории ДРА. В марте—апреле такие стычки проходили между мятежниками в провинциях Фарьяб, Герат, в Куфабском ущелье и других районах, но у нас, в том числе и у пограничников, не было ни общей идеологии по этой проблеме, ни продуманной системы действий, ни соответствующих эффективных структур (хотя органы психологической борьбы в то время уже существовали). Думаю, что мы не случайно вчистую проиграли психологическую борьбу и в первой чеченской кам-

пании в 90-х годах, не научившись извлекать уроки из прошлых ошибок.

К началу весны мятежники предприняли попытку закрепить свое влияние в отдельных районах приграничных провинций Кандагар, Газни, Пактия и Герат, а также в окрестностях Кабула. 40-я армия и афганские части в этот период проводили локальные, но довольно успешные действия в провинциях Газни, Кандагар и Парван. Одновременно наши пограничные подразделения (четыре мотоманграппы) начали частную операцию в полосе Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов на рубеже Баламургаб, Гармач, Меймене. Действовали они в основном в походных порядках вдоль коммуникаций, что обычно приводило лишь к выталкиванию мятежников из занимаемых районов и рассеиванию.

По-иному проходила операция наших шести мотоманграпп совместно с подразделениями 18-й и 20-й афганских дивизий, одного батальона и артиллерии 201-й мотострелковой дивизии (советской) по очистке города Ташкургана и его окрестностей (руководитель операции генерал-майор Г. Згерский, начальник оперативной группы в Тушкургане подполковник З. Файзиев). В районе намечаемой операции было установлено более 15 формирований (групп) мятежников общей численностью 800–1000 человек. Операция проводилась методом блокирования основных районов города нашими манграппами и прочесывания его кварталов по секторам афганскими подразделениями. Все очаги сопротивления мятежников подавлялись огнем артиллерии и ударами вертолетов. Потери мятежников были большие: более 400 убитыми, около 300 человек было задержано. У нас погибли 2 пограничника и 12 человек было ранено. Операция продолжалась до конца апреля и завершилась ликвидацией горных баз мятежников армейскими частями уже за пределами зоны ответственности наших пограничных подразделений.

С закреплением этих подразделений в пунктах своей дислокации в ДРА стали поступать и первые тревожные сигналы: некоторые вопросы боевого, материально-технического обеспечения подразделений пока срабатывали слабо, в том числе по организации разведки и мер собственной безопасности, обеспечения горючим, продовольствием и пр. Чувствовалось, что в самой системе управления мангруппами и их обеспечения через пограничные отряды не все срабатывает надежно и требуется тщательное исследование всех этих вопросов.

В мае обстановка в приграничных районах ДРА существенно не изменилась. После удачно проведенной операции в Ташкургане участвовавшие в ней мотомангруппы приводили себя в порядок, готовились к новым действиям. А на очереди возникала подготовка к операции в Куфабе (на этот раз под многозначительным названием — «Возмездие»). Надо сказать, командование САПО и его оперативной группы не очень-то желало наступать на те же грабли, и инициатива в проведении операции исходила в основном из Центра: во-первых, известный в этой зоне главарь Абдул Вахид не только сохранил после той, первой операции костяк своего формирования, но и значительно активизировался за последнее время, и, во-вторых, психологический фактор играл немалую роль — надо же было показать, кто в этом районе хозяин!

В начале мая оперативная группа САПО пыталась провести силовую разведку одного из районов, прилегающих к Куфабу (где якобы находился А. Вахид), направив туда сводный отряд афганских военнослужащих и ополченцев. Отряд задачу не выполнил, потеряв при этом более 30 человек убитыми и захваченными в плен, что тоже не прибавило оптимизма нашим командирам.

Генералы В. А. Матросов и И. П. Вертелко специально вылетели в Московский погранотряд (где был передовой КП оперативной группы САПО), чтобы на месте оценить

ситуацию и подготовку к операции. Вскоре пограничные подразделения вместе с афганскими ополченцами все-таки высадились в районах предполагаемого нахождения мятежников Вахоба (кк. Дарваз, Муштив и др.), но их там не оказалось (ушли, предположительно, в Куфаб).

Операция в Куфабе началась 9 мая и продолжалась практически до конца месяца. Было уничтожено около 60 мятежников, задержано более 80 человек, изъято небольшое количество оружия и боеприпасов, разрушено более 15 схронов и складов. У нас погибли 4 пограничника (опять попали в засаду!) Но и на этот раз ядро формирования Вахоба и он сам уцелели (скрылись в Рагском ущелье). В Куфабе еще пару недель (до половины июня) оставалось несколько наших подразделений — вели разведку и прикрывали основные перевалы и тропы. События тех лет в Афганистане и его приграничье часто переходили от мирных и созидательных к экстремально-боевым.

12 мая в г. Термезе и Хайратоне состоялась торжественная церемония по случаю открытия авто- и железнодорожного моста через реку Аму-Дарью с участием руководителей Афганистана Б. Кармаля и Узбекистана и Ш. Рашидова. Естественно были речи и заверения руководителей о неизбежности нашей общей победы.

А спустя несколько дней последовала серия нападений и диверсионных актов мятежников на объекты энергетики, учреждения культуры, органы местной власти. В эти дни был взорван газопровод севернее Шибиргана. Возросла активность мятежников в приграничных провинциях Герат, Бадгиз, Джаузджан, Тахар, Кундуз и некоторых других. Участились их попытки вступить в контакты с некоторыми формированиями ополченцев с целью склонить их на свою сторону (такие сигналы поступали и в отношении Сидики, известного руководителя отряда ополченцев). В начале июня в провинции Бадгиз мятежники обстреляли из минометов нашу мотомангруппу в

Кайсаре (против участка 68-го погранотряда), при этом погиб один офицер и семь военнослужащих были ранены.

В конце мая — начале июня в провинциях Парван и Каписа была проведена крупная операция армейских частей (советских и афганских) по очистке известного Панджшерского ущелья. Операция широко освещалась в наших СМИ, на телевидении, но итоги ее были довольно скромными. Забегая вперед, надо сказать, что этот высокогорный, труднодоступный район с ущельями и каньонами наши войска будут пытаться зачищать неоднократно (как наши пограничные подразделения — Куфабское ущелье), но итоги будут, мягко говоря, не всегда адекватны усилиям и затратам. В той же операции в числе трофеев были захвачены документы и списки на большое количество людей (около 400 человек) — членов госаппарата в Кабуле, военных, в том числе сотрудников СГИ и МВД, якобы сотрудничавших с мятежниками. В Кабуле, как обычно, начались аресты, «зачистки» и пр. К нашим пограничникам в ходе операций тоже не раз попадали подобные списки, и у многих уже тогда возникали подозрения, что эти списки фабрикуются мятежниками, чтобы вызвать недоверие в органах власти ДРА, навлечь подозрения и репрессии на неугодных им лиц. И в ряде случаев им это, видимо, удавалось.

В июне действия наших пограничников в ДРА завершались операцией по очистке так называемой «зеленой зоны» — приграничных районов на рубеже Андхой, Меймене (против смежных флангов Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов). Операция эта не имела серьезных боевых столкновений, но три формирования мятежников вступили после этого в переговоры с властями и изъявили готовность сложить оружие.

В мае 1982 г. ушел с поста председателя КГБ Ю. В. Андропов, ставший секретарем ЦК КПСС. За первые годы афганской кампании мне довелось неоднократно участво-

вать в обсуждении афганских проблем, проводимых в КГБ Андроповым, и дважды — по возвращении из Афганистана, в 1979 и 1980 гг., лично докладывать ему итоги работы, свои впечатления и выводы. И всякий раз по его инициативе доклады эти и обсуждения выходили далеко за рамки чисто пограничных вопросов. В то время его влияние на решение афганских проблем было огромным. Думается, что активности Андропова в афганских делах в немалой степени способствовало его личное участие в венгерских событиях осенью 1956 г. (тогдашний Чрезвычайный и Полномоченный посол СССР в Венгрии). Он, что называется, вживую испытал характер и последствия таких мятежей.

Исходя из ряда причин — то ли из-за недостаточно полной и достоверной информации по Афганистану (а для Востока это явление почти обычное), то ли в силу его первоначальной твердой уверенности в правильности принятых решений по вводу наших войск туда — он, как мне казалось, на начальном этапе событий не всегда адекватно реагировал на отдельные сложные ситуации в стране. Я имею в виду не только его позицию о вводе войск на территорию ДРА (об этом уже много сказано). Зная о серьезных разногласиях между представителями КГБ в Кабуле и представителями Минобороны в оценке положения дел в Афганистане (особенно накануне ввода туда наших войск), он не поддержал предложение о назначении туда ответственного руководителя, которому подчинялись бы представители всех советских структур и ведомств, находящихся в ДРА и действующих по единому замыслу и плану (кстати, подобный межведомственный раздрай мы повторили потом в Чечне). Не поддержал он и предложения об участии в Афганистане частей внутренних войск МВД, а они совместно с царандоем при определенных условиях, могли бы существенно облегчить задачи нашего ОКСВ. В целом же у меня сложилось впечатление, что

Андропов, как умный человек и хороший аналитик, уже после первых месяцев пребывания нашего ОКСВ в Афганистане понимал безысходность, тяжелые последствия такой затеи и остро переживал это. Думается, что желание разделить ответственность, как-то облегчить положение наших войск в ДРА тоже сыграло роль в его решении ввести пограничные подразделения КГБ в северные провинции страны.

Став генсеком ЦК КПСС он, как известно, предпринял активные попытки к мирному разрешению афганской проблемы и выводу из ДРА наших войск на приемлемых для СССР и ДРА условиях (я имею в виду его встречи с руководством Пакистана и представителем Генерального секретаря ООН по Афганистану). Однако жесткое сопротивление американской администрации, лично Рейгана, желавших надолго задержать присутствие ОКСВ в ДРА, а затем и смерть Андропова застопорили эту идею на несколько лет.

В июне наше военное представительство в Кабуле направило в Центр свое видение обстановки в северных приграничных провинциях ДРА. Она оценивалась как сложная. Власть в провинциях контролировала не более четверти населенных пунктов, а на территории каждой провинции действовало от 1,5 до 4 тыс. мятежников.

Действия пограничных мангрупп и других подразделений оценивались в целом положительно, но считалось, что они в зонах своей ответственности пока решительных изменений в стабилизации обстановки не добились. Подчеркивалось, что под ударами пограничных подразделений часть бандформирований отходит на юг, за пределы их зоны ответственности, что якобы осложняет ситуацию в этих районах. В этой связи нашим мангруппам предлагалось действовать и за пределами зон своей ответственности, более активно проводить частные локальные операции совместно с местными органами СГИ, царандоя и

партактивом. При положительной организации взаимодействия между мангруппами и частями 40-й армии отмечалась слабая их связь с оперативными группами военных представителей в зонах.

Работа нашего 4-го отдела (пограничного) оценивалась положительно, сообщалось, что он в настоящее время много внимания уделяет деблокированию 907-го погранбатальона ДРА, окруженного мятежниками в районе Хоста, и работе с племенами. Положительно оценивалась и роль пограничной разведки ДРА, добываемая информация которой высоко оценивалась штабом 40-й армии и аппаратом ГВС.

В этой правильной оценке был сделан один неточный вывод — об уходе якобы части мятежников на юг, за пределы зоны ответственности пограничников. В действительности же, наиболее активные их формирования к середине 1982 г. были либо ликвидированы, либо рассеяны. И уходить им в другие районы было не с руки: мятежники в Афганистане обычно действовали в «своих» районах (обжитых ими, со связями, базами и пр.).

Было бы неправильным полагать, что наши задачи в Афганистане мы решали лишь силовыми методами. МИД, ПГУ КГБ, внешнеполитические органы КПСС активно пытались использовать и другие возможности — политические, дипломатические и пр. При этом МИД СССР и МИД ДРА согласованно выступали в ООН по проблемам афганского урегулирования.

В июне 1982 г. на первом туре переговоров в Женеве между представителями ДРА, Пакистана и представителем Генерального секретаря ООН Д. Кордовесом в целом были достигнуты некоторые позитивные итоги: стороны договорились продолжать поиск взаимоприемлемых условий урегулирования этой проблемы весной 1983 г. В Кабуле в это же время на заседании политбюро ЦК НДПА (докладчик — начальник службы СГИ Наджиб)

было принято важное решение о более активном привлечении к защите границ ДРА племенных вооруженных отрядов «малишей», о системе их материального стимулирования и о возложении ответственности за работу с ними на погранвойска ДРА. На этом же заседании указывалась, что вследствие низкой боеспособности некоторых афганских частей, пассивности местных органов власти районы в долине Панджшера, недавно очищенные от мятежников, вновь заняты ими.

С началом лета наиболее сложной обстановка оставалась в зонах «Центр» и «Юго-восток». Мятежники, получая усиленную поддержку, все чаще применяли уже не только обычное стрелковое оружие, но и крупнокалиберные пулеметы, артиллерийские системы и минометы, противотанковые средства. Но перехватить боевую инициативу даже в отдельных провинциях они пока не могли. Армия ДРА к лету 1982 г. практически сохранила свою численность (около 120 тыс. человек), но в стране укреплялись и другие силовые структуры, в частности, царандой (прообраз наших внутренних войск). Его численность достигала к тому времени более 60 тыс. человек (планировалось иметь к лету 1982 г. — 70 тыс.).

Оперативные батальоны и роты царандоя стали чаще участвовать в операциях, сопровождать колонны и пр. В перспективе они закономерно могли рассматриваться как основные силы в борьбе с мятежниками. Но было маловероятным, что руководство армии уступит МВД эту роль, а во-вторых, у царандоя не было к тому времени ни должной оснащенности боевой техникой, ни профессиональной выучки, ни способности эффективно вести антипартизанские действия. Думаю, что если бы проблемы более активного участия царандоя в борьбе с мятежниками решались не декларативно, а оперативные части и подразделения царандоя комплектовались не по-армейскому принципу — принудительно, а на добровольческой, кон-

трактной основе (что было тогда посильно в финансовом отношении), то результаты борьбы кабульских властей с мятежниками могли бы быть иными.

Политические и оперативные сводки того времени пестрели фактами контактов и переговоров властей и армейского командования с главарями формирований мятежников. Назывались десятки бандформирований, которые якобы прекратили борьбу против властей и перешли, или готовы перейти к ним на службу. Эйфория «братания» у нас в штабе погранвойск воспринималась с недоверием (о причинах говорилось выше). Но этим соблазнялись и наши пограничники—командиры и чаще неудачно. Конечно, решающее значение имели факторы социально-экономического характера, но и в этом усилия кабульских властей не всегда давали желаемые результаты. К примеру, по второму этапу земельно-водной реформы в 1982 г. многие крестьяне получили бесплатные земельные наделы (около 1 га орошаемой земли). Но эта форма собственности нуждалась в надлежащей системе защиты и развития, а ее не создали. К тому же трудно достигалась стабильность. Даже в северных, приграничных провинциях, где, казалось бы, проще обеспечить спокойствие и безопасность, нашим пограничным подразделениям приходилось неоднократно проводить поиски и операции в одних и тех же районах. А это было уже тревожным признаком.

Более того, отмечались попытки мятежников перенести свои действия на нашу территорию. В середине июня на участке Хорогского погранотряда они ночью обстреляли нашу машину при ее движении по горной дороге на одну из застав. Машина упала в ущелье, при этом погибло 2 пограничника (в том числе один офицер) и два офицера получили тяжелые травмы.

Надежность охраны афганской границы практически оставалась на том же уровне. Незначительно, но повышалась боевая активность афганских пограничников (во 2-м

квартале они совершили около 300 рейдов, засад, других боевых действий). Дополнительно было развернуто несколько подразделений на Кандагарском направлении. Однако их укомплектованность по-прежнему оставалась намного ниже армейской (около 40% к штату). Сказывались и боевые потери: во 2-м квартале было убито 42 пограничника и более 120 ранено.

С 1 июля в г. Фрунзе (ныне Бишкек) началась работа трехмесячных курсов по подготовке (и переподготовке) афганских офицеров-пограничников батальонного и ротного звеньев.

В операциях против мятежников, применяющих партизанскую тактику, важную роль, в числе других факторов, всегда играет разумная дислокация армейских, пограничных и других специальных формирований в зонах их действий. Распыление сил по мелким гарнизонам было признано абсолютно непригодным не только англичанами во время их неудачных походов в Афганистан в первой и второй половине XIX века, но и нашими военачальниками во время борьбы с басмачеством в Средней Азии. Конечно, знали это и мы, но количество наших так называемых гарнизонов (иногда это были просто отдельные заставы численностью 45–50 человек) все увеличивалось. В июле их было в северных провинциях ДРА уже более 25. А вместе с ними росли и проблемы обеспечения их собственной безопасности и охраны, снабжения, связи и т. п. Такие подразделения (равно как афганские малого состава) практически не имели возможность самостоятельно решать какие-либо боевые задачи за пределами места дислокации (в отличие от мангрупп и СБО). А уйти от этого никак не удавалось: то надо было на какой-то период закрыть опасный проход или перевал, подступы к кишлаку, которому угрожало вторжение душманов, то местные власти настойчиво просили хотя бы временно взять под охрану тот или иной объект и т. д. Так что основную «погоду»

делали (т. е. активно вели боевые действия) подразделения в составе мангрупп (СБО) и выше.

Так, в первой декаде июля силами четырех мотомангрупп совместно с афганским подразделением в районе г. Акча (против участка Керкинского погранотряда) проводилась операция по очистке этого района, прилегающего к трассе газопровода (в июне здесь дважды были диверсии). При этом было обнаружено и ликвидировано несколько убежищ, тайников и схронов.

Почти в то же время большая группа мятежников проникла в г. Имамсахиб (против участка Пянджского погранотряда) и атаковала помещения улусвольства и местного ополчения. Прибывшая на помощь наша погранзастава на бронетехнике рассеяла мятежников, нанеся им потери. Но и у нас при этом было ранено три пограничника и подбито (из РПГ) два бронетранспортера.

Обстановка в июле по многим признакам оставалась сложной. Прежде всего возросла численность мятежников: по оценкам наших и афганских силовых структур на территории ДРА находилось около 800 формирований численностью 90 тыс. человек. Наибольшая концентрация мятежников отмечалась в зонах «Юго-восток», «Восток», «Северо-запад» и «Центр». Наряду с усилением их оснащенности современным оружием росла профессиональная подготовка боевиков. В восточных приграничных провинциях, к примеру, около 70% из них проходили подготовку в Пакистане. Менялся состав мятежных формирований: если к началу 1980 года их основу составляли крестьяне, кочевники — пуштуны, то спустя 1,5–2 года в них заметно возросло число ремесленников, мелких торговцев, выпускников лицеев, молодежи. Некоторые формирования почти полностью состояли из бывших военнослужащих-дезертиров. Однако, как и ранее, активность формирований, их боеспособность во многом определялись подготовкой и личными качества-

ми главарей (у нас их сейчас именуют «полевыми командирами»).

В июне—июле соединения и части 40-й армии и НВС ДРА проводили крупную операцию в провинции Газни, до середины июля продолжались активные боевые действия в долине Панджшер, где мятежники оказывали ожесточенное сопротивление. В крупных городах, в том числе в Кабуле, возросло количество терактов и диверсий, похищение активистов и работников властных органов. В Кабуле было обстреляно советское посольство. Особое беспокойство вызывала не снижающаяся активность мятежников в афганском приграничье. Так, из 75 уездов и волостей на границах ДРА к концу июня власти контролировали лишь центры 56 из них, остальные территории, включая 19 центров, занимали мятежники. Все это, безусловно, осложняло меры по охране и защите границы. Чтобы сохранить нужную численность армии и царандоя, руководством ДРА в июле был принят закон о продлении срочной службы с 2,5 до 3 лет, а в военкоматы провинций направлено около 2 тыс. членов НДПА для активизации призывной работы. В июле афганские пограничники провели более 100 рейдов, около 200 засад, уничтожили более 180 мятежников, изъяли около 200 единиц оружия. Более активно велась работа по формированию отрядов «малишей» с племенами и родовыми авторитетами (но в основном в районах дислокации пограничников). Продолжалось формирование 6-й пограничной бригады (район Мазари-Шариф) для последующего вывода ее на пакистанский участок границы.

В конце июля наши представители в Кабуле вышли с предложением об организации поездки в СССР (с кратковременным визитом) командующего погранвойсками ДРА генерал-майора Пир Мухаммада. Визит к нам афганского пограничного руководителя планировался впервые, он был полезен и для нас, и для афганских друзей.

Наши пограничные подразделения находились в пунктах своей дислокации, проводя частые операции и оперативно-боевые действия по полученным сигналам. Наиболее крупная операция проводилась мотомангруппами Пянджского и Термезского погранотрядов и десантно-штурмовой группой Восточного погранокруга в пойме реки Кундуз (против участка Пянджского погранотряда). В ходе этой операции было ликвидировано два формирования мятежников, изъято более 20 единиц оружия (в том числе один огнемет), разрушено несколько схронов и складов, освобождено более 20 семей афганских военнослужащих, содержавшихся бандитами в качестве заложников. Наши потери в июле составили 10 пограничников (в том числе шесть человек — экипаж вертолета «Ми-8», потерпевшего катастрофу в районе Чахи-Аб).

Оценивая ситуацию в ДРА летом 1982 г., большинство аналитиков склонялось к выводу, что мятежникам в этом периоде не удалось упрочить свое положение, перехватить стратегическую инициативу. И хотя руководству ДРА и военному командованию в Афганистане пока не удавалось добиться решительного перелома в борьбе с мятежниками, но их основным силам было нанесено серьезное поражение, не позволившее им развернуть широкомасштабный «джихад» в стране.

Боевые действия против мятежников в августе носили довольно активный характер. За этот период было проведено более 120 операций и боевых действий, было разгромлено более 30 формирований мятежников, вновь начата операция в долине Панджшер (проводилась в июне—июле, но завершить ее не удавалось по ряду причин). Понесенные мятежниками потери, особенно в провинциях Кандагар, Газни, Баглан, Джаузджан, Герат и некоторых других в целом стабилизировали обстановку в стране, упрочили и положение местных органов власти. В этом периоде от

мятежников было освобождено пять уездных центров, более 500 кишлаков.

Несмотря на проблемы с призывом, понемногу укреплялась численность афганской армии (достигла около 130 тыс. человек). Афганские соединения и части по-прежнему испытывали нехватку бронетехники, других технических средств, но ряд соединений и частей уже могли самостоятельно проводить операции против мятежников, вести боевые действия.

С учетом этих и ряда других факторов началось перемещение остававшихся в северных провинциях ДРА отдельных частей и подразделений 40-й армии (из Калай-Нау, Меймене, Акча, Имамса-хиба и др.) в центральные и южные районы, а также некоторых афганских пограничных подразделений (из Шерхана, Ходжагара, Ишкашима и др.) на границу с Пакистаном. Это означало серьезное возрастание нагрузки на наши пограничные подразделения, находившиеся на севере Афганистана.

В июле—августе заметно укреплялся царандой ДРА. Его численность достигла планируемой — около 70 тыс. человек (для сравнения: численность афганских погранвойск в то время составляла 10 тыс. человек). Улучшалась его оснащенность техникой, комплектование офицерскими кадрами (около 50% из них прошли подготовку в СССР). Повысилась его активность в борьбе с мятежниками, особенно на коммуникациях. И все-таки царандой пока не стал серьезной силой в борьбе с мятежниками в ДРА. На этом, видимо, негативно сказывалось и отсутствие в ДРА хотя бы незначительного количества советских частей и подразделений внутренних войск МВД.

Летом 1982 года предпринимались некоторые меры по укреплению охраны границ ДРА. О готовящейся передислокации 6-й погранбригады из Мазари-Шарифа на границу с Пакистаном (в провинцию Паптика) уже говорилось. Получили некоторое усиление 1-я и 3-я погранич-

ные бригады, прикрывавшие эту границу, а также 5-я бригада на границе с Ираном. В штат каждой бригады планировалось ввести артдивизион 76-мм пушек, намечалось обеспечить наших советников в бригадах автономной связью с аппаратом главного военного советника и пр. Однако количественное и качественное состояние пограничных частей и подразделений продолжало оставаться наиболее слабым среди вооруженных сил ДРА, и они не могли обеспечить даже минимальную надежность в охране и защите границы. Пример с быстрым ростом численности и технической оснащенности царандоя (за 2 года более чем на 2/3) наглядно показывал, что если есть политическая воля (и объективное восприятие реальных угроз безопасности государства), то можно многого добиться даже в сложной ситуации.

К сожалению, в решении проблем охраны и защиты границ у политического и военного руководства ДРА (и наших советников при нем) такой воли не хватало. И это при том, что кроме северного участка (прикрываемого нами), на всех других «прозрачность» границы создавала для страны серьезнейшую угрозу. В зоне ответственности наших пограничных подразделений обстановка в этот период была относительно стабильной — сказывались серьезные потери, понесенные мятежниками летом.

В августе наиболее активные действия пограничных подразделений проходили в районах Меймене (так называемая «зеленая зона»), Шибирган, вдоль трассы газопровода и в районе Талукана, но все они носили локальный характер. В этих действиях участвовало, как правило, 14–16 мотоманевренных групп (СБО), 15-20 вертолетов и бронетехника.

Тогда же при Керкинском погранотряде была сформирована еще одна десантно-штурмовая мангруппа.

Были некоторые успехи и у наших разведчиков, особенно Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов: их

оперативными усилиями было вызвано несколько боевых столкновений («разборок») между отдельными группами мятежников в северных провинциях. Напряженные, часто конфликтные отношения складывались между группировками мятежников и в провинциях Фарьяб, Тахар и Балх против участка Московского погранотряда. Но нашим службам не всегда удавалось использовать этот фактор в своих интересах.

Первая половина сентября в ДРА была относительно спокойной. Части 40-й армии и НВС ДРА проводили операции в ряде приграничных провинций (Кандагар, Фарах, Заболь, Герат и др). Активность мятежников проявлялась в основном на коммуникациях и в некоторых городах. В середине сентября Б. Кармаль (в числе сопровождающих был и наш посол) посетил Мазари-Шариф. В выступлениях перед общественностью этой провинции, военнослужащими 18-й пехотной дивизии он основное внимание уделял национальному вопросу, равноправию наций и народностей, более тесной связи НДПА с народом. К сожалению, эти благие пожелания и призывы в разноплеменном Мазари-Шарифе не закреплялись действенным механизмом их реализации.

Наши пограничные подразделения в этом периоде продолжали операции по очистке от мелких групп мятежников так называемой «зеленой зоны» (против участков Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов), а также в окрестностях Тулукана (против участка Пянджского погранотряда). Проводились и другие частные операции с применением ракетно-бомбовых ударов по разведанным целям. При этом было ликвидировано несколько боевых групп мятежников, изъято более десятка автомобилей, выявлено и разрушено несколько их баз и схронов. Потерь у нас не было.

Кстати, во время операции в «зеленке» новый председатель КГБ В. В. Федорчук по-своему, но тоже принял уча-

стие в афганских делах: он высказал мне неудовольствие и замечание (Матросов был в отъезде) тем, что ему лично не доложили о задержании в эти дни на участке Тахта-Базарского погранотряда трех вооруженных афганцев (один из них был убит при задержании). Его не удовлетворило ни объяснение о связи этого инцидента с проводимой операцией в сопредельном прикордоне (мятежники, видимо, пытались укрыться на нашей территории), о чем мы докладываем сводкой, ни то, что об этом инциденте знает его первый заместитель В. М. Чебриков.

В отличие от Андропова, Федорчук афганскими делами нашего ГУПВ интересовался по принципу: «Обо всем докладывать лично и немедленно». Привыкшие к системе докладов, установленной Ю. В. (лично — только о чем-либо необычном, нештатном, остальное — в сводке), мы сразу же почувствовали этот жесткий, но малопродуктивный прессинг. И нам в штабе, ответственным за состояние информации, первым пришлось на себе познать плоды такого «внимания». К счастью, Федорчука вскоре сменил В. М. Чебриков, сподвижник Андропова, человек с большим фронтовым опытом, спокойный и внимательный.

В сентябре завершилось «путешествие» в Афганистан трех подростков, нелегально ушедших туда год назад на участке Пянджского погранотряда. В августе один из них явился в наше консульство в Пакистане и был возвращен домой, а два других пытались вернуться домой нелегально (тоже на участке Пянджского погранотряда). Из показаний задержанных было установлено, что они подвергались активной идеологической обработке в бандформированиях на территории ДРА и в одном из исламских центров боевиков в Пакистане.

В октябре состоялась поездка Б. Кармаля в Герат (как и Мазари-Шариф, пограничный с нами). И здесь его контакты, выступления перед представителями местных властей, общественности, духовенства и военнослужащих ка-

сались тех проблем, где ошибки политического и военного руководства ДРА (да и наших советников) ощущались довольно остро. Имелось в виду не только слабое, малоэффективное использование острых (по сути, непримиримых) противоречий между группировками мятежников различной ориентации (их конфликты и даже боестолкновения между собой продолжались), но и неумелое решение пуштунской проблемы — деликатной и болезненной для Кабула.

Однако главное внимание руководства ДРА по-прежнему уделялось армии. Несмотря на сложности с призывом, росла ее численность. Укомплектованность соединений и частей личным составом и боевой техникой составляла 70% к штатной — довольно сносная в той ситуации. Некоторые соединения, части в операциях и боевых действиях против мятежников проявляли стойкость и неплохую выучку (например, операция в районах, примыкающих к Кабулу, в октябре и др.)

И все-таки общая боеспособность армии оставалась низкой. В ней по прежнему сохранялась отчужденность между халькистами и парчамистами, имели место случаи отказа отдельных подразделений от ведения боевых действий против мятежников. И даже рост рядов членов НДПА не оказывал влияния на моральное состояние военнослужащих. Многие части и подразделения были слабо подготовлены к боевым действиям. Так, в конце сентября в приграничной провинции Кунар транспортная колонна 9-й горно-пехотной дивизии была атакована мятежниками и подверглась разгрому. При этом ими было уничтожено и захвачено 60 автомобилей и 11 бронетранспортеров. Словом, были все основания полагать, что намерения наших военных руководителей в ДРА о подготовке афганской армии к осени 1982 г. такой, чтобы она взяла на себя основные задачи по стабилизации обстановки в стране, не удавались. Армия, как и три года назад, не являлась

решающей силой в борьбе с мятежниками и вряд ли могла ею стать. Вторая половина октября была характерна активностью мятежников на коммуникациях Хайратон—Кабул, Кабул—Джелалабад, Герат—Кандагар.

Переброска на юг и юго-восток (граница с Пакистаном) 6-й погранбригады из Мазари-Шарифа и пограничных подразделений ДРА с советско-афганской границы серьезно ослабило и без того символическое присутствие здесь афганских пограничников (на 2000 километров оставались четыре погранкомендатуры (по два-три поста каждая) и две погранроты (общей численностью около 450 человек). Естественно, такое положение не улучшало обстановку на северной границе и в приграничье ДРА. Мятежники в этих районах в ряде случаев переходили от одиночных терактов и нападений мелкими группами к более масштабным действиям. Так, в конце октября крупная бандгруппа совершила налет на ротный пост (от 17-й пехотной дивизии) в районе Сабзак (провинция Герат). Пост был разгромлен, а к мятежникам попало практически все оружие и имущество роты, а также один танк. В эти же дни нападению душманов подверглась колонна «Афсотр», идущая из Хайратона в Мазари-Шариф. Нападавшим удалось захватить 5 автомобилей с грузом.

Опасным становилось и движение на отдельных участках советско-афганской границы. В середине октября в районе стыка Пянджского и Московского погранотрядов душманы обстреляли гражданскую автомашину, следовавшую на нашей территории по местной дороге вблизи границы. Было ранено несколько человек. Этот эпизод вызвал острую реакцию у местных властей Таджикистана и руководителей КГБ. Озабоченность вызывалась и тем, что с участков этих погранотрядов (включая и Хорогский) поступали сведения о многочисленных попытках нарушения границы афганцами с контрабандными и другими целями.

Надо было срочно принимать меры к укреплению охраны этого участка границы, и к концу октября штабом совместно с другими управлениями ГУПВ были подготовлены предложения, а затем и директива для Среднеазиатского погранокруга, предусматривавшие штатное усиление (личным составом и техникой) ряда погранзастав 66-го и 117-го погранотрядов, а также дополнительное развертывание здесь нескольких погранзастав.

Учитывая наибольшее сосредоточение групп мятежников в западном Припамирье (против участков Пянджского, Московского и Хорогского погранотрядов) было принято решение до наступления зимы провести здесь несколько частных операций. Готовились они оперативной группой САПО. Намечаемые оперативно-боевые действия проходили в исключительно сложных горных условиях и, как потом оказалось, были недостаточно подготовлены и обеспечены, включая и некоторые вопросы управления. Неприятности начались с ЧП в минометной батарее, которая в районе Новобада (против участка Пянджского погранотряда) вела огонь по району предполагаемого расположения душманов. Одна из мин (как будет установлено, из-за технической неисправности) взорвалась над позицией батареи. Погибли два пограничника и более десяти человек получили ранения различной тяжести.

Не дали заметных результатов и действия наших пограничных подразделений по очистке отдельных горных районов от банд мятежников против участков Пянджского, Московского и Хорогского погранотрядов (в Джавайском ущелье, районе Раздара и др.) Наши же потери при этом были весьма ощутимы: восемь пограничников было убито и около 20 ранено. Здесь, как и ранее, повторились старые ошибки: намерение решать оперативно-боевые задачи в горах наспех, ограниченными, недостаточно подготовленными силами. К тому же в одном из этих районов (южнее Калай-Хумба) разбился при посадке вертолет,

погиб экипаж (три человека). Неудачно действовала и одна из наших мангрупп в районе Янги-Кала (против участка Керкинского погранотряда): подразделения действовали в основном в походных порядках, скученно, и разрывом душманской мины было ранено восемь пограничников. Эти тревожные факты вызвали необходимость тщательного разбирательства и откровенного обсуждения их причин с участием начальника погранвойск генерала В. А. Матросова. И эти причины, что называется, были на виду: слабая подготовка подразделений (индивидуальная и по боевому слаживанию), неполадки в боевом и материально-техническом обеспечении, серьезные ошибки в управлении (в принятии решений, организации взаимодействия, применении огневых средств, обеспечении скрытности, внезапности действий и др.).

Среднеазиатский погранокруг при участии офицеров ГУПВ, штаба, естественно, мог в короткие сроки устранить перечисленные недостатки. Для этого надо было обеспечить их регулярную работу в подразделениях. Но такое практически исключалось по причине якобы секретности их действий в ДРА и ограничения доступа к ним офицеров ГУПВ, что, конечно же, ограничивало контроль и вспомогательные функции со стороны офицеров Центра в этих подразделениях.

Указаниями руководства КГБ действия пограничных подразделений в Афганистане не должны были афишироваться, и они находились там под видом наших армейских подразделений. В. А. Матросов объяснял это (он был активным сторонником такой закрытости) особой ролью пограничников в системе безопасности страны и межгосударственных отношений: их появление на территории чужого государства якобы означало игнорирование нами известных международно-правовых принципов территориальной целостности государства, нерушимости и неприкосновенности его границ и пр.

Многим из нас уже тогда эти аргументы представлялись малоубедительными. И не только потому, что скрыть ведомственную принадлежность 3-тыс. группировки у себя в стране и за рубежом было практически невозможно. А вот проблем для командиров, имея в виду контакты с местными властями ДРА, нашими СМИ и особенно при общении с родственниками раненых и погибших пограничников это создавало много. Но даже в таких условиях (приказ есть приказ) штаб, оперативная группа, другие органы управления ГУПВ могли все-таки, на мой взгляд, оказать положительное влияние на состояние и действия этих подразделений. Были тут и наши — штабные просчеты. Создание малочисленных оперативных групп (в Центре и округах), к тому же не обладающих достаточными распорядительными функциями, кроме оперативных, порождало иллюзию удачного решения проблем управления нашими подразделениями в ДРА. И мы, часто загруженные текущими проблемами границы (это ведь было начало 80-х годов — что называется, пик «холодной войны»), обращались обычно к афганским делам тогда, когда в наших подразделениях случались какие-то проблемы. Но как бы там ни было, а сложившаяся система управления оставалась практически неизменной до завершения афганской кампании и в целом смогла выполнить свою задачу благодаря нелегкой, а порой и опасной работе офицеров оперативных групп — Центра, пограничных округов (САПО и ВПО) и погранотрядов.

В осенне-зимнем периоде 1982 г. власти Кабула пытались закрепить свое влияние политическими, экономическими и военными мерами в ряде провинций, главным образом в центральных и юго-восточных (там проводились и наиболее крупные войсковые операции). Предпринимались попытки оживления экономики страны и в некоторых отраслях это удавалось (добыча газового конденсата, производство строительных материалов и др.).

Однако в целом экономика ДРА (особенно в сельском хозяйстве) по-прежнему переживала тяжелый кризис, что, естественно, снижало и без того низкий жизненный уровень населения. Это приводило к утрате опоры властями на население, особенно молодежь, студенчество, интеллигенцию. Между тем, мятежники все более масштабно и целенаправленно (с помощью западных центров психологической войны, членов зарубежных НТС, ОУН и даже некоторых бывших советских диссидентов) проводили активные пропагандистские акции не только среди местного населения и армии ДРА, но и пытались это делать среди советских военнослужащих. При этом активно применялись дезинформация (к примеру, обвинение советских войск в обстреле населенных пунктов, применении химического оружия и т. п.) и так называемые «показания» и «раскаяния» отдельных военнослужащих, попавших в плен к мятежникам (в наших пограничных подразделениях таких случаев за всю афганскую кампанию не было). Используя самые современные технические средства (радиопередатчики, подвижные радиостанции и др.), они вели передачи не только на пушту и дари, но и на русском, украинском языках и языках народов Средней Азии.

Не могла не настораживать и информация нашей разведки о расширении масштабов подготовки мятежников в Пакистане и Иране. В ноябре несколько групп общей численностью около 250 человек, имевших на вооружении минометы, ДШК и ПЗРК «Стрела», прибыли из Пакистана в приграничные районы ДРА против участков, охраняемых нашими погранотрядами (Московский, Пянджский и др.). В первой декаде ноября завершилась операция наших подразделений с участием афганских пограничников и батальона царандоя северо-западнее Герата (район стыка трех государств). Здесь не было крупных боевых столкновений — мятежники рассеивались, укрываясь в труднодоступных местах. Обстановка на какое-то время в этом

районе стабилизировалась, были восстановлены местные органы власти. Сложной оставалась обстановка в западном Припамирье (против участков Пянджского и Московского погранотрядов).

В первой декаде ноября большая группа мятежников совершила нападение на один из афганских кишлаков против участка Пянджского погранотряда, где размещались афганские ополченцы. Прибывшее на подмогу ополченцам подразделение десантно-штурмовой группы во главе с начальником ДШМГ майором Н. Н. Юдиным рассеяло мятежников, нанеся им потери, но при этом погиб майор Юдин. В эти же дни подверглась нападению мятежников мотомангруппа этого отряда, совершавшая марш по маршруту Шерхан—Кундуз—Ханабад—Талукан. Нападение было отбито, но при этом погибло три пограничника.

На Малом афганском Памире в зоне Гульхана, несмотря на выпадение снега, мятежники неоднократно пытались проникнуть из Пакистана в ДРА через перевал Бандар и некоторые другие доступные перевалы, но попадали в засады наших подразделений, несли потери и их остатки уходили обратно.

Во второй половине ноября успешно завершилась очередная операция наших подразделений в Джавайском ущелье (тоже в Припамирье) с большими потерями у мятежников. В верховьях Джавая были созданы местные органы власти и группы ополченцев, временно оставлены наши небольшие гарнизоны.

Надо заметить, что Джавайское, Куфабское и Рагское ущелья в афганском приграничье образуют особую зону — труднодоступную, с сотнями мелких кишлаков, связанных между собой в основном вьючными и пешеходными тропами. Выходы в долину Пянджа (пограничную) и на подступы к Файзабаду — центру Бадахшанской провинции ДРА означали важную оперативную значимость этой

зоны. Все это вынуждало наше командование активно вести здесь оперативно-боевые действия, несмотря на исключительно сложные условия. Одновременно усиливалась охрана границы на смежных флангах Московского и Хорогского погранотрядов — увеличивалась штатная численность ряда застав личным составом, бронетехникой, другими техническими средствами. Там же дополнительно развертывались три пограничные заставы.

Кстати, в эти же дни в тылу одного из участков 117-го погранотряда были обнаружены две группы (по четыре-пять человек) вооруженных афганцев. При их задержании они оказали сопротивление, при этом трое нарушителей был убиты, остальные задержаны. Этот эпизод подтвердил верность решения по укреплению пограничных подразделений на данном участке. Но это задержание на нашей территории вооруженных афганцев вызвало тревогу не только у местных властей. Последовал звонок Андропова (уже из ЦК) Федорчуку с выражением своей озабоченности. А тот, с добавлением комментариев рассказал о звонке Матросову. Безусловно, это ускорило наши меры по усилению охраны государственной границы на этом направлении и укреплению некоторых гарнизонов в приграничье ДРА за счет переброски с Дальнего Востока дополнительных подразделений (мотомангруппы, минометной батареи и др.).

Словом, надежд на стабилизацию обстановки здесь, на севере ДРА собственными афганскими силами становилось все меньше. Правда, в середине декабря Совет обороны ДРА утвердил план основных мероприятий по усилению охраны госграницы и дополнительному строительству пограничных войск ДРА (готовился нашими представителями в Кабуле). Но мы уже не строили иллюзий на этот счет, зная цену предыдущим проектам и планам.

Эти и многие другие проблемы охраны и защиты границы Афганистана были в те дни предметом наших об-

суждений в штабе погранвойск с генерал-майором Б. М. Голубевым, который назначался советником по погранвойскам ДРА, заместителем главного военного советника и одновременно — представителя КГБ в ДРА вместо убывающего генерала Н. И. Макарова. Борис Михайлович был опытным профессионалом, прошедшим большой путь в погранвойсках. У него, как и у многих наших генералов и офицеров, незнакомых со спецификой решения в Кабуле пограничных проблем, возникали вопросы: почему количественное и качественное состояние погранвойск ДРА (находящихся в Минобороне) значительно ниже, нежели в самых «заштатных» афганских армейских частях — и это при возрастающем значении защиты границ ДРА? Однозначно на него было ответить сложно, и мы рекомендовали ему на месте вникнуть в эту проблему и больше проявлять самостоятельности в решении пограничных вопросов.

Важным фактором, по-прежнему оказывавшим решающее влияние на ситуацию в Афганистане, было отношение племен к властям Кабула. Руководство ДРА, безусловно, понимало это и прилагало немало усилий, если не для привлечения племен на свою сторону, то хотя бы для их нейтрализации. В конце ноября состоялась встреча Б. Кармаля со старейшинами и духовными авторитетами хазарейцев. Хазарейцы, несмотря на свою многочисленность, как и другие нацменьшинства в Афганистане, давно потеряли надежду на равноправие, на внимательное отношение к ним Кабула, и Б. Кармаль пытался убедить их в обратном, рассчитывая на реальную поддержку.

Забегая вперед, надо сказать, что иранские и китайские спецслужбы действовали более эффективно (китайцы — по этнической линии, а иранцы — религиозной), и хазарейцы так и не стали союзниками кабульского режима. Тем не менее кое-что сделать удавалось. К исходу 1982 г. в некоторых приграничных провинциях (Кунар, Нангар-

хар, Пактия и др.) племена выставили в помощь властям более десяти вооруженных отрядов численностью около 2 тыс. человек для участия в охране границы, административных и других объектов. Но это были, как правило, недолговременные кампании: невыполнение властями своих обещаний по кадровым, финансовым, материально-техническим вопросам и др. часто приводили к разрыву договоренностей.

Мятежники, напротив, усиливали меры по объединению вооруженных формирований различной политической ориентации. В декабре к нам поступила информация о проведенных совещаниях главарей бандформирований, относящихся к исламским партиям ИПА, ИОА, ИДА, НИФА и др. (в районах Шибиргана, Имамсахиба, Кайсара, Талукана), в ходе которых якобы была достигнута договоренность о создании нескольких объединенных «полков» и «объединенного командования». Тогда же стало известно о прибытии из Ирана в один из районов провинции Герат с большим караваном оружия и боеприпасов известного главаря мятежников Исмаил Хана, этнического таджика (кстати, потом он будет воевать с талибами, станет губернатором Герата и вновь будет воевать уже с проамериканскими властями Кабула).

Понемногу, но возрастала результативность работы командиров и разведаппаратов отрядов и оперативных групп среди враждовавших между собой формирований мятежников. В декабре оперативными мерами удалось инициировать столкновение двух отрядов — пуштунского и узбекского — с крупным формированием известного главаря М. Гапура (активно действовавшего против участков Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов), в ходе которого формирование Гапура понесло тяжелые потери и вынуждено было уйти из «зеленой зоны». Такие же удачные операции были проведены командованием и разведаппаратами Пянджского погранотряда по ликви-

дации крупного формирования мятежников, а также прибывшей в конце декабря из Пакистана банды, численностью свыше 50 человек. Уже говорилось, что логика оперативно-боевых действий с душманами, применявшими партизанскую тактику, подсказывала нецелесообразность дислокации наших подразделений мелкими гарнизонами. Но многие обстоятельства вынуждали это делать: в декабре 1982 г. они располагались в северных провинциях ДРА более чем в 30 пунктах. Это затрудняло массированное применение сил и средств в нужном районе, но иного выхода не было.

В первой половине декабря завершилась операция в окрестностях Мазари-Шарифа и в районе Балха («зеленая зона»). В операции участвовали две мотомангруппы и десантно-штурмовая группа Термезского и Керкинского погранотрядов, эскадрилья вертолетов, а также несколько афганских армейских и пограничных подразделений, сотрудников СГИ и царандоя. Формирования мятежников уклонялись от боевых столкновений, рассеивались на мелкие группы и уходили в горы. Тем не менее, намеченные районы были очищены, а базы и места укрытия мятежников уничтожены. В эти же дни проводились оперативно-боевые действия мотомангрупп Пянджского погранотряда (по полученной информации) в пригородах Талукана. Действия эти в целом были успешными: ликвидирована большая группа мятежников, в том числе два главаря.

Сложнее (и уже в который раз!) проходила операция в зоне Куфабского ущелья. В операции участвовало несколько маневренных групп Среднеазиатского и Восточного пограничных округов. На первом этапе операции (ее замысел был утвержден в Центре) наносились воздушные удары по выявленным районам расположения мятежников самолетами «СУ-17» Туркво (по заявке оперативной группы САПО) и пограничными вертолетами. Но мятеж-

ники укрывались в глубоких каньонах и пещерах, и не все удары достигали цели. Так что с началом действий подразделения встретили сильное сопротивление душманов. С ухудшением погоды в горах и невозможностью применения авиации ситуация для наших подразделений в Куфабе обострилась. Заканчивались боеприпасы и продовольствие, и по предложению руководителя операции полковника А. Ф. Борисова было решено отвести две десантно-штурмовые группы на базу. При отходе этих подразделений на одном из перевалов подорвались на мине и погибли шесть пограничников. Из Центра (ситуация анализировалась в Оперативной группе и докладывалась В. А. Матросову) было приказано: подразделениям, прибывшим на базу, дать отдых, пополнить боекомплект и после новых ударов авиации по вновь выявленным объектам мятежников продолжить операцию.

Однако с началом второго этапа боевых действий случилась новая беда: при обстреле минометной батареей (120-мм минометов) позиций мятежников одна из мин взорвалась в расположении нашего подразделения. Опять появились убитые и раненые. Теперь уже потребовалось непосредственное вмешательство Центра, в САПО убыл с группой офицеров Главка генерал И. П. Вертелко. Вскоре в Куфабе была произведена некоторая перегруппировка, усилены подразделения, размещенные в тактически важных районах Куфаба. От продолжения операции, учитывая все обстоятельства происшедшего, пока было решено воздержаться.

«Разбор полетов», проведенный генералом В. А. Матросовым по докладам возвратившихся из САПО офицеров ГУПВ, был довольно острым: оперативно-боевые возможности наших подразделений в приграничных районах ДРА по ряду причин использовались слабо. Участвуя в основном в плановых операциях (утвержденных Центром), некоторые подразделения (и полевые оперативные

группы) мало проводили самостоятельные оперативно-боевые действия (даже при наличии у них разведданных) и, по сути, не полностью контролировали свои зоны ответственности. Были проблемы с оперативным и боевым обеспечением. Так, при дислокации в афганских приграничных провинциях многочисленных органов разведки и безопасности — наших и афганских (включая оперативные подразделения «Каскад», «Кобальт» и пр.) — пока не удавалось наладить тесное взаимодействие между ними, а главное, оперативный обмен информацией (ведомственная разобщенность сказывалась и тут). Увлеченность минированием, подчас неоправданное, и особенно при оборудовании рубежей и позиций охраны мест дислокации, приводила иногда к небоевым потерям среди мирного населения и своих военнослужащих. Допускались перебои в обеспечении подразделений продуктами питания, другими видами довольствия, особенно при проведении операции в горных условиях. Были и другие недочеты. И ошибочным было бы в этих недостатках винить лишь командиров подразделений, начальников оперативных групп — многое упиралось, как уже говорилось, в методы влияния на афганские дела представителей ГУПВ и округа. А оно, это влияние, в силу секретности действий и ограничения доступа в подразделения было очень слабым. И это при том, что вся ответственность за состояние и оперативно-боевую деятельность подразделений формально возлагалась на начальника оперативной группы округа (в ранге заместителя начальника войск округа) и начальников полевых оперативных групп (в ранге заместителя начальника погранотряда).

Все это требовало внимательного анализа ситуации и внесения необходимых корректив. Учитывая реальные условия, было, наконец, признано, что руководство оперативно-боевыми действиями наших подразделений в ДРА является одной из главных задач командования ок-

ругов (САПО и ВПО) и погранотрядов. Генерал Матросов одобрил также предложения, касающиеся более активной работы представителей ГУПВ и округов в подразделениях на территории ДРА. Он поручил штабу совместно с оперативной группой разработать план-график проведения сборовой подготовки со всеми категориями офицеров мотомангрупп, оперативных групп, а также тактических учений и проверок. Вскоре эти оценки и указания начальника погранвойск были оформлены специальной директивой для частей и соединений САПО и ВПО.

Такие подробности могут показаться излишними, но в районах боевых действий и вооруженных конфликтов главными были и остаются для командования проблемы — как обеспечить в подразделениях и частях, действующих в этих районах, во-первых, бесперебойное, полное снабжение всем необходимым, и, во-вторых — должный порядок и организованность, подготовку личного состава и офицеров в интересах повседневной боевой готовности и собственной безопасность, исключение любых неоправданных потерь среди личного состава?

Надо заметить, что командованию погранотрядов, чьи подразделения действовали в сопредельном приграничье ДРА, и командованию обоих пограничных округов (САПО и ВПО) все-таки удавалось в целом успешно решать подобные проблемы. Думается, что афганский опыт в этом будет и сегодня полезен.

При оценке ситуации на границах ДРА и общих итогов действий наших подразделений в 1982 г., командование погранвойск КГБ, как и представители Минобороны в Кабуле, считало, что обстановка там стабилизируется. Однако силовые афганские структуры (армия, царандой, СГИ), несмотря на их количественный рост, тем не менее, пока еще не могли самостоятельно контролировать обстановку. Тем более — погранслужба ДРА, наименее укомп-

лектованная и обеспеченная явно не имела возможности самостоятельно охранять свои границы.

1983 г. рассматривался как следующий, более эффективный этап в оказании помощи Афганистану (таково было требование советского руководства).

Для группировки наших пограничных подразделений в ДРА в качестве одной из главных задач определялось оказание помощи местным афганским властям в их закреплении в уездах и кишлаках, освобождаемых от мятежников.

Предусматривалось активизировать оперативно-боевые действия, в том числе и в зимнее время. С учетом этого не исключалось и некоторое дополнительное усиление нашей группировки в приграничных провинциях ДРА за счет западных и восточных погранокругов. Эти основные соображения и были положены в основу нашей части плана на будущий 1983 г., разрабатываемого в Генштабе.

ГЛАВА 4
Разные дни афганского приграничья. Новые попытки укрепить границы ДРА

Для обычной армии не победить — значит потерпеть поражение.
Для партизанской армии не потерпеть поражение — значить победить

Г. Киссинджер

Трагедия в Мазари-Шарифе. Расширение масштабов иностранного вмешательства в конфликт. Действия пограничных подразделений в северных провинциях ДРА. Операции в районах Мармоля и Куфаба. Причины повторных операций в ряде районов. Активные действия пограничных подразделений ВПО на Малом афганском Памире. Новые инициативы руководства ДРА и КГБ СССР по укреплению границ Афганистана. Противоречивые итоги года.

1983 г. начался с ЧП в Мазари-Шарифе (центр пограничной с нами провинции Балх, против участка Термезского погранотряда). 2 января в этом городе работавшие на хлебокомбинате советские специалисты в полдень возвращались в свой городок (на восточной окраине города) на двух автобусах и двух легковых автомобилях. Только по прибытии в городок обнаружилось отсутствие второго автобуса с 16 специалистами.

Как потом было установлено, в пути этот автобус обстреляла и захватила группа вооруженных людей и увезла их из города в южном направлении (автобус потом нашли пустым). Охраны у специалистов не было, а имевши-

еся у них три пистолета, они отдали бандитам, не воспользовавшись оружием.

В ходе поиска, предпринятого к исходу дня (такая вот оперативность была!) силами подразделений 18-й пехотной дивизии, царандоем, двумя нашими мангруппами, батальоном мотострелкового полка и вертолетами на вторые сутки был обнаружен труп одного из специалистов и следы группы людей, ведущие в юго-восточном направлении (во время нападения на автобус этот специалист был ранен, ослаб от потери крови и был в пути убит бандитами).

Было ясно, что бандиты с заложниками ушли в направлении труднодоступных горных массивов южнее Мазари-Шарифа. Несмотря на наличие в этой провинции значительных сил и средств (афганских и наших) поиск начался с опозданием и ограниченными силами. Упреждающие действия (десантирование) на вероятных маршрутах движения банды осуществлены не были. Вертолеты для ведения активной воздушной разведки использовались слабо. К руководителю поиска (старший военный советник в этой зоне) поступало довольно много противоречивой информации о вероятном нахождении заложников и это затрудняло принятие оптимального решения. К тому же наша мангруппа и армейские подразделения в районе «Скалистых пещер» (в 30–40 км южнее Мазари-Шарифа) встретили упорное сопротивление мятежников, и это сковывало поисковые действия. Попытки завязать переговоры с главарями известных бандформирований тоже не давали результатов. Лишь к исходу второй недели по указаниям из Кабула маршала С. Л. Соколова и прибывшего в Мазари-Шариф ГВС генерала М. И. Сорокина зона поиска была расширена к югу и создано несколько аэромобильных групп на вертолетах. К двум нашим мангруппам присоединилась десантно-штурмовая группа Керкинского погранотряда. Всем этим силам предстояло

продолжать поиск в труднодоступных горных районах с глубокими каньонами, при полном отсутствии дорог.

Вторая половина января прошла в безуспешных попытках найти похищенных людей, и лишь в начале февраля один из заслонов (застава нашей ДШМГ, подразделение царандоя и группа сотрудников СГИ) получил информацию о нахождении наших специалистов под охраной крупной банды в одном из отдаленных горных кишлаков в 150 км южнее Мазари-Шарифа.

В тот же день в этот кишлак был направлен десант на вертолетах (около 150 человек) во главе с подполковником В. Н. Вахреневым (пограничный советник в 18-й пехотной дивизии). Высадка десанта на окраинах кишлака проходила в сложных условиях, под сильным огнем душманов. Девяти специалистам удалось вырваться из плена, а остальных шестерых бандиты удерживали в одной из кибиток. Все попытки вызволить их путем завязывания переговоров с душманами не удались и осталось одно — штурмовать кибитки. В итоге кишлак очистили, но спасти этих специалистов не удалось, они были убиты душманами.

Так закончилась эта трагедия, которой можно было бы, видимо, избежать при надлежащем обеспечении безопасности наших специалистов (на чем, кстати, неоднократно настаивал перед Москвой наш посол в Кабуле) и более активном поиске похищенных людей, особенно на начальном этапе. Однако эти просчеты не умаляют мужества и самоотверженности наших и афганских воинов, участвовавших в их освобождении. Кстати, один из активных участников тех действий Василий Николаевич Вахренев станет потом генералом, начальником штаба пограничного округа и вновь окажется в Афганистане (спустя 20 лет) — уже в качестве представителя Погранвойск России.

ЧП в Мазари-Шарифе подтверждало наши прогнозы, что активность мятежников будет нарастать, в том

числе и в приграничных с нами провинциях ДРА. Все более заметную роль в этом стал играть внешний фактор, международный.

Зимой этого года появилась было надежда на миссию в Карачи и Кабуле личного представителя Генерального секретаря ООН Кордовеса. Его встречи с руководителями Пакистана и Афганистана показывали, что стороны могут достичь мирного соглашения лишь при некоторых обоюдных компромиссах, особенно по проблеме афганских беженцев (к которым пакистанцы относили и моджахедов, воюющих в ДРА). Более жесткую позицию занимали иранские духовные лидеры во главе с Хомейни, требуя немедленного вывода советских войск из ДРА без каких бы то ни было условий.

А главное, наращивалась пропагандистская кампания в поддержку афганских мятежников в США и других странах Запада. К ней подключился даже папа римский, принявший представителей мятежников в Ватикане с обещаниями всяческой поддержки. Эти пропагандистские меры подкреплялись серьезной материальной подпиткой вооруженной оппозиции. Так, по оценкам наших специалистов, в то время мятежники на территории ДРА — свыше 40 тыс. человек (в СГИ и царандое ДРА считали эту группировку в 2–3 раза большей) в истекшем, 1982 г. получили около 400 минометов, много противотанковых средств, около 30 артиллерийских систем и большое количество боеприпасов.

Практически все крупные формирования мятежников имели на вооружении средства ПВО (в основном ДШК и ЗПУ). Зарубежным центрам пока не удавалось объединить эти формирования, по-прежнему враждовавших между собой, и это был серьезный фактор, сдерживавший их активность в стратегическом плане. По крайней мере, им пока не удавалось проводить крупные операции, ограничиваясь акциями террора, диверсий, нале-

тами и засадами небольших групп. В этот период наиболее тревожные сигналы поступали из Кабула. Там значительно активизировались действия боевиков-террористов: в городе и на его окраинах участились взрывы — на объектах энергообеспечения и в жилых кварталах, возросло количество обстрелов и терактов. Службы безопасности отмечали увеличение численности подпольных групп с участием молодежи, интеллигенции и госслужащих. Они активно внедрялись в армию, царандой и даже в СГИ, и это иногда приводило к ощутимым потерям среди правительственных сил ДРА. Так, в январе 1983 г. завербованная ими группа в одной из частей 25-й пехотной дивизии (пограничная провинция Пактия) расстреляла офицеров, взорвала склад с оружием и боеприпасами и ушла в горы. Наиболее сложной обстановка оставалась в приграничных провинциях и непосредственно на границе ДРА.

Несколько крупных формирований мятежников в марте пытались с боем прорваться из Ирана, но были отбиты с потерями для них. Этот успех, кстати, был высоко оценен руководством ДРА.

В Кабуле тогда большие надежды возлагали на джиргу с участием бывших главарей бандформирований, перешедших на сторону власти (около 200 человек). Ее работа и принятое обращение к соотечественникам широко освещалось печатью и ТВ ДРА.

Одновременно предпринимались меры по увеличению афганской армии до 200 тыс. человек (имелось свыше 140 тыс.) и царандоя. Но, как и ранее, рост численности не гарантировал укрепление боеспособности этих структур. Предполагалось, что с доведением численности царандоя до 100 тыс. человек (имелось около 70 тыс.) он может стать основной силой в борьбе с мятежниками. Однако морально-деловые качества сотрудников этой структуры вызывали большие сомнения.

В северных, пограничных с нами провинциях, к примеру, в подразделениях царандоя многие военнослужащие поддерживали родственные и другие связи с мятежниками, в них широкое распространение имело дезертирство. Только из одного батальоне царандоя, расположенном в Калай-Нау (против участка Тахта-Базарского погранотряда), в 1982 г. дезертировало более 100 военнослужащих, из них половина — с оружием.

По-прежнему отрицательное влияние на состояние силовых структур ДРА оказывали групповщина и распри в НДПА между парчамистами и халькистами, порой переходившие в острые формы борьбы (взаимные обвинения в предательстве, аресты и пр.). Не лучшим образом решались и проблемы укрепления афганской погранохраны. Ее общая численность немного возросла, но составляла всего 12,5 тыс. военнослужащих (при штате 26,6 тыс. человек).

Кроме имевшихся шести пограничных бригад (шестая бригада была в стадии формирования), одного полка, шести погранкомендатур и нескольких КПП, предусматривалось дополнительное развертывание двух погранбригад, введение в штаты некоторых бригад артдивизионов, усиление органов разведки, а также расширение подготовки офицеров — пограничников в академии Пахантун и учебном центре «Фрунзе».

Пока же пограничные части ДРА имели самую низкую (в сравнении с армией и царандоем) укомплектованность по личному составу и по автобронетехнике, и поэтому охрану границы осуществляли лишь по отдельным направлениям и участкам.

Были попытки компенсировать эту беспомощность привлечением к охране границ вооруженных отрядов племен. В феврале в Кабуле вышло постановление Президиума Ревсовета ДРА «О создании добровольческих частей племен ДРА и их обязанностях». Создание этих вооружен-

ных отрядов предусматривалось в пограничных с Пакистаном и Ираном провинциях ДРА по месту дислокации самих племен. Идея и ее решение, казались, хорошими, но их реализация вызывала сомнения: летом 1982 г. подобное решение уже принималось (о создании отрядов «малишей»), но дело ограничилось формированием лишь нескольких отрядов, которые, конечно же, заметного влияния на охрану и защиту границы ДРА не оказали. В марте, например, было зафиксировано более 60 случаев перехода границы мятежными формированиями и группами. Противостоять этому, естественно, могли только боеспособные пограничные части.

В северных провинциях, где размещались наши пограничные подразделения, в январе—феврале 1983 г. каких-либо крупных событий, кроме известной операции по освобождению наших специалистов в районе Мазари-Шарифа, не происходило. Велись отдельные поиски по разведданным и рейдовые действия, в основном против участков Тахта-Базарского, Керкинского и Термезского погранотрядов. К началу 83-го года состав нашей группировки здесь оставался прежним: 20 маневренных групп (общей численностью около 5 тыс. человек), имеющих на вооружении 300 единиц бронетехники, 150 минометов и другие средства. Их постоянно поддерживали 2–3 эскадрильи вертолетов (25–30 единиц).

Активные боевые действия наших подразделений в истекшем 1982 г. способствовали здесь укреплению местных органов власти в приграничных уездах и волостях. Однако считать обстановку в этих районах стабильной оснований не было. В феврале группа мятежников организовала ночью засаду, обстреляв наш погранналряд на участке 8-й погранзаставы Керкинскогого погранотряда. Один из пограничников был убит, а нападавшие скрылись. Застава действовала с некоторым опозданием, и перехватить бандитов не удалось. Поиск с привлечением резервов

уже на афганской территории (в направлении на Андхой) тоже результатов не дал. Но оперативные и войсковые действия продолжались, и лишь в марте удалось выйти на след банды и задержать большинство участников той засады. Тогда же на этом участке (в феврале) потерпел катастрофу наш вертолет «Ми-8т», экипаж погиб.

Частные оперативно-боевые действия в феврале проводились мангруппами также в Рустакской зоне (против участков Пянджского и Московского погранотрядов) и в районе Ислам-Кала (против участка Тахта-Базарского погранотряда). Ранее начатая операция южнее Мазари-Шарифа по ликвидации бандформирования, захватившего в январе наших специалистов, заметных результатов не давала: мятежники уклонялись от столкновений, скрывались в труднодоступных горных местах. В марте операция в этом районе возобновилась, но уже с привлечением более крупных сил: частей 18-й и 20-й пехотных дивизий ДРА, подразделений царандоя, нескольких батальонов нашей 40-й армии и мотомангрупп.

Действуя с нескольких направлений к району основной базы мятежников (к. Мармоль) с одновременным десантированием отдельных подразделений, войска наносили удары авиацией и артиллерией по выявленным объектам. Мятежники оказывали упорное сопротивление, закрепившись на горных перевалах и хребтах, укрываясь от огневых ударов в глубоких каньонах и пещерах. Операция была завершена в третьей декаде марта с занятием к. Мармоль. Ее итогом было очищение этого важного, труднодоступного базового района, откуда мятежники совершали вылазки к Мазари-Шарифу. К сожалению, главарям мятежников удалось скрыться, и в этом районе позднее пришлось снова повторять операцию.

Почти одновременно проводилась операция с привлечением наших мотомангрупп, подразделений 40-й армии и афганских частей в городе и окрестностях Ташкургана

(в 50 км восточнее Мазари-Шарифа), тоже плотно «освоенного» мятежниками. После блокирования основных выходов из города заслонами и переговоров со старейшинами (переговоры ничего не дали) проводилось последовательное прочесывание городских кварталов (в основном одноэтажные постройки с усадьбами). Попытки отдельных групп мятежников покинуть город пресекались заслонами. В ходе операции мятежники понесли серьезные потери, но часть из них скрылась в жилых кварталах и схронах. При слабой профессиональной подготовке частей и подразделений (особенно афганских) к подобным операциям в крупных населенных пунктах и проблемах организации эффективной разведки такие результаты были закономерны. В этой связи, думается, заслуживали внимания меры по созданию органами безопасности ДРА (СГИ) подпольных резидентур в районах, контролируемых мятежниками. К сожалению нашим спецслужбам с захватом в Чечне власти Дудаевым это не приходило в голову. Иначе войскам не пришлось бы там действовать почти вслепую, и не только в начале чеченской кампании.

К концу марта положение в Афганистане в очередной раз рассматривалось на комиссии в ЦК КПСС. Комиссия утвердила план мероприятий на лето 1983 г., разработанный политическими и военными представителями в Кабуле. План предусматривал организационное и идейное укрепление НДПА, ее структур в провинциях, а также увеличение афганской армии (до 200 тыс. человек) и царандоя (до 100 тыс. человек). Об усилении погранвойск ДРА в плане говорилось лишь в общих чертах.

К осени 1983 г. и началу 1984 г. предполагалось начать последовательный вывод наших частей из ДРА, а с этого времени —ограничить участие войск 40-й армии в боевых действиях, закрепляя их в основном в крупных гарнизонах. Завершался план мерами оказания ДРА нашей помо-

щи — безвозмездной и на льготных условиях — в целях развития экономического сотрудничества, расширения советнического аппарата и пр. Однако в этом плане, как и в предыдущих, не было радикальных мер по укреплению охраны и защиты границ ДРА, как того требовала реальная обстановка.

Предварительный план действий в ДРА в летний период 1983 г., утвержденный генералом В. А. Матросовым в апреле, предусматривал: участие наших подразделений в плановых операциях, утвержденных Генштабом, проведение частных операций и оперативно-боевых действий в своей зоне ответственности в целях установления полного контроля за обстановкой, оказание совместно с советническим аппаратом помощи руководству провинций в укреплении местных органов власти. Объективные условия для реализации этого замысла были, учитывая и ситуацию в приграничных провинциях ДРА, и наличие здесь советских и афганских сил. Конечно, многое зависело от способности этих сил эффективно решать оперативно-боевые задачи.

Внешне ситуация в ДРА складывалась, казалось бы, вполне благополучно. В апреле Б. Кармаль был тепло принят в Кремле с обещанием активной поддержки. В Кабуле с широким размахом прошли торжества по поводу 5-й годовщины Апрельской революции при участии более десятка иностранных делегаций. Новое соглашение, подписанное в Душанбе между представителями ДРА и среднеазиатских республик о расширении приграничной торговли, было весьма полезно для существования отдаленных, экономически отсталых афганских районов.

Медленно, но росла численность афганской армии. Ряд операций против мятежников, проведенных весной советскими и афганскими частями в приграничных провинциях Герат, Нимроз, Балх, Пактика были вполне успешными.

В провинциях Пактия, Пактика и Газни было достигнуто соглашение с одним из крупных пуштунских племен — ахмадзаев, изъявившим готовность своими отрядами прикрыть один из участков афгано-пакистанской границы и обеспечить безопасность дороги в г. Хост (часто контролируемой мятежниками). Согласились, разумеется, при условии их стабильного финансирования. В целом же, по оценкам из Кабула, в приграничных провинциях ДРА весной 1983 г. имелось несколько десятков вооруженных отрядов племен и пограничных «малишей», общей численностью около 7 тыс. человек, подчинявшихся военному или пограничному командованию. Однако каких-то серьезных успехов в действиях против мятежников эти отряды пока не имели. И все-таки, несмотря на предпринимаемые в Кабуле меры, серьезно изменить ситуацию в свою пользу властям ДРА не удавалось. Мятежники тоже, несмотря на формальное объединение (в «Исламский союз моджахедов Афганистана» — ИСМА и «Исламское единство моджахедов» — ИЕМА) не могли овладеть стратегической инициативой, хотя их активность к весне и несколько усилилась, особенно в зонах «Юг», «Восток» и «Юго-восток». Как и ранее, сложной была обстановка на границе и в приграничных провинциях.

В Иране, с укреплением режима Хомейни, нарастала волна террора (аресты и казни членов партии «Туде» и других прогрессивных организаций) и это резко увеличило поток беженцев из страны, в том числе в СССР, а на территорию ДРА возросла переброска мятежников. Надо заметить, что некоторые ошибочные (хотя и непреднамеренные) действия наших войск в ДРА вблизи иранской границы (особенно нашей авиации) использовались хомейнистами для нагнетания антисоветской истерии. В середине апреля крупное формирование мятежников из Ирана совершило нападение на афганский пограничный пост в районе Зарандж (провинция Нимроз). Поддержка

из ближайшего гарнизона опоздала и пост (40 военнослужащих, в том числе три офицера) был разгромлен, а пленных мятежники увели в Иран.

В Герате обстановка к концу апреля настолько обострилась, что местные власти вынуждены были отменить парад и демонстрацию 27 апреля — в 5-ю годовщину Апрельской революции. Спустя неделю (в начале мая) мятежники совершили нападение на армейский пост в провинции Кунар и тоже разгромили его. Все это требовало от наших пограничников применения различных способов противодействия мятежникам, в том числе и использование распрей между ними.

В апреле разведчики Керкинского погранотряда сумели склонить несколько вооруженных групп пуштунов к выступлению против крупного формирования мятежников известного главаря Гапура, активно действовавшие против участков Керкинского и Тахта-Базарского погранотрядов. В ходе боестолкновения в районе Кайсар мятежники этого главаря потерпели серьезное поражение.

В середине мая подобную операцию удалось организовать разведотделу Пянджского погранотряда. На этот раз в районе Ходжагара формирование известного авторитета Самада при поддержке наших вертолетов разгромило крупный отряд мятежников, прибывший в этот район из Бадахшана.

Но основные задачи по борьбе с мятежниками в северных провинциях выпадали решать нашим маневренным группам. В апреле успешно действовали мангруппы Керкинского и Пянджского погранотрядов в районах Андхоя и Талукана, ликвидировав несколько групп мятежников. К сожалению, в одном из боестолкновений здесь погиб начальник мангруппы подполковник В. Выбрик.

И на этот раз не обошлось без операции в Куфабском ущелье. Она началась в мае двумя мангруппами с участием афганского батальона, но применить авиацию (верто-

леты) не удалось, так как мешала плохая погода. Завершилась операция в первой половине мая очищением Куфаба и значительными потерями для мятежников. У нас погибло два пограничника и 10 афганских военнослужащих. Для контроля за этим районом в Куфабе временно находилось несколько погранзастав. Были и неудачи. В 20-х числах мая мятежники совершили налет на аэродром в районе Мазари-Шарифа. Охранявшая его афганская рота охраны была обезоружена и уведена мятежниками. Спустя несколько дней нападению из засады подверглась наша мангруппа Термезского погранотряда, которая участвовала в операции под Шибирганом и возвращалась к месту дислокации. Нападение удалось отбить, а с прибытием поддержки и вертолетов — рассеять мятежников, но пограничники понесли серьезные потери: трое убитых и более 15 человек раненых, разбито несколько машин.

В эти же дни несколько мангрупп участвовали в плановой операции совместно с подразделениями нашей Душанбинской и афганской 20-й дивизий в районе Кундуза. Однако и здесь по завершении операции попало в засаду и понесло потери одно из подразделений Душанбинской дивизии. Как видим, основные потери, как и прежде, происходили у нас в основном при совершении маршей, передислокации подразделений.

К лету 1983 г. многие факторы давали основание полагать, что борьба противостоящих сил в Афганистане обострится (усиление иностранного вмешательства, слабые надежды на переговоры под эгидой ООН, рост активности мятежников и др.). Поэтому наши представители в Кабуле сетовали на то, что Б. Кармаль и его окружение ситуацию в стране оценивали неоправданно оптимистично, преувеличивая роль и влияние на стабилизацию обстановки силовых структур ДРА. И в этом плане, видимо, заслуживали внимания соображения, высказанные в Ка-

буле министром по делам племен и народностей Лаеком на встрече с нашим представителем в июне.

По мнению Лаека, пуштуны всегда были и останутся шовинистами. Их внутренние распри (межплеменные, клановые) — временные, и они всегда способны к объединению, особенно против внешних сил. Их вожди веками были падки на финансовые подачки и подкупы, а нынешнее руководство ДРА не учитывает этого фактора. По его сведениям, американцы через пакистанские спецслужбы финансируют уже несколько тысяч пуштунских авторитетов и около 80 тыс. членов пуштунских вооруженных отрядов в Пакистане и на территории ДРА. По его признанию, власти Кабула не располагали такими возможностями, допуская к тому же и многие ошибки в отношении пуштунских племен (насильственный призыв в армию, удары авиацией и артиллерией по населенным пунктам якобы мятежным.) Надо заметить, что последующие годы и события в Афганистане подтвердили точку зрения Лаека. А пока враждебность многих племен по отношению к кабульскому режиму по-прежнему оставалась одним из серьезнейших негативных факторов, обострявших обстановку в ДРА.

Летом 1983 г. она была наиболее сложной в приграничных провинциях Кунар, Нангархар, Фарьяб и др. В Панджшерском ущелье вновь активизировались формирования Ахмад-Шаха, с которым в ходе переговоров заключалось (в который раз!) перемирие. Этот период был также характерен широким размахом терактов, особенно в городах Герат, Мазари-Шариф, Кандагар, Газни и Кабул. В первом полугодии 1983 г. было отмечено более 230 терактов. Подготовка террористов-боевиков проходила в основном в бандформированиях либо в учебных центрах в Пакистане и Иране. Исполнителями терактов довольно часто были молодые люди и даже подростки.

Террор афганских душманов, как ранее басмачества в Средней Азии, бандеровщины в Западной Украине, а позднее террористические акции боевиков Чечни, убедительно подтверждают, что ликвидировать терроризм можно лишь покончив с бандформированиями.

Ситуация в приграничных районах и на границе ДРА 20 июня обсуждалась руководством Погранвойск на совещании у генерала В. А. Матросова. Был намечен ряд мер по дальнейшему усилению активности пограничных подразделений и органов разведки в северных приграничных провинциях. В частности, была признана целесообразной передача зоны ответственности Среднеазиатского погранокруга на Малом афганском Памире (МАП) Восточному погранокругу (ВПО). Этот округ, располагая подразделениями в тактически важных пунктах МАП (Гульхана, Рабати-Чахильтон, Бандар-пост и др.) и оперативными группами (в Лянгаре и Гульхане), должен был вести разведывательные, засадные и другие оперативно-боевые действия по перехвату на этом высокогорном участке караванов мятежников из Пакистана. Заметим сразу, что округ с этими задачами справлялся довольно успешно.

На этом совещании были также намечены меры по улучшению подготовки мотомангрупп, действовавших в ДРА, боевого и специального обеспечения их действий и некоторые другие.

Советником начальника погранвойск ДРА в Кабуле на замену генералу Б. М. Голубеву направлялся генерал А. И. Романенко.

Наиболее масштабные операции и оперативно-боевые действия пограничных подразделений в этот период проходили в западном Припамирье ДРА против участков Хорогского, Московского и Пянджского погранотрядов, где отмечалась повышенная активность мятежников. Успешно и практически без потерь были проведены операции: в

июне — в Джавайском ущелье (мангруппы этих же погранотрядов, батальон царандоя) и в июле — в Куфабском ущелье (три наших мангруппы и афганское подразделение).

Упорное сопротивление оказали мятежники при проведении операции по очистке г. Андхоя и его окрестностей. При этом душманы широко использовали заблаговременно подготовленные огневые точки, управляемые фугасы и защитные укрытия. Здесь, кроме наших мангрупп, в боевых действиях участвовали подразделения афганской армии, царандоя и ополченцы. Для ликвидации опорных пунктов, узлов сопротивления мятежников в этой операции активно применялась авиация (боевые вертолеты), а также саперные группы. В итоге операция завершилась разгромом и большими потерями для мятежников. В это же время проводились ограниченные по масштабам и времени операции мангрупп с участием подразделений 201-й мотострелковой дивизии и афганских подразделений в районах Меймене и севернее Мазари-Шарифа.

Куфаб, Андхой, Рустак, Имам-сахиб, Мармоль... Эти и некоторые другие районы и населенные пункты в северных провинциях ДРА в то время в оперативных сводках и боевых документах упоминались довольно часто. И совсем не случайно, а потому, что с ними каждый раз были связаны какие-либо оперативно-боевые действия. В первое время у каждого из нас, кто был причастен к афганским делам, невольно возникали вопросы: почему в этих и некоторых других районах вновь и вновь оказываются мятежники, и мы вынуждены многократно проводить там операции и другие оперативно-боевые действия? (Кстати, аналогичная ситуация складывалась и в других районах ДРА, в зонах ответственности соединений и частей афганской и нашей 40-й армии.)

Некоторые авторы в качестве главной причины такого явления обычно указывают на неспособность в то вре-

мя афганских властей закрепляться в освобождаемых от мятежников районах. И это было правдой. Однако были и другие причины.

Безусловно, физико-географическая особенность, экономика, инфраструктура, настроение населения играли значительную роль в выборе мятежниками районов своего базирования. Избирался обычно район, удобный для размещения, где можно было восполнить потери, припасы, прокормиться и, конечно, укрыться, особенно от авиации. Район, откуда можно было совершать рейды, засады, другие действия. Большинство таких «базовых» районов (Куфаб, «зеленая зона» и др.) обеспечивали это. И все-таки не только перечисленные факторы вынуждали многократно проводить операции в подобных районах. Не менее серьезной причиной выступала слабая результативность проводимых оперативно-боевых действий.

Дело в том, что эффективность операций против бандформирований, применяющих партизанские способы действий, достигается не столько занятием подразделениями какого-то района, объекта, сколько нанесением бандформированию поражения, ликвидацией или захватом его главарей. Поэтому бодрые донесения о занятии войсками какого-то района, кишлака вовсе не означали, что задача действительно выполнена: просто бандформирование уклонилось от столкновения с войсками (а иногда и со стрельбой), ушло в соседнее ущелье и выжидает, чтобы вер уться, когда войска проведут в кишлаке митинг, раздадут гуманитарную помощь, объявят нового старосту и уйдут. И так много раз. Такая ситуация не только изматывает войска, но и подрывает у них веру в способность добиться успеха. Кардинально же решить проблему по плечу лишь войскам специальным, профессиональным (к примеру, ныне в США — войска специального назначения, в СССР в конце 40-х — начале 50-х годов — части и соединения НКВД по борьбе с бандитизмом). Тем не менее мы не толь-

ко в Афганистане пытались решать эти задачи армейскими силами, но и позднее в Чечне. Результат известен.

Но вернемся к делам афганским. В августе вышла очередная информационная записка ЦК КПСС для парторганизаций о положении в Афганистане. Оно оценивалось в целом как благоприятное. Подчеркивалось, что власти ДРА контролируют все 29 центров провинций, а из 287 уездных и волостных центров — 188. Однако признавалось, что многие факторы напряженной обстановки остаются (активность мятежников в ряде провинций, усиление иностранного вмешательства в дела ДРА и др.). Основания к этому, разумеется, были. Начавшиеся в августе волнения в Пакистане (так называемое «движение неповиновения»), инициированные сторонниками свергнутого военной хунтой (не без помощи США) и казненного президента Бхутто, казалось бы, должны были ограничить базу подготовки афганских мятежников, но на практике этого не происходило. К тому же с каждым месяцем, как уже говорилось, нарастала враждебная активность хомейнистов Ирана в отношении к СССР и ДРА.

На границах ДРА наиболее сложным оставался афгано-пакистанский участок. Из-за высокой активности мятежников, особенно в районах Ургун, Хост, Кунар афганские погранбатальоны, не имея достаточных сил и средств, иногда продолжительное время находились в полной изоляции (по сути, в окружении мятежников) и несли тяжелые потери. Доукомплектование же их, равно как и формирование планируемых (7-я погранбригада в Шинданде) из-за нехватки пополнения, вооружения и техники велись слабо. Но афганским пограничным частям на границах с Ираном и Пакистаном удавалось самостоятельно проводить некоторые операции и участвовать в операциях армейских соединений.

На севере ДРА в августе наши мотомангруппы проводили частные операции и оперативно-боевые действия.

Наиболее упорное сопротивление мятежники оказывали в районах Имамсахиб и Дашти-Кала, но и здесь операции завершились довольно успешно.

С передачей западного района Малого афганского Памира в зону ответственности Восточного погранокруга (ВПО) значительно повысилась активность пограничных подразделений, их взаимодействие с афганскими частями и органами СГИ, особенно в организации контроля за горными перевалами из Пакистана. В течение августа в этом районе было обнаружено и разгромлено три каравана с оружием и боеприпасами. Наиболее крупный караван (около 130 человек) был захвачен в конце августа на участке Бандар-пост, при этом было уничтожено около 70 мятежников, изъято большое количество оружия и боеприпасов. Пленные мятежники сообщили важные сведения о функционировании в приграничном пакистанском г. Лашт крупного центра по подготовке афганских боевиков и организации караванов в ДРА.

В конце августа довольно успешными были и действия мотоманевренных групп Московского погранотряда совместно с афганскими ополченцами против крупного формирования мятежников в районе Янги-Кала. Это формирование было разгромлено, ликвидированы его главари, захвачено много оружия и боеприпасов. С нашей стороны потерь не было.

С началом осени мятежникам удалось перехватить инициативу у правительственных сил в некоторых приграничных районах. В первой декаде сентября последовало нападение большой группы на аэропорт в Мазари-Шарифе. Охрана — пост царандоя (около 30 человек) вместе с оружием оказались добычей мятежников (самолетов и вертолетов, к счастью, там не было). Кстати, информация о готовящемся нападении афганскому командованию была накануне передана из нашей оперативной группы, тем не менее должных мер защиты принято не было.

Но наиболее тяжелая ситуация сложилась в районах Хост и Аргун на афгано-пакистанской границе. Объединенным силам мятежников первоначально удалось нанести несколько чувствительных ударов по частям 25-й афганской дивизии и пограничникам еще на дальних подступах к Хосту. Эти неудачи и потери деморализующе подействовали на находящиеся здесь военизированные формирования («малиши», «комитеты защиты революции» и др.) и они, покинув места дислокации, устремились в Хост. Почти одновременно мятежники, имея значительные силы, артиллерию, минометы и даже несколько танков (ранее захвачены у одной из афганских частей), на дальних подступах к Ургуну блокировали и разгромили 911-й афганский погранбатальон и вплотную приблизились к самому Ургуну. Поэтому, ситуация здесь, как и в районе Хоста, сложилась критическая, и только с привлечением частей 40-й армии, афганских частей и авиации удалось к декабрю ослабить нажим мятежников, но угроза этим гарнизонам (Хост и Ургун) по-прежнему оставалась.

В целом же, несмотря на многие, довольно успешные операции армейских сил и наших пограничных подразделений, мятежникам удавалось даже после серьезных потерь восстанавливать свою структуру и боеспособность.

Тревожило и то обстоятельство, что во главе их формирований и так называемых «комитетов» при штаб-квартирах (в Пешаваре и др.) появлялось все больше профессиональных военных — бывших афганских офицеров. Сказывалось, конечно, и возрастающее влияние США на этот конфликт. В конце сентября приграничные районы Пакистана, базы и центры подготовки мятежников посетил министр обороны США Уайнбергер. Он провел совещание с главарями формирований, настойчиво требуя их объединения и создания в одном из приграничных районов ДРА «афганского правительства в изгнании», что, по

его мнению, обеспечило бы мятежникам более широкую поддержку.

Их силы в северных провинциях ДРА, по данным нашей пограничной разведки, в то время составляли более 200 формирований и групп, общей численностью около 10 тыс. человек.

Группировка наших пограничных подразделений в этих провинциях осенью и зимой 1983 г. состояла из 23 маневренных групп общей численностью около 5,5 тыс. человек, размещенных в 39 пунктах. Наибольшее их количество дислоцировалось против участков Керкинского, Пянджского и Мургабского погранотрядов.

Внушительную часть группировки составляли подразделения Восточного погранокруга на афганском Памире и в западном Припамирье, расположенные в шести районах (численностью около 1,5 тыс. человек, имевшие более 100 единиц бронетехники, вертолеты и другую боевую технику). Состав такой группировки позволял вести активные оперативно-боевые действия. Так, в районе Имамсахиба (против участков Керкинского и Термезского погранотрядов) мотомангруппами была проведена успешная операция против формирования известного главаря Латифа. В итоге это формирование понесло тяжелые потери и было разгромлено.

В середине сентября на Малом афганском Памире засадой мангруппы Восточного погранокруга в районе озера Дюфферен был перехвачен караван мятежников из Пакистана. При этом было изъято большое количество оружия, боеприпасов, взрывчатки и различные документы.

Во второй половине сентября того года проводилась широкомасштабная операция по очистке г. Ташкургана и его окрестностей подразделениями нашей Душанбинской дивизии, пятью пограничными мотомангруппами и частями 18-й афганской дивизии (руководители: старший военный советник полковник В. Гартман и представитель

командования САПО полковник В. Смирнов). Операция проводилась блокированием (изоляцией) районов вероятного сосредоточения мятежников, ведением поиска (прочесывания) в них и завершилась успешно.

Трудная операция в октябре проводилась в Куфабском ущелье (опять в Куфабе!) мангруппами Пянджского и Хорогского погранотрядов с участием батальона царандоя. Здесь вновь обосновались значительные силы мятежников (более 150 человек), частично прибывшие из Пакистана и хорошо вооруженные. С началом операции был подбит и сгорел наш вертолет «Ми-8т», но экипаж остался жив. Десантированным подразделениям удалось закрепиться на своих рубежах, организовать разведку и наносить удары по выявленным целям. Попытки отдельных групп мятежников прорваться через заслоны пресекались огнем. Ситуация обострилась спустя неделю, когда мятежники ночью внезапной атакой смяли один из заслонов царандоя и «на плечах» отходивших сарбозов пытались прорваться через заслон наших застав. Эту вылазку мятежников отбили, но у нас погибли начальник мотомангруппы подполковник В. И. Ухабов (ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза) и несколько пограничников.

Довольно активны были мятежники и в некоторых других районах на севере ДРА (Андхой, Рустак, Кундуз и др.) Так, в последней декаде октября крупный отряд совершил нападение на уездный центр Баламургаб (недалеко от границы, против участка Тахта-Базарского погранотряда), разгромив местный афганский гарнизон и захватив его казармы. Остатки гарнизона и местные власти уже с трудом защищались в старой крепости города, когда на помощь им подошла наша мангруппа. Мятежники сняли осаду и пытались уйти из города, но были атакованы боевыми вертолетами и понесли тяжелые потери.

Зимой, как и прогнозировалось, активность мятежников не ослабла. Под влиянием иностранных советников и инструкторов их тактика сезонных действий (в основном боевая активность весной и летом с передислокацией части сил за кордон зимой) изменилась, она становилась, что называется, всесезонной. Оборудуя базы в горных и других труднодоступных местах и населенных пунктах, они оттуда совершали выходы для проведения операций и отдельных акций.

Как и осенью, мятежники были активны в приграничных провинциях, особенно в юго-восточных, граничащих с Пакистаном. В декабре их объединенные силы нанесли серьезные потери батальону царандоя и захватили один из уездных центров в провинции Нангархар. Они просачивались мелкими группами в города, пытаясь организовать в них выступление объединенными силами. Такая тактика была предпринята ими в Кандагаре, но совместными усилиями армии и сил безопасности, они были выбиты оттуда. Ощутимые потери власти ДРА в это время несли и от терактов мятежников (в декабре в Мазари-Шарифе был убит командир 18-й пехотной дивизии).

Усиливались акции психологической борьбы, антисоветской пропаганды, в том числе направленные против наших военнослужащих, находившихся в ДРА. В этих акциях (радиопередачи, в том числе с территории ДРА, издание и распространение фальшивых выпусков газет «Красная звезда» и др.) активно участвовали и наши отечественные диссиденты, находившиеся за рубежом (кстати, некоторые из них нынче часто мелькают на нашем телевидении), поэтому рассчитывать на настоящее замирение пока не приходилось.

В ноябре на совещании у генерала В. А. Матросова был утвержден план действий наших пограничных подразделений в ДРА на зиму 1983–1984 гг., согласованный с Генштабом. План предусматривал расширение масштабов

действий группировки в зоне своей ответственности в целях ликвидации наиболее активных формирований, групп мятежников, их баз. В этом периоде были завершены (в целом положительно) операции наших мангрупп в районах Рустак и Андхой.

В ноябре—декабре 1983 г. напряженные боевые действия велись подразделениями Восточного погранокруга на МАП и западном Припамирье по перехвату караванов мятежников, пытавшихся проникнуть из Пакистана через перевалы Дара-Ан и другие в направлениях на Санглеч (выходя к Файзабаду) и Коран-О-Мунджан (проход в Панджерское ущелье — вотчину Ахмад-Шаха). Непосредственно руководил действиями сил и средств округа заместитель начальника войск ВПО полковник Е. Н. Неверовский.

К сожалению, дислоцированный в районе Коран-О-Мунджана афганский полк с задачей надежного заслона не справлялся. Успех операций здесь обеспечивался хорошей разведкой и умело организованными засадными действиями. Большую роль в разгроме караванов сыграла авиация. В итоге было ликвидировано несколько крупных формирований мятежников с большими для них потерями, захвачено большое количество оружия (в том числе безоткатные орудия, ДШК и др.).

Довольно успешными в декабре были действия нашей разведки в районах Имамсахиб и Ташкурган, завершившиеся ликвидацией главарей и их подручных действовавших здесь двух групп мятежников.

В истекшем 1983 г. в Москве по-прежнему не теряли надежд на благоприятный исход афганской кампании. В декабре на очередном заседании комиссии политбюро ЦК КПСС по Афганистану были отмечены некоторые успехи в экономике ДРА, достигнутые с помощью Советского Союза (строительство ряда народнохозяйственных объектов, развитие транспорта, производство электро-

энергии и др.) Решением комиссии создавалась постоянная межправительственная советско-афганская комиссия по экономическому сотрудничеству с довольно широкими полномочиями. Комиссия одобрила в целом меры военного характера с участием наших войск в ДРА, но отклонила предложения о дополнительном вводе в ДРА частей внутренних войск МВД для охраны объектов советско-афганского сотрудничества.

Как видим, решения комиссии в отличие от предыдущих были менее радикальными. В них, кстати, о начале последовательного вывода советских войск из ДРА уже не упоминалось.

Основными итогами 1983 г. можно было считать, прежде всего, неудавшиеся попытки мятежников летом и осенью расширить фронт борьбы против правительства ДРА, а также зоны своего влияния, особенно в приграничных с Пакистаном районах, несмотря на широкую политическую и материальную поддержку США и их союзников.

Однако правительству ДРА и нашим специалистам в Москве и Кабуле не удалось достичь намеченных целей в главном: не оправдались надежды на укрепление боевого потенциала афганской армии и царандоя, их способность самостоятельно и эффективно вести борьбу с мятежниками. Оставались уязвимыми и границы ДРА, особенно афгано-пакистанский участок, где не обеспечивалось надежное прикрытие и контроль многих основных направлений действий и переправ мятежников. Значительная часть пограничных подразделений здесь, как и на афгано-иранском участке, часто оказывалась в изоляции, отрезанной от баз снабжения и сил поддержки. Их служебно-боевые возможности были очень ограничены.

Было мало надежды и на многообещающую миссию Кордовеса (ООН) по мирному урегулированию афганского конфликта. Хотя обе стороны (Афганистан и Пакистан) вели диалог и имели некоторые перспективы к сбли-

жению позиций, но это еще не означало заключения мирного соглашения.

Откровенно на этот счет высказался один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ (декабрь 1983 г.) в «Вашингтон пост»: «США не согласились бы с «непрочным» мирным урегулированием, о котором ведутся переговоры в ООН, даже если бы оно привело к выводу советского контингента, поскольку это повлекло бы за собой признание Пакистаном режима в Кабуле». А этого допускать в США не желали.

Тем не менее руководство ДРА было настроено на победу и 1984 г. объявило решающим в борьбе с мятежниками, годом коренного перелома.

В своем выступлении на совещании командно-политического состава НВС ДРА (январь 1984 г.) Б. Кармаль, оценивая деятельность НДПА и государственного аппарата в решении задач укрепления вооруженных сил республики, выдвинул основополагающие принципы «новой фазы революции»: твердая революционная дисциплина; высокая политическая сознательность; коллегиальность и демократизм; непримиримая борьба с расхлябанностью, групповщиной и другими негативными явлениями. На совещании подчеркивалась необходимость укрепления единства НДПА, взаимопонимания и взаимодействия между армией, царандоем и органами безопасности (СГИ). Реализация этих принципов и меры по достижению решительного перелома в борьбе с мятежниками обсуждались в феврале на XIII Пленуме ЦК НДПА.

Вскоре за этим последовали и некоторые новые назначения в Минобороне ДРА (замена начальника Генштаба НВС и др.). Эти и другие, в общем-то, правильные для того времени намерения надо было воплощать в практике руководства и управления, но с этим, как всегда, были проблемы. К тому же из Кабула от наших представителей все настойчивее просачивалась информация о возрастающем

якобы недоверии Б. Кармаля руководящим кадрам афганской армии и царандоя («бывшие слуги Амина», «вышли из-под влияния партии»). Было сложно (как и везде на Востоке) понять истинные причины такого явления. Безусловно, отчужденность между парчамистами (к ним принадлежали сам Кармаль, его ближайшее окружение) и халькистами (многие высшие чины в армии и царандое) оставалась. Но оставались, видимо, и сомнения в способностях армии самостоятельно (в том состоянии, в котором она пребывала) справиться с мятежниками, о чем еще в 1980 г. Кармаль высказывал сомнения.

Прибывшие в начале января в Кабул во главе группы генералов и офицеров (в их числе новый главный военный советник генерал Г. И. Салманов, представитель нашего ГУПВ генерал И. П. Вертелко и др.), маршалы С. Л. Соколов и С. Ф. Ахромеев (стал к тому времени маршалом) сообщили в Москву о возможной активизации действий мятежников с весны 1984 г. и необходимости проведения упреждающих мер.

Несмотря на оказываемую советской стороной помощь (практически полное материально-техническое и прочее обеспечение НВС ДРА, постоянное пребывание в их соединениях и частях более 1 тыс. советских советников и специалистов), состояние вооруженных сил ДРА, включая царандой и СГИ, по оценке наших представителей, не обеспечивало им самостоятельную, эффективную борьбу с мятежниками. Отсюда делался вывод, что, вопреки планам, выводить наши войска из ДРА в ближайшее время нецелесообразно. Одновременно предлагались ускоренные меры по укреплению боеспособности афганской армии: увеличение срока службы (до трех лет); отмена различных отсрочек от призыва; сосредоточение армии в гарнизонах для боевого слаживания частей и т. п. Это беспокойство наших представителей было вполне обоснованным. Все острее ощущалось вмешательство извне в аф-

ганские дела, и лидеры стран-участников этих акций даже не скрывали своих намерений. Премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян во время визита в США в январе заявил на пресс-конференции: «Китай и США занимают идентичную позицию по вопросу об Афганистане..., и я надеюсь, что обе стороны смогут координировать действия с тем, чтобы сдержать советский экспансионизм в этом районе». Эта «координация» касалась не только увеличения масштабов финансирования основных мятежных формирований и их подготовки за пределами Афганистана, но и роста численности иностранных специалистов в районах ДРА, контролируемых мятежниками. Если в 1981 г., по данным различных источников, их насчитывалось около 50 человек, то к началу 1984 г. — около 450. Они не только непосредственно участвовали в подготовке мятежников и операций, но и занимались сбором информации, оценкой захваченной мятежниками техники и оружия, участвовали в допросах попавших в плен советских военнослужащих (к сожалению, такие случаи в отдельных наших армейских частях были). Надо сказать, сигналов о советниках-иностранцах поступало много, но захватить их удавалось редко.

В зимний период высокая активность мятежников отмечалась в Кабуле и Панджшерском ущелье. В Кабуле (февраль -особенно) теракты и обстрелы (ракетами, минами) района советского посольства, мест проживания наших специалистов становились все более частым явлением.

Серьезная угроза Кабулу, соседним с ним провинциям исходила от формирований Ахмад-Шаха Масуда, воспользовавшегося переговорами с нами как передышкой, чтобы восполнить потери, оборудовать позиции, базы и пр. Поступавшая к нам информация указывала на серьезные намерения Ахмад-Шаха расширить зоны своего влияния не только на соседние с Кабулом провинции Каписа и Пар-

ван, но и в направлении Файзабада — для объединения (под своим началом, разумеется) с джармской группировкой мятежников, что обеспечивало бы ему контроль над всем северо-востоком ДРА. Это вынуждало нас серьезно готовиться к весенним операциям в афганском Припамирье.

Зимой основное внимание было приковано к масштабной операции наших войск против укрепленной базы мятежников в районе Мармоля. Отсюда отряды и группы мятежников постоянно совершали вылазки для нападения на объекты в Мазари-Шарифе, и в планах наших военных представителей в Кабуле задуманной операции придавалось большое значение. Учитывая труднейшие горные условия этого района и высокую степень подготовки его мятежниками к защите (многоярусная оборона с использованием пещер в каньонах, плотное минирование горных троп и перевалов с применением управляемых фугасов, минных полей и пр.) к операции привлекались значительные силы. Их основу составляли пять пограничных мотоманевренных групп (около 2 тыс. человек) и авиационный полк САПО, а также несколько афганских армейских и пограничных подразделений. Действия этой группировки поддерживались авиацией и артиллерией. Руководство операцией было возложено на начальника войск САПО генерал-майора Г. А. Згерского. Его активными помощниками были офицеры А. Н. Евдокимов, Ю. В. Романов, В. Н. Вахренев и др. Операция началась 5 января ударами авиации и артиллерии по опорным пунктам и огневым точкам мятежников, защищавших с господствующих высот единственный горный проход и основную базу в Мармоле. Десантированные подразделения и обходящие отряды завершали ликвидацию опорных пунктов и вели прочесывание местности. Большую работу проделывали саперы по разминированию местности и колонных путей в районе операции. Операция завершилась полным разгромом мятежников с большими для них

потерями. Было захвачено (и уничтожено) большое количество оружия и боеприпасов. У нас потерь не было.

По завершении операции (в первой декаде февраля) и возвращении основных сил к местам дислокации в районе Мармоля были оставлены наша мангруппа, батальон царандоя и афганские пограничники для ведения разведки, поиска скрывшихся мятежников и закрепления местных органов власти. Действия этого гарнизона оказались менее успешными, особенно по части разведки: в начале марта уцелевшие группы мятежников совершили нападение на отряд местных ополченцев (около 100 человек) недалеко от Мармоля и разгромили его.

Мармоль был не единственным районом крупной операции в афганском приграничье зимой 1984 г.. Тогда же (в январе) началось деблокирование г. Ургуна (провинция Пактика), который несколько месяцев находился в окружении мятежников. К операции привлекались соединения и части 40-й и афганской армии. Основные силы мятежников были разгромлены и рассеяны. Однако большие потери понесли и афганские армейские и пограничные части, дислоцированные в этом районе (в частности, 15-й погранполк). Понадобилось немало усилий, чтобы пополнить их личным составом, вооружением и техникой.

В восстановлении боеспособности пограничных подразделений принял активное участие генерал И. П. Вертелко. Обстановка понемногу стабилизировалась, но выводы нашего военного руководства о причинах возникновения здесь с осени 1983 г. критической ситуации обескураживали: виновными оказались пограничные подразделения, не сумевшие противостоять отрядам мятежников и, разумеется, наши советники при них. О том же, что эти подразделения и части, находясь в составе афганской армии, имели самую низкую укомплектованность и оснащенность всем необходимым, почему-то не упоминалось. Словом, повторялась старая история.

Активные боевые действия против мятежников зимой 1984 г. проводились также в приграничных провинциях Нангархар, Кандагар и др. Менее удачной была операция в провинции Герат («зеленая зона»), где части афганской армии понесли большие потери, особенно среди офицеров.

Зимой наиболее сложной была обстановка на границе с Пакистаном, на участках 1-й и 2-й погранбригад, 15-го и 18-го погранполков. Здесь одновременно с проведением частных операций и боевых действий, как уже говорилось, восстанавливалась боеспособность и система обеспечения подразделений 15-го (Ургунского) погранполка.

На границе с Ираном планировалось дополнительно выставить один погранбатальон на участке 7-й погранбригады. Однако общая низкая укомплектованность пограничных частей (40% к штату) по-прежнему не позволяла надежно прикрывать даже наиболее активные участки границы.

Обстановку в зоне ответственности наших пограничных подразделений на севере ДРА в этом периоде можно было бы считать благоприятной, за исключением событий, происшедших на участке 68-го (Тахта-Базарского) погранотряда. 2 февраля ночью на участке 2-й заставы засадой мятежников был обстрелян пограничный наряд (три пограничника). Один из пограничников был убит, двое других, будучи ранеными, вели бой с мятежниками до подхода резерва заставы. Нападавшие скрылись, забрав с собой убитых и раненых.

С выдвижением в район происшествия соседних погранзастав и одной из мангрупп был проведен поиск по вероятному направлению отхода банды. В ходе поиска (с привлечением вертолетов) была обнаружена и ликвидирована небольшая группа мятежников, захвачены пленные и несколько мотоциклов. Задачу тогда посчитали выполненной, и подразделения вернулись к местам дислока-

ции, однако, спустя сутки разведка сообщила, что основной костяк банды, совершившей нападение на наш погранналряд, сумел в ходе поиска уйти и теперь со своим главарем отсиживается в одном из укрытий (точные координаты имелись). Чтобы не вспугнуть мятежников передвижением подразделений, было принято решение нанести по ним ракетно-бомбовый удар вертолетами. В результате внезапного удара большая часть банды (около 30 человек) была уничтожена.

Хотелось бы в этой связи отметить одну особенность борьбы с мятежниками: любой решительный разгром даже малочисленной бандгруппы на определенное время значительно снижал активность действий их других формирований. И напротив, при любой неудаче и потере правительственных сил тут же следовали повторные нападения — мятежники стремились закрепить успех.

В третьей декаде февраля в Туркестанском военном округе (ТуркВО) проводилось фронтовое командно-штабное учение (командующий ТуркВО, он же командующий фронтом на КШУ генерал Ю. П. Максимов). Руководил учением маршал С. Ф. Ахромеев, а я был его заместителем по пограничным войскам (Среднеазиатский погранокруг представил на учение свою оперативную группу).

Была создана довольно сложная учебная обстановка на Южноазиатском ТВД с эскалацией афганского конфликта и активным участием в нем Пакистана, Китая и Ирана. При этом важная роль на территории ДРА по-прежнему отводилась 40-й армии, хотя условно привлекались и значительные силы из резерва, в том числе и пограничные. По завершении учения Сергей Федорович направлялся снова в Кабул, а мне нужно было возвращаться в Москву, в штаб, поскольку генерал В. А. Матросов вновь убывал в Среднеазиатский погранокруг.

В начале марта в ГУПВ прошло совещание командования погранвойск по поводу предстоящих действий на-

ших подразделений в ДРА весной 1984 г. Итоги зимнего периода 1983–1984 гг. оценивались положительно. Планом на весенний период, утвержденным председателем КГБ и согласованным с Генштабом, предусматривались следующие оперативно-боевые действия: в марте — в районах Янги-Кала, Ташкурган, Андхой и Меймене, в апреле и мае — в районе Рустак и в западном Припамирье. Имелось также в виду усиление контроля за перевалами в зоне ответственности Восточного погранокруга и возможное продвижение его подразделений от к. Гульхана в направлении на Коран-О-Мунджан на случай проведения масштабной операции в Панджшерском ущелье против формирований Ахмад-Шаха. Важной задачей оставалось оказание помощи местным властям и населению приграничных районов.

Между тем были основания предполагать ухудшение обстановки. В марте была получена информация о создании в Пешаваре центра по оперативному руководству формированиями мятежников различной ориентации. При этом 1984 г. объявлялся годом решительных действий, в ходе которых мятежники должны были взять власть в ДРА (как видим, обе стороны настраивались на победу).

Определялись и районы (Пактия, Нангархар, Герат, Кандагар, Кунар), куда в первую очередь планировалась переброска оружия и боеприпасов. В городах и крупных населенных пунктах мятежники намеревались действовать в основном методом террора и диверсий. Основные засадные и диверсионные действия они планировали провести на коммуникациях Кабул — Герат, Кабул — Хайратон. Все главари формирований были обязаны оказывать всяческую помощь иностранным советникам и специалистам.

По обобщенным оценкам армейской и пограничной разведок, к весне 1984 г. силы мятежников (в сравнении с 1983 г.) возросли. Наибольшая их концентрация наблюдалась в зонах «Юго-восток» (около 12 тыс.), «Восток»

(10 тыс.), «Центр» (около 9 тыс.) и «Северо-восток» (свыше 7 тыс.). Однако эти и другие количественные оценки, думается, вряд ли тогда являлись полным и объективным показателем силы мятежников. Были и другие настораживающие факторы. С 1982 по 1983 г. на территории ДРА стали появляться «особые районы» — территории, где практически отсутствовала власть правительства ДРА. Панджшерское ущелье, к примеру, с десятками кишлаков находилось под контролем Ахмад-Шаха, там были свои школы (медресе), местные органы власти и пр. Аналогичное положение наблюдалось в зонах Куфабского и Джавайского ущелий. Но наиболее крупной «особой зоной» (около 30 уездов и не менее 10 северных и центральных провинций, исключая их центры), была территория, контролируемая отрядами хазарейцев, сторонниками проиранской шиитской организации «Совет исламского единства» (СИЕ) во главе с крупным духовным авторитетом Бешехти. В этой зоне управление было сосредоточено в руках сепаратистов, налажена своя система образования, воинской повинности и пр. Район «Хазараджат» был объектом пристального внимания иранских спецслужб, откуда, по их замыслу, идеи Хомейни должны были распространяться по всему Афганистану. Бешехти и его отряды пока не вели открытую вооруженную борьбу против правительства ДРА, отстаивая идею автономии «Хазараджата» в рамках Афганистана. Но и власти ДРА туда доступа не имели. Складывалось впечатление, что из-за отсутствия у афганского руководства четкой национальной идеи и программы оно теряло время и своих потенциальных союзников (хазарейцы, к примеру, при королях в Афганистане были самой угнетаемой и бесправной нацией). Однако нас тогда больше беспокоило другое обстоятельство: при ожидаемой весенней активности мятежников, особенно в приграничных районах ДРА, состояние афганских пограничных частей не укреплялось.

Иван Петрович Вертелко, находившийся там, в разговорах по ВЧ-связи и в донесениях положение этих частей оценивал как критическое: линейные пограничные подразделения укомплектованы не более 20–25% к штату, боевой техникой — на 30%. По-прежнему не было налажено материально-техническое обеспечение отдаленных пограничных подразделений, более десяти из них снабжались только по воздуху (дороги блокированы мятежниками). Отсюда частые перебои с питанием, водой, проблемы эвакуацией раненых и больных пограничников. Военнослужащим по три-пять месяцев не выдавалась зарплата. Руководство афганской армии и наши военные советники (главные распорядители всех материальных и людских ресурсов) не решали пограничные проблемы. По мнению наших пограничных представителей, требовалось вмешательство политического и военного руководства СССР. Должен отметить (по собственному опыту), что это были объективные выводы и оценки. В качестве первоочередных мер считалось целесообразным дополнительно сформировать две погранбригады, два погранполка (15-й и 18-й) развернуть в бригады, довести численность пограничных частей не менее, чем до 80% к штату, а поставки техники и оружия им из СССР осуществлять прямым целевым назначением.

В середине марта возникла ситуация, которая потребовала внести коррективы в плановые действия наших мотомангрупп в ДРА.

17 марта последовали звонки маршала С. Ф. Ахромеева, а затем генерала В. И. Варенникова о ЧП в Кундузе и просьбы о нашей помощи. Суть происходящего они излагали предположительно, детали многие были неясны (хотя прошло уже двое суток): 15 марта из штаба дивизии (в Кундузе) бежал на БРДМ офицер З.

Этот офицер якобы за какое-то преступление был арестован и временно помещен в одну из комнат штаба. Заме-

тив во дворе прибывшую бронемашину (экипаж куда-то отлучился), он бежал через окно, сел в машину — и был таков. Время было упущено (прошло двое суток), хотя там, в Кундузе, рядом находились наши подразделения. Тем не менее, командованию САПО были срочно переданы предварительные распоряжения на организацию поиска. Председатель КГБ В. М. Чебриков, которому я доложил о замысле наших первичных действий в этой ситуации (генерал В. А. Матросов был в отъезде), требовал принятия самых эффективных мер, чтобы не дать возможности сбежавшему уйти в Пакистан. Но, повторяю, много времени было упущено, и наши вертолетные десанты в местах вероятного нахождения З. обнаруживали уже покинутые стоянки мятежников, сопровождавших перебежчика. Бронемашину без радиостанции и оружия нашли на второй день. Активно работала разведка, пограничная и армейская, информации проходило много, но точных данных, обеспечивавших прицельные, упреждающие действия, не было, так как бежавшего мятежники быстро передавали из одной банды в другую по направлению к Пакистану. «Попутно», что называется, было ликвидировано несколько банд мятежников, но задержать З. не удалось. Спустя много лет мне довелось ознакомиться с книгой, изданной при участии Минобороны, о военнослужащих, не вернувшихся из Афганистана. В этой книге, к моему удивлению, тот человек значился в числе лиц, «пропавших без вести». Такая вот вышла «пропажа»...

В это же время (конец марта) в результате умелой операции разведки 48-го (Пянджского) погранотряда удалось склонить к сдаче и разоружить крупную группу мятежников в районе Талукана, а также организовать засаду на главаря и его охрану одного из бандформирований.

В начале апреля состоялось совещание у председателя КГБ по афганскому вопросу. На совещании, кроме заместителей председателя, присутствовали командование по-

граничных войск, начальники войск САПО и ВПО. Докладывали сложившуюся обстановку и предложения генералы В. А. Матросов, Г. А. Згерский и В. С. Донсков (о действиях пограничных подразделений в зонах ответственности своих округов). Доклады были довольно оптимистичны и ограничивались в основном действиями наших пограничных подразделений.

В. М. Чебриков, видимо, предваряя вопросы о времени пребывания наших войск в ДРА, особо подчеркнул, что мы «там будем столько, сколько нужно». Он согласился с намечаемыми на ближайший период мерами, высоко оценил действия пограничных подразделений в зоне их ответственности и особо указал на необходимость укрепления охраны советско-афганской границы, повышения безопасности пограничных нарядов и застав.

В апреле истекал срок перемирия, заключенный командованием в Кабуле с Ахмад-Шахом — главарем мятежников в Панджшерском ущелье. По данным разведки, Ахмад-Шах умело воспользовался перемирием не только для укрепления своих позиций и баз в Панджшере, но и для создания обширной сети подпольных структур и формирований в ряде центральных и северо-восточных провинциях (Бадахшан, Тахар, Кунар и др.). В случае объединения его сил с отрядами хазарейцев (к чему он стремился) на севере-востоке ДРА, эта группировка могла бы представлять большую опасность. Не было секретом и то, что усиление группировки Ахмад-Шаха (особенно оружием и боеприпасами) осуществлялось в основном из-за рубежа. Но закрыть переправы из Пакистана погранслужбе ДРА было не по силам. К тому времени, по оценкам наших специалистов, в приграничных районах Пакистана имелось 47 центров по подготовке боевиков (около 18 тыс. человек), а в приграничных районах ДРА на этом участке — около 240 отрядов и групп мятежников общей численностью свыше 20 тыс. человек. Довольно внушительной была

их группировка (более 3 тыс. человек) и в приграничных с Ираном районах ДРА. По мнению пограничного представителя в ДРА генерала А. И. Романенко, наиболее острой проблемой оставалось прикрытие основных маршрутов через границу (автомобильных, вьючных, пешеходных — всего около 60). Прикрывалась (и контролировалась) лишь половина из них, остальные маршруты были бесконтрольны.

Александр Иванович и его коллеги в Кабуле считали, что проблема была решаема при двух условиях: участие в прикрытии части маршрутов афганской армией и заметное усиление пограничных частей ДРА (о таких предложениях уже говорилось). По нашим оценкам в штабе погранвойск эти меры можно было бы реализовать при минимальных расходах, но все упиралось в позицию главного военного советника и его аппарата.

В апреле эти вопросы обсуждались с советниками-пограничниками (на совещании в Кабуле) и на сборах с руководящим составом погранвойск и частей ДРА с участием генералов И. П. Вертелко и Г. И. Салманова (ГВС). К сожалению, кардинально решить их, несмотря на серьезные, убедительные доводы наших представителей, не удалось.

В северных провинциях ДРА наши мангруппы в этом периоде проводили плановые операции. 10 апреля в результате умело организованной засады силами мангруппы Пянджского погранотряда была разгромлена довольно крупная бандгруппа, следовавшая на машинах из Кундуза к Имам-сахибу.

Операции мангруппами проводились самостоятельно, поскольку армейские части убыли в район Панджшера. Вскоре там началась крупная операция объединенных сил (наших и афганских) против формирований Ахмад-Шаха. Наше командование, убедившись, что перемирие с этой группировкой мятежников лишь укрепляло их поло-

жение, предусматривало довольно решительные цели. Кроме трех афганских дивизий в операции участвовали соединения и части 40-й армии. Пограничники должны были не допустить перемещение мятежников на помощь Ахмад-Шаху из северо-восточных приграничных провинций Пакистана. К тому же надо было быть готовыми к активизации всех группировок мятежников ориентации «Исламского общества Афганистана» Б. Раббани (в основном на севере и северо-востоке ДРА), к которому принадлежал и Ахмад-Шах.

На совещании у руководства КГБ генерал В. М. Чебриков потребовал от пограничников и представителей КГБ в Афганистане внимательно отслеживать обстановку в этих районах.

Операция началась массированными ударами авиации и довольно продолжительной огневой подготовкой, после чего последовали действия войск. На ряде участков мятежники оказывали довольно сильное огневое сопротивление (удары авиации и артиллерии в горах, глубоких каньонах с пещерами не всегда эффективны), часть перевалов и горных проходов были плотно заминированы, что серьезно замедляло продвижение войск (кстати, позднее американский журнал «Тайм» сообщил, что ЦРУ во время этой операции с помощью спутниковой системы разведки снабжало Ахмад-Шаха информацией о наших войсках).

В эти же дни в Кабуле мятежники произвели серию терактов, обстреляли штаб 40-й армии, взорвали несколько участков дороги Хайратон — Кабул. Возросла их активность на границе в районах Хост и Ургун.

По оценкам из Кабула (там по-прежнему находился генерал И. П. Вертелко) и данным нашей разведки, расчеты Ахмад-Шаха на поддержку извне своим формированиям в Панджшерском ущелье не оправдывались, и это создавало благоприятные условия для их ликвидации.

В конце апреля Военный совет погранвойск рассматривал состояние наших подразделений в ДРА и меры повышения эффективности их действий (докладывал генерал И. Г. Карпов). Постановка этих вопросов была актуальной: по нашим оценкам в штабе, возможности пограничной группировки использовались в зоне ее ответственности еще не в полной мере. На этот счет было высказано ряд предложений. В частности: более внимательно и объективно анализировать итоги операций (значительная часть их по-прежнему не достигала намеченных целей), повышать активность оперативно-боевых действий ночью, усилить разведку, в том числе воздушную и техническую, регулярно проводить занятия по боевому слаживанию подразделений и подготовке офицеров.

Намерения были благие, но их реализация давалась трудно: существовало «табу» на открытую объективную оценку состояния наших подразделений в ДРА (и их проблемы), а также эффективность их действий — даже среди офицеров центрального аппарата ГУПВ.

Генерал Матросов, как уже говорилось, был сторонником такой закрытости (и Андропов с Чебриковым, по его заверениям, — тоже) и, конечно, не всякий руководитель управления, службы Главка погранвойск спешил проявить активность (по своей линии) для изучения дел в этих подразделениях и оказания помощи. Со временем это будет исправляться: сама жизнь и возникающие проблемы в этих подразделениях заставят работать в них более активно органам управления центра.

События в Панджшерском ущелье развивались в основном благоприятно для правительственных сил ДРА и нашей 40-й армии и в середине мая они завершились. Формирования Ахмад-Шаха понесли большие потери, основные районы в Панджшере были заняты правительственными силами. Самому Ахмад-Шаху и некоторым его от-

рядам удалось снова скрыться, но спустя какое-то время они вновь там появятся.

А тогда руководством ДРА, военным командованием предпринимались меры, чтобы закрепить органы власти в Панджшере, упрочить и стабилизировать обстановку (направлялись специальные комиссии, организационные ядра органов власти, готовились специальные караваны с продовольствием, медикаментами, стройматериалами и пр.). В этой зоне развертывалось несколько гарнизонов, формировались (в Кабуле) отряды ополченцев и несколько подразделений царандоя. Не забыли и о старейшинах.

Изгнание Ахмад-Шаха из Панджшера в целом положительно сказалось на общей обстановке в ДРА весной 1984 г., и это внушало надежды на закрепление стабильности.

В начале мая во время визита Б. Кармаля в Москву состоялась его встреча с председателем КГБ В. М. Чебриковым. Главная тема разговора была об укреплении пограничных войск ДРА. Собеседники назвали эту проблему одной из главных в обеспечении безопасности ДРА и рассмотрели некоторые принципиальные вопросы. Вскоре штаб, разведуправление и оперативная группа ГУПВ получили указание о разработке предложений по этой проблеме для руководства ДРА, и такие предложения (с участием наших пограничных представителей в Кабуле) были подготовлены. Они исходили из того, что существовавшая укомплектованность пограничных частей ДРА (имелось около 15 тыс. человек — 40% к штатам), их техническое оснащение (автобронетехникой были обеспечены на 27% к штатам, при том, что 50% имеющейся неисправно), материальное и иное обеспечение позволяют реально прикрывать лишь отдельные участки. Например, на афгано-пакистанской границе (более 2000 километров) контролировались лишь участки общей протяженностью около 500 км, а на афгано-иранской границе — около

400 км. Эти благоприятные для мятежников факторы (свобода маневра в пределы ДРА и обратно) позволяли им стабильно наращивать свои силы на территории Афганистана.

Исходя из этого, предлагалось:

а) на 1-м этапе (1984 г.):

незамедлительно приступить к доукомплектованию пограничных частей ДРА, доведя их штатную численность на этом этапе до уровня армейских частей ДРА (70–80%), улучшив при этом качество отбора призывников;

пополнить пограничные части недостающей автобронетехникой;

укрепить пограничные органы разведки (кадрами, финансами и техникой);

создать в погранвойсках ДРА самостоятельную систему связи, закрытую в звене погранбригада-центр;

контролировать подразделениями и частями афганской армии, оперативными возможностями погранвойск и дежурными силами авиации неприкрываемые участки границы на отдельных (наиболее важных участках);

б) на 2-м этапе (1985 г.):

сформировать на границе с Пакистаном дополнительно две погранбригады, переформировать в бригады 15-й и 18-й погранполки;

приступить к формированию пограничных подразделений в северных провинциях ДРА;

повысить нормы обеспечения пограничных частей боеприпасами, определить (приказом по министерству обороны ДРА) порядок снабжения их продовольствием, вещевым имуществом, медикаментами и пр.;

укрепить систему управления пограничными частями (создать оперативную группу ПВ в Герате, усилить органы управления ПВ в Кабуле и др.).

Учитывая реальную ситуацию на границах ДРА, эти меры были крайне необходимыми, и не столь уж затратными в сравнении с тем, что поступало из Союза для афганской армии.

Словом, мы не теряли надежды.

Но вначале о действиях пограничных подразделений на севере ДРА.

В мае здесь проводились плановые операции в районах Чахи-Аб и Рустак, а также в районе стыка трех государств (против участка 68-го погранотряда).

Эти операции в целом прошли успешно. В районе южнее Рустак наши подразделения высаживались десантами вслед за ударами вертолетов, блокируя здесь крупную базу мятежников. В последующем проводилось прочесывание местности и поиски по участкам. В итоге мятежники были разгромлены, взяты большие трофеи (в том числе минометы, несколько ДШК, ПЗРК «Стрела» и другое оружие). У нас потерь не было, но был подбит (и сгорел) вертолет «Ми-24».

В ходе операции в районе стыка границ трех государств засадой одной из погранзастав была перехвачена колонна мятежников на автомобилях, следовавшая из Ирана. При этом было уничтожено более 20 мятежников, около 100 человек захвачено, изъято большое количество оружия и боеприпасов. Кстати, по завершении операции в районе Рустак и ликвидации основной базы формирования в числе многих трофеев были захвачены и штабные документы. Их изучение показало, что главарь (был убит в ходе операции) и его окружение постоянно поддерживали радиосвязь с центром в Пешаваре (Пакистан), а само формирование именовалось «полком» с тремя «батальонами».

Представляла интерес и организация «батальонов»: в них имелись группы войсковой разведки, совершения терактов и диверсий, минирования дорог и др. В штабе формирования имелась группа, занимавшаяся сбором инфор-

мации и поддерживавшая связь с осведомителями из числа местных жителей. Так что мятежники тоже совершенствовали свою структуру.

Однако были неудачи и потери. В начале мая в районе Рустак при ведении огня минометной батареей по позициям мятежников произошел разрыв мины в стволе миномета. Погиб командир батареи, было ранено около 15 пограничников. В середине мая погиб советник командира афганского погранполка (в Ургуне) майор А. П. Богданов. При проведении операции на участке этого полка сложилась критическая обстановка: под натиском мятежников одно из подразделений полка стало беспорядочно отходить. Майор Богданов с небольшой группой афганских пограничников прикрыл отход этого подразделения. Группа была окружена мятежниками, сражались отчаянно, но все погибли.

Офицер А. П. Богданов проявил большое мужество (он был представлен — посмертно к званию Героя Советского Союза), но невольно возникал вопрос: почему это случилось? Помнится, с получением донесения мы обсуждали его с генералом И. Г. Карповым, который хорошо знал и ценил этого офицера. Иван Григорьевич считал (и я был согласен с ним), что в данном случае не обеспечивалась безопасность советника (хотя рекомендации на этот счет имелись довольно конкретные), а это, прежде всего, забота и ответственность аппарата нашего представительства в Кабуле и, конечно, командира полка, с кем наш советник работал. К сожалению, в дальнейшем эта проблема останется головной болью наших представителей, поскольку сама специфика работы советников в пограничных частях ДРА была постоянно сопряжена с опасностью.

В июне коллегией КГБ начальником оперативной группы САПО (в ранге заместителя начальника войск округа) был утвержден полковник В. Н. Смирнов. Владимир Николаевич — опытный командир и штабист, закон-

чил Академию Генштаба, работал в оперативном управлении штаба ПВ, и мы долго с ним беседовали о его предстоящих делах, возвращаясь к происходящим там событиям — и успешным и неудачным.

На границе ДРА с Пакистаном и Ираном события в июне развивались в целом благоприятно для правительственных сил. В провинциях Кунар и Пактия афганские пограничные части при поддержке подразделений 40-й армии и авиации провели ряд успешных поисков и оперативно-боевых действий, в том числе и в районе Ургуна.

На афгано-иранской границе (провинция Фарах) была проведена крупная операция с участием двух пограничных и армейской бригад под руководством генерал-майора И. Д. Яркова. Были очищены от мятежников несколько приграничных районов (значительная их часть укрылась в Иране), а на одном из важных участков развернут пограничный батальон.

Между тем реализация разработанных нами после встречи Б. Кармаля с В. Чебриковым предложений о некотором усилении погранвойск ДРА принимала все более затяжной, неопределенный характер. Предложения эти, как уже говорилось, были предельно ограниченными: пополнить ослабленные, маломощные пограничные части личным составом (5–6 тыс. человек для 1-го этапа) и небольшим количеством боевой техники. При том, что в армии и царандое ДРА имелось не менее 200 тыс. человек, больших проблем это, на наш взгляд, не составляло.

Во избежание всяких проволочек Вадим Александрович тогда же убедил Чебрикова направить об этом записку в ЦК КПСС, и такая записка была отправлена.

В середине июня с возвращением из Кабула маршалов Соколова и Ахромеева с ними встретился генерал Матросов, рассказал о поручении председателя КГБ и получил их согласие с подготовленным вариантом предложений. Однако спустя несколько дней мне позвонил

маршал Ахромеев и уточнил, что документ по поводу усиления афганских погранвойск следует разработать совместно с Генштабом (думаю, это была реакция на нашу записку в ЦК).

Я ответил Сергею Федоровичу, что мы готовы к такому участию, но наш вариант предложений уже рассматривался председателем КГБ, им одобрен (В. М. Чебриков вместе с В. А. Матросовым находились в это время в Восточном погранокруге), и мы хотели бы основные из них сохранить. Сергей Федорович с этим согласился, и вскоре совместный вариант предложений был подготовлен, но недоставало предложений аппарата главного военного советника в Кабуле. Они вскоре поступили, но касались в основном дальнейшего укрепления афганской армии. Пограничные же части предлагалось усилить оружием — ДШК (а их было достаточно) и ввести в штаты погранбатальонов санитарные взводы. Мои товарищи в Генштабе согласились, что ситуация с решением этой проблемы выглядит нелепо (особенно на фоне предложений ГВС), но рекомендовали обсудить ее по завершении стратегического КШУ «Запад-84», где находились руководители Минобороны и генерал В. А. Матросов. Однако в конце июня из Кабула поступил утвержденный ГВС план развития вооруженных сил ДРА на 1984–1985 гг., и в нем все усиление погранвойск ограничивалось формированием ремонтно-восстановительного батальона, роты СН (при ГУПВ в Кабуле), резервных, инженерных и учебных рот в погранбригадах.

Словом, основные предложения, согласованные в Генштабе, и на этот раз были проигнорированы. Что, к сожалению, становилось правилом.

Летом 1984 г. мятежники в Афганистане, изрядно потрепанные в боевых столкновениях с правительственными силами и частями ОКСВ, наверстывали упущенное, что называется, в информационной войне.

В ней главную скрипку играли западные службы и специалисты, а информация подавалась в основном из так называемых «освобожденных моджахедами районов». В тот период английская газета «Гардиан» публиковала статьи своей журналистки, которая якобы в течение восьми недель в составе одной из групп мятежников прошла сотни километров «с фотоаппаратом и автоматом Калашникова». «Радио Свобода» было более изобретательным. Один из его сотрудников регулярно вел передачи в форме интервью с главарями мятежников, будто бы совершивших рейды на советскую территорию. В одной из передач (весной 1984 г.) руководитель «отряда» рассказывал, как они совершали якобы переход советско-афганской границы, атаковали и разгромили советский пограничный пост, уничтожили более десяти пограничников и с богатыми трофеями вернулись обратно. Все чаще, чтобы привлечь внимание мировой общественности, сообщалось о применении советскими частями будто бы ядовитых газов и т. п.

В северных провинциях ДРА наша разведка наибольший интерес проявляла к районам провинций Тахар и Бадахшан, примыкающим к Панджшерскому ущелью. Поступала информация о вероятном нахождении там Ахмад-Шаха, бежавшего из Панджшера, но не оставившего надежды вернуться. Было известно, что ему удалось подчинить себе разрозненные отряды мятежников Фархадской и Джармской зон, а это означало, что борьба за контроль в Панджшере только разворачивается.

В июне погранвойска ДРА выставили дополнительно по одному батальону на границе с Пакистаном и Ираном. Этому предшествовали крупные операции с участием пограничных бригад и армейских частей по очистке от мятежников предстоящего района базирования этих батальонов и основных коммуникаций к ним. Однако не было гарантии, что с уходом основных сил, участвовавших в операции, эти батальоны не окажутся в изоляции, поскольку

мятежники были лишь вытеснены и имели возможность возвратится.

В июле убывал к новому месту службы (на Кавказ) генерал-майор Г. А. Згерский. Конечно, это перемещение было оправдано: с 1980 г. он находился в воюющем, по сути, округе, да и на Кавказе (он там вступал в командование округом) граница была не из спокойных. Геннадий Анатольевич за эти годы в САПО, что называется, врос в обстановку, прочно освоился не только с пограничными делами, но и с местной спецификой, был уважаем и авторитетен среди руководства республик Средней Азии, а также властей приграничных провинций ДРА. А это многое значило. Но для нас в штабе и оперативной группе ГУПВ авторитет генерала Згерского определялся еще одним критерием — он был удачлив в операциях, которые возглавлял, удачлив потому, что был хорошим организатором, профессионалом. Словом, он был тут нужен. Но решение состоялось, и тогда же в командование Среднеазиатским погранокругом вступил генерал-майор В. И. Шляхтин. Потомственный пограничник, прошедший на Кавказе и в Средней Азии все основные командно-штабные должности, он после окончания Академии Генштаба был начальником оперативного управления штаба погранвойск и принимал самое непосредственное участие в разработке многих мероприятий по Афганистану. Владимир Иванович знал специфику Центральноазиатского региона, был человеком долга, большой ответственности, и это внушало уверенность в том, что действия наших подразделений в ДРА, как и дела с охраной границы в округе, будут успешными.

К этому времени наши подразделения размещались в Афганистане в 37 постоянных и временных пунктах дислокации. Участвуя в совместных с армией и самостоятельных операциях, рейдах, засадах и других оперативно-боевых действиях, они довольно плотно контролировали зону

своей ответственности на севере (из 47 уездов и волостей в 45 надежно функционировали местные органы власти).

И в этом, думается, серьезная роль принадлежала пограничной разведке. Понимание этой роли пришло к нашим командирам (особенно молодым) и руководителям штабов в Афганистане после первых же серьезных столкновений с мятежниками. Многим стало ясно, что пограничная разведка в охране границы (в обычных условиях) и в оперативно-боевых действиях в ДРА — далеко не одно и то же.

При втором варианте роль войсковой разведки, особенно в операциях, резко возрастала. Проблема же оптимального применения традиционных разведывательных средств — воздушных, технических, агентурных — не ограничивалась лишь анализом добытой информации о состоянии и замыслах мятежников. Важной стороной деятельности разведки становилось изучение взаимоотношений в среде главарей мятежников, уровня враждебности между их формированиями различной ориентации (умелая реализация своевременной и объективной информации об этом, как правило, приводила к прекращению боевых действий некоторыми формированиями). Так что переучиваться приходилось на ходу не только командирам и штабам, но и самим разведчикам.

Не побоюсь сказать здесь, что пограничной разведке тогда повезло с руководителем. Владимир Иванович Шишлов — заместитель начальника погранвойск КГБ по разведке (он же начальник Разведывательного управления ГУПВ) очень много и полезно занимался в ту пору афганскими делами. Опытный руководитель-профессионал, хороший аналитик, он объективно оценивал ситуацию, непосредственно участвуя в разработке наиболее серьезных мероприятий по Афганистану. Хорошей опорой в этих делах были его заместители, генерал-майоры Г. А. Лопухов и Ю. А. Усенко. Умелыми организаторами разведки в Среднеазиатском и Восточном погранокругах в раз-

ное время той афганской кампании были генералы А. А. Артыкбаев, А. Х. Халиков, Б. Н. Агапов, В. В. Рожков, В. А. Саидгареев, Е. С. Давыдов. Их опыт (особенно при действиях в зонах военных конфликтов), уверен, и сегодня представляет большую ценность для молодого поколения разведчиков.

Но вернемся к делам афганским.

События показывали, что мятежникам удается в сжатые сроки восстанавливать боеспособность разгромленных или понесших потери формирований и даже свою «партизанскую» инфраструктуру. В августе их формирования (пока еще мелкие) опять появились в Панджшерском ущелье, завязывая боевые действия с местными гарнизонами. Наибольшая активность мятежников отмечалась в приграничных провинциях Кунар, Нангархар и Пактия, а также в районах, примыкавших к Панджшерскому ущелью. Сосредоточение их групп в Куфабском ущелье вновь заставило наше командование начать там операцию тремя мангруппами. Частные операции в это же время проводились в районе Агча (зона газопровода) и на окраинах Ташкургана.

У командования САПО имелась информация о намерении одного из бандформирований обстрелять реактивными снарядами советскую территорию на участке Московского погранотряда (снаряд запускался с небольшого станка, при малой точности имел довольно высокую, более 10 км, дальность стрельбы). В первой декаде августа такими снарядами (они в основном доставлялись из Пакистана) был обстрелян волостной центр Чахи-Аб (недалеко от нашей границы). В целях срыва готовящегося мятежниками обстрела по двум выявленным их базам был нанесен ракетно-бомбовый удар вертолетами. Одновременно начата подготовка к операции, где, как и всегда, большая роль отводилась авиации (воздушная разведка, высадка десантов, нанесение огневых ударов и др.).

По докладам наших представителей из Кабула, там тоже резко обострилась обстановка: мятежники обстреляли в городе ряд объектов, провели несколько терактов, в том числе взрыв в аэропорту, в результате чего погибли и были ранены несколько десятков человек (в основном пассажиры).

Активность мятежников, получавших широкую поддержку из-за рубежа, побудила руководство КГБ (Чебриков), а на этот раз и Минобороны (Устинов), вновь вернуться к вопросам укрепления охраны границы ДРА (майская инициатива Б. Кармаля и В. Чебрикова, как выше уже говорилось, практически не реализовывалась).

Вскоре в соответствии с указаниями министра обороны (Генштабу) и председателя КГБ (ГУПВ и ПГУ) такой план был совместно разработан (разумеется, с учетом предыдущего) и утвержден (кстати, впервые!) маршалом Д. Ф. Устиновым и генералом В. М. Чебриковым.

План (на 1984–1985 гг.) содержал некоторые меры по усилению возможностей 40-й армии по прикрытию отдельных участков афганской границы (оснащение частей приборами ночного наблюдения, РЛ средствами, сигнальными линиями, средствами разведки и др.). Непосредственное же укрепление афганских погранвойск предусматривалось довольно скромным (такова была позиция Генштаба). В частности, имелось в виду: к лету 1985 г. довести их численность (к штатам) до уровня афганских армейских частей; не допускать дискриминации при их комплектовании личным составом (за счет отсева непригодных в армии); усилить пограничные части бронетехникой (по усмотрению главного военного советника на месте); в 1985 году дополнительно развернуть две погранбригады; создать закрытую связь в звене погранбригада — Минобороны ДРА; осуществить меры по укреплению органов пограничной разведки, усилению работы с племенами и некоторые другие меры.

При всей ограниченности этого плана, его реализация все-таки укрепила бы афганские пограничные части, и руководство КГБ и ГУПВ было с ним согласно. Вскоре с содержанием этого плана в Кабул (в адрес главного военного советника) ушла директива Генерального штаба, туда же для решения этих вопросов вылетел и генерал В. А. Матросов.

Накануне его вылета поступили предложения (из аппарата ГВС) о выделении некоторых подразделений 40-й армии (три батальона и несколько подразделений для выхода по обстановке) и афганских сил (одно подразделение от каждой дивизии) для прикрытия важнейших участков границы ДРА (главным образом на границе с Пакистаном). Мои товарищи в Генштабе считали эти меры чуть ли не прорывом в решении проблем защиты границ Афганистана. Но у меня на этот счет было иное мнение. Эти меры (в той ситуации), безусловно, какую-то часть проблемы решали, в том числе и в психологическом плане: афганские пограничники почувствовали бы реальную поддержку армии. Но эти меры были частичными и временными (а тогда мало кто из нас сомневался, что Афганистан — это всерьез и надолго), и реализовывались они с участием не подготовленных профессионально сил. При этом большинство привлекаемых подразделений оставались в пунктах прежней дислокации, далеко от границы (не развернешь же советские роты и батальоны на границе, к примеру, с Пакистаном), поэтому часть проходов и большинство участков на границе оставались открытыми. Не проще ли было выделить из афганской армии несколько частей и перевести их на пограничную основу?

До убытия В. А. Матросова в Кабул эти вопросы с ним обсуждались. Вадим Александрович был такого же мнения об эффективности данных предложений, но считал, что сейчас вряд ли можно рассчитывать на большее. Вскоре в Кабуле состоялась его встреча с Б. Кармалем (с учас-

тием нашего посла, главного военного советника и Наджиба — руководителя СГИ). Как и предполагалось, афганский лидер вновь начал с проблем охраны и защиты границы ДРА, считая, что они приобрели общегосударственный характер. Он негативно оценил ситуацию на границе с Пакистаном и Ираном и роль министерства обороны ДРА в этом. По его мнению, несмотря на ряд указаний руководства, так и не достигнуто настоящее взаимодействие в этом между Минобороны, МВД и СГИ ДРА. Он подчеркнул при этом, что эта проблема вскоре будет рассматриваться на политбюро и ЦК НДПА. Вадим Александрович кратко проинформировал Б. Кармаля о нашей оценке состояния охраны границы ДРА и оказываемой нами помощи (действия наших подразделений на севере ДРА, помощь советническая и материально-техническая, в подготовке офицеров-пограничников и др.). Кармаль высказал благодарность за эту помощь и, в заключение, сообщил о намерениях руководства ДРА приступить к формированию территориальных войск (в основном из племен, населяющих приграничные провинции).

Действительно, спустя некоторое время и на политбюро, и в ЦК НДПА пограничные вопросы были рассмотрены и принято решение о разработке общего (единого) плана прикрытия и защиты государственной границы ДРА. Словом, планов было громадье, а до реальных, эффективных мер дело не доходило. И это несмотря на то, что инициаторами этих мер, были, кроме Кармаля, и наши руководители КГБ и Минобороны. И все-таки причастность к нашим инициативам председателя КГБ Чебрикова давала нам повод надеяться на какое-то (пусть даже частичное) решение проблем.

Виктор Михайлович Чебриков — во многом последователь Ю. В. Андропова — на мой взгляд, в решении афганских вопросов был менее политизирован, не навязывал своих взглядов, был доступен и демократичен в обсуж-

дении наиболее острых проблем. Он много внимания уделял состоянию пограничных и оперативных подразделений КГБ, действовавших в Афганистане, неоднократно посещая их.

В конце августа завершалась операция наших маневренных групп в Куфабском ущелье (наверное, десятая по счету). Завершалась, как всегда сложно. Были потери. Мятежники, действуя мелкими группами на значительной территории, то исчезали, то встречали огнем из засад. Там же произошла трагедия с двумя пограничниками: будучи в составе боевого охранения, они отошли к горной речке искупаться, были захвачены и убиты. Еще один тяжелый урок беспечности и неорганизованности...

В начале осени произошла смена руководства Генштаба — вместо маршала Н. В. Огаркова — был назначен маршал С. Ф. Ахромеев. Сергей Федорович очень много занимался Афганистаном, хорошо знал ситуацию там и с новым назначением, естественно, возрастала его роль в решении этой проблемы.

Серьезные потери, понесенные мятежниками летом, не ослабили их активности осенью. И прежде всего, благодаря широкой политической и чисто военной помощи из-за рубежа. Основным ее плацдармом по-прежнему оставался Пакистан. Западные и пакистанские источники особо подчеркивали, что «вторжение советских войск в Афганистан повысило для Запада геополитическое значение Пакистана» (намек на то, что мирное урегулирование вряд ли выгодно США).

Имея всестороннюю поддержку, пакистанские власти активно наращивали группировку войск в районах афгано-пакистанской границы. С приближением к ней некоторых афганских частей начались инциденты: нарушения границы авиацией, «случайные» удары артиллерии по сопредельной территории и пр. Наши советники имели строгое указание — не допускать с территории ДРА каких-

либо неправомерных действий, и эта позиция в основном соблюдалась.

Напряженная обстановка возникла в приграничной провинции Нангархар, где мятежники блокировали ряд уездных центров и основные коммуникации. Имея тяжелое оружие, минометы, реактивные снаряды, они предприняли осенью 1984 г. массированные обстрелы мест проживания советских специалистов в городах Газни, Джелалабад, Баграм и др. Но особенно интенсивным обстрелам подвергались многие объекты в Кабуле, конечно, с большими жертвами среди мирного населения.

Вновь напомнил о себе Ахмад-Шах, не просто уцелевший в последней Панджшерской операции, но и сохранивший значительные силы. К тому же он сумел подчинить себе несколько десятков мелких, разрозненных формирований в районах, примыкающих к Панджшеру, поэтому, снова встал вопрос о проведении там операции.

Осенью 1984 г. советские и афганские части провели довольно успешные операции против мятежников в приграничных провинциях Герат и Балх, при этом мятежники понесли тяжелые потери, и обстановка здесь несколько стабилизировалась. Наиболее масштабной (и результативной, по оценке наших представителей) была операция частей 1-го армейского корпуса ДРА, царандоя и органов СГИ в Кабуле и его окрестностях. Здесь было ликвидировано более десятка различных бандформирований, разгромлены и захвачены их базы и склады, изъято большое количество оружия и боеприпасов.

Пограничные части ДРА основные силы привлекали для прикрытия караванных маршрутов через границу, частично участвуя в армейских операциях в приграничных провинциях (в районах Кандагара, Заболя, Ургуна и др.). В середине сентября засадой от роты «СН» 40-й армии и афганских пограничников в провинции Кандагар была перехвачена небольшая группа мятежников на ав-

томобилях, следовавших из Пакистана. В ходе короткого боя и поиска в числе пленных оказался француз А. Жак (так он себя назвал), якобы кинооператор и журналист. Разумеется, ему сложно было объяснить свое присутствие в такой «компании» (мятежники, оружие, боеприпасы и пр.).

Тем не менее, во Франции поднялся такой гвалт (даже французская компартия выразила свое возмущение), что спустя пару месяцев француза отпустили. А позже стало известно, что этот А. Жак играл важную роль в анализе информации по Афганистану и координации действий моджахедов.

В северных провинция ДРА в этом периоде наиболее масштабной и результативной была операция наших мотомангрупп Пянджского и Московского погранотрядов по ликвидации крупного формирования известного главаря Башира на направлении Чахи-Аб — Рустак. Операция завершилась полным разгромом банд формирования (около 100 человек убито, более 140 взято в плен, изъято более 100 автоматов и винтовок, почти два десятка пулеметов, минометы, реактивные снаряды и пр.). Но главарю и на этот раз удалось скрыться, и не было гарантии, что он тут вскоре не появится во главе новой банды.

Эти и другие операции были предметом обсуждения (конец сентября) на совещании у генерала В. А. Матросова. Анализ показывал, что в ходе этих и других оперативно-боевых действий наших мотомангрупп (иногда совместно с афганскими подразделениями) части мятежников, особенно главарям, удавалось уклоняться от ударов и захвата. Мятежники неплохо изучили нашу тактику, приспособились к ней (не говоря уже о довольно активной разведке). Однако наши действия почти не менялись, более того, часто носили прямолинейный характер, без элементов скрытности и внезапности действий. Отдельные командиры пытались ограничиться участием своих подраз-

делений в так называемых плановых операциях. И порой, даже получая достоверную информацию о появлении в зоне и ответственности мятежников, не применяли дерзких, неожиданных для них оперативно-боевых действий, а предпочитали пребывать в пунктах постоянной дислокации под усиленной охраной. На совещании рассматривались и другие вопросы совершенствования форм и способов наших действий в ДРА. Было решено внести некоторые коррективы в планы работы штаба, оперативной группы ГУПВ и командирской подготовки офицеров подразделений и оперативных групп, действовавших в ДРА.

В середине октября была проведена операция (южнее Меймене) мотомангрупп Тахта-Базарского погранотряда и подразделений 18-й афганской дивизии против крупного формирования мятежников. Операция прошла успешно.

В это же время на Памире случилась неприятность — на участке Хоргского погранотряда, на окраине одного из поселков взорвался полевой склад боеприпасов, несколько человек было ранено. Виновниками взрыва оказались сами часовые, неосторожно обращавшиеся с огнем. Событие было неординарным и туда направили для разбирательства группу офицеров ГУПВ.

При всей сложности ситуации в ДРА и наших действий там, прогнозы на осенне-зимний период 1984–1985 гг. наших представителей в Кабуле и офицеров ГУПВ, занимавшихся Афганистаном, были более-менее оптимистичны. Основания к тому имелись. Активные действия правительственных сил ДРА, частей ОКСВ и пограничных подразделений в северных провинциях летом и осенью нанесли серьезный урон мятежникам.

Инициирование руководством ДРА укрепления охраны и защиты афганских границ порождали надежду все-таки поправить пограничные дела. Об этом, кстати, вновь (и в довольно категоричной форме) заявил Б. Кармаль в

своем выступлении на ноябрьской научно-практической конференции Минобороны ДРА в Кабуле.

Неудовлетворенный работой руководства Минобороны (в том числе и его отношением к делам границы), он настоял на замене министра А. Кадыра (министром стал начальник Генштаба Н. Мухаммад) и более активно продвигал идею создания так называемых «территориальных сил» и специальных формирований (отрядов) СГИ. Но в этом «перетягивании каната» между руководящими лицами ДРА многое зависело не от них.

Наши пограничные представители в Кабуле считали, что погранвойска ДРА при восполнении их до штатной численности и некотором усилении (в том числе авиацией и бронетехникой) могли бы более надежно прикрыть практически все основные караванные маршруты и иные переправы на границе. А пока граница с Пакистаном охранялась четырьмя погранбригадами и двумя полками. Из действующих здесь 42 караванных маршрутов через границу прикрывались лишь 31 (многие из них лишь на какое-то время).

Граница с Ираном охранялась тремя погранбригадами, которые контролировали менее половины участка и 16 основных маршрутов и дорог через границу (из 19).

К осени немного выросла численность погранвойск (16,3 тыс. человек — 43% к штатам), улучшилось снабжение боеприпасами и продовольствием. Более результативной становилась деятельность пограничной разведки. Словом, силы погранвойск понемногу наращивались, но их явно не хватало для надежной охраны и защиты границ ДРА. К тому же некоторые погранбригады изначально были размещены далеко от границы, обросли за это время хозяйственными, техническими и другими объектами, отвлекая при этом значительные силы на различные охранные функции в провинциальных, уездных и прочих центрах (при наличии там царандоя и армейских подразделений).

Выдвинуть их ближе к границе было крайне необходимо, но на это требовались и время и деньги. Это относилось и к некоторым афганским армейским частям, привлекаемым (по замыслу руководства Минобороны) к прикрытию границы, но далеко от нее дислоцированным. Очень серьезной проблемой оставалось комплектование афганских пограничных подразделений. При общей укомплектованности чуть более 40% к штату (более низкой, по-прежнему, нежели в армии) их подразделения непосредственно на границе не имели и этого (обычно 25–30%). Из-за низкого качества призывников, тяжелых служебных и бытовых условий (частые перебои в снабжении самым необходимым) в этих подразделениях угрожающие размеры принимало дезертирство (в 1984 г. было призвано около 5,5 тыс. призывников, за это же время дезертировало более 2 тыс.человек). И это надо было поправлять в первую очередь.

Все мы в ГУПВ, кто занимался Афганистаном, понимали, что при возрастающей военной помощи мятежникам из-за рубежа (США выделяли в новом финансовом году 280 млн. долларов, почти столько же Саудовская Аравия и другие страны) отставание в развитии сил безопасности, включая погранвойска ДРА, чревато катастрофическими последствиями. Это подтверждалось реальной обстановкой на границе ДРА. Особенно сложной она оставалась в юго-восточных приграничных районах (Ургун, Хост и др). На ряде направлений возросли переброски из Пакистана караванов с оружием и боеприпасами. Имелись данные и о доставке к мятежникам американских переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер». Обстановка обострялась действиями пакистанских частей, выдвинутых к границе с ДРА. Кстати, этими действиями режим Зия-Уль-Хака убивал двух зайцев: оказывал давление на Афганистан и брал под военный контроль пуштунские племена, расселенные в своих приграничных районах, используя их в борьбе против Кабула.

Идея объединения сил мятежников усиливалась давлением американцев. В декабре намечалось провести в Пешаваре с этой целью «джиргу» главарей их формирований. Росла активность мятежников на коммуникациях. В конце ноября им удалось разгромить автоколонну (более 20 машин) с грузом на трассе Кабул—Кандагар.

Ситуация эта требовала изменения подходов к обеспечению безопасности ДРА и ведения борьбы с мятежниками. В частности, была необходима более продуманная и четкая координация действий всех силовых структур (наших и афганских) по прикрытию и защите наиболее активных участков границы и ведению операций в приграничных провинциях ДРА.

Это понимал и Б. Кармаль, высказавший нашим представителям мысль о возможной передаче этих функций (в зонах) нашим советникам, объясняя это слабой подготовкой афганского командования. К афганскому руководству, видимо, пришло понимание того, что с незащищенными границами Афганистан практически обречен.

Между тем реализация плана охраны и прикрытия границы ДРА с Пакистаном и Ираном, утвержденного в Москве Д. Ф. Устиновым и В. М. Чебриковым, продвигалась вяло, без ощутимых результатов. Об этом с тревогой сообщил генерал И. П. Вертелко, прибывший накануне в Кабул в составе группы маршала инженерных войск С. А. Оганова.

Вскоре (во второй декаде декабря) в Кабул вместе с генералом В. И. Варенниковым (первый заместитель начальника Генштаба) вылетел и генерал В. А. Матросов — тоже для ознакомления с ходом реализации этого плана и оказания помощи на месте. Спустя некоторое время от них поступило сообщение с выводами и предложениями по реализации плана. Сообщалось, в частности, о возрастающей оснащенности и тактике действий мятежников в ответ на наши попытки закрыть проходы на границе. Под-

черкивалось, что лишь присутствие в ДРА наших войск и их участие в боевых действиях не позволяет мятежникам завладеть инициативой.

Было названо количество соединений и частей 40-й армии и армии ДРА (включая ее пограничные части), участвовавших в прикрытии границы (при том, что многие из них, располагаясь далеко от границы, участвовали в ее прикрытии чисто символически).

Главной причиной невыполнения плана усиления охраны границы и низкой результативности действий силовых структур, по мнению авторов, является — отсутствие элементарной организаторской работы со стороны руководства ДРА по претворению в жизнь рекомендаций нашего советнического аппарата. Рекомендовалось усилить влияние на афганское руководство с тем, чтобы оно... и т. д.

Далее предлагалось, как и ранее, прикрытие границы с Пакистаном и Ираном организовать в 3 эшелона: в 1-м эшелоне — афганские пограничники; во 2-м эшелоне — части афганской армии; в 3-м эшелоне — некоторые части 40-й армии.

Предусматривалось также назначить в оперативных зонах компетентных афганских военных руководителей для координации действий всех дислоцированных там сил. Намечалось улучшить систему призыва, в первом квартале 1985 г. укомплектовать вооруженные силы ДРА (следовательно, и погранвойска) до 70% к штатам, ускорить техническое оснащение погранвойск.

При всех достоинствах этих предложений (они готовились аппаратом ГВС) все-таки возникали некоторые вопросы. О том, что афганское руководство не всегда реализует свои (и предлагаемые ему) замыслы настойчиво и профессионально, знали многие, кто бывал в ДРА и общался с его руководством. Но решение этой специфической проблемы зависело в первую очередь от военного ру-

ководства и наших советников при нем. Или другое. Повысится ли надежность охраны и защиты границы от того, что мы назовем ее трехэшелонной, не производя соответствующей перегруппировки? Ведь реально никаких перемещений к границе (кроме некоторых афганских погранбатальонов) не предусматривалось. Не проще ли было сформировать несколько новых, боеспособных пограничных частей (разумеется, на базе и с помощью афганской армии) и развернуть их на неприкрытых и наиболее опасных участках границы? Эти вопросы мы обсуждали с Вадимом Александровичем по его возвращению из Кабула. Как опытный профессионал-пограничник, он понимал сомнительную целесообразность некоторых утвержденных предложений. Но будучи человеком дипломатичным и не желая ввязываться в дискуссии с их авторами, не возражал, полагая, что время и события заставят внести еще не одну коррективу в подобные планы.

Более полугода в Москве и Кабуле обсуждались, предлагались, менялись и корректировались различные планы и предложения по решению этой острой для ДРА проблемы с участием министров (МО и КГБ), их замов, Генштаба, аппарата ГВС и пограничных представителей при нем. Итоги же всех этих усилий (вскоре реальные события это покажут) оказались более чем скромными. В этом были, видимо, и наши ошибки, включая пограничных представителей. Нам не всегда хватало смелости и напористости в отстаивании целесообразных для дела замыслов и планов. Однако было и другое афганское направление, требовавший внимания — Среднеазиатский и Восточный погранокруга, группировка их подразделений в северных районах ДРА.

В декабре в районе стыка трех границ государств (СССР, Иран, ДРА) проводилась крупная операция наших мотомангрупп вместе с афганскими пограничниками. Операция намечалась давно. В этом районе при ак-

тивном участии спецслужб Ирана (и КСИР) было подготовлено несколько формирований мятежников общей численностью более 500 человек. Связь с ними и обеспечение всем необходимым осуществлялись через иранские жандармские посты, расположенные недалеко от афгано-иранской границы. Вылазки отсюда мятежников к Герату принимали угрожающий характер. Операция продолжалась более недели и закончилась ликвидацией основных банд-формирований (части мятежников удалось скрыться в Иране), очисткой района и выставлением афганской погранкомендатуры.

Накануне этой операции я с небольшой группой офицеров штаба находился в Среднеазиатском пограничном округе. Здесь, на Военном совете округа, обсуждались итоги года и отдельно результаты оперативно-боевых действий подразделений (мангрупп) округа в Афганистане.

Командование округа, руководители оперативной группы (В. И. Шляхтин, Р. В. Данилов, Б. Х. Халиков, В. Н. Смирнов, И. М. Коробейников) реально оценивали ситуацию в афганском приграничье и свои возможности. Но были вопросы для Центра, в том числе и штаба ПВ. Так, серьезной проблемой для маневренных групп в ДРА оставалось своевременное пополнение подготовленным личным составом при образовании некомплекта (ранения, болезни, отпуска и пр.), а округу было сложно со всем этим управляться (требовалось границу охранять).

На эффективности действий мангрупп по-прежнему отрицательно сказывалась слабая профессиональная подготовка части офицеров подразделений и оперативных групп, особенно прибывавших из других округов. Эту проблему усугубляли, как уже говорилось, попытки засекретить, ограничить доступ в эти подразделения офицеров штаба, боевой подготовки и других служб. Были упущения и в некоторых видах боевого обеспечения, особенно в инженерном, связанные с противоминной безопасностью.

В мангруппах округа в 1984 г. было обезврежено (в основном на дорогах) около 1200 душманских мин (в том числе иностранного производства), но в 70 случаях произошли подрывы на минах нашей техники, имелись и пострадавшие среди личного состава. Было очевидно, что меры по формированию для мангрупп инженерно-саперных взводов, подготовке инструкторов-кинологов и служебных собак пока недостаточны. Все это требовало дальнейшей проработки и принятия новых решений.

Завершался 1984 г., очередной год пребывания наших войск в Афганистане. Подводя итоги, советское и афганское военно-политическое руководство уже не называли его годом «окончательного» («решительного» и пр.) перелома в борьбе с мятежниками, как декларировалось ранее. Оценки были более сдержанными и серьезными. Приходило, видимо, понимание того, что наполеоновский принцип: «Главное ввязаться в бой», тут не срабатывает. К тому же ушли из жизни Ю. А. Андропов и Д. Ф. Устинов — главные вдохновители афганской кампании (и, естественно, уделявшие ей большое внимание).

В лагере противника оценки были разные. Штаб-квартиры мятежников и обслуживавшие их западные идеологические центры (различные «голоса», «союзы» и пр.), повышая свой рейтинг перед зарубежными «спонсорами», раздували мнимые победы над советскими и афганскими частями, предрекали скорый развал афганской армии и тяжелые потери для советских частей ОКСВ. В заявлениях некоторых главарей мятежников звучали идеи перенести военные действия на территорию среднеазиатских республик с обоснованием, что «на самом деле эта граница Советами охраняется не так сильно...» и т. п.

Более сдержанная и, пожалуй, объективная оценка давалась американскими и некоторыми западными центрами и службами. В отчете Госдепартамента США «Афганистан: 5 лет оккупации» подчеркивалось, что обе сто-

роны не добились своих основных целей, однако значительно изменили тактику действий (особенно части 40-й армии). Указывалось на достижение стабильности на севере ДРА и некоторую стабилизацию обстановки в центральных провинциях ДРА, чему способствовали якобы распри среди мятежников.

Считалось, что главным препятствием в достижении целей правительства ДРА по-прежнему будут противоречия в НДПА между халькистами и парчамистами. Предполагалось, что из-за непримиримости позиций сторон (ДРА и Пакистана) переговоры под эгидой ООН вряд ли в ближайшее время дадут какой-то положительный итог. Таким образом, делался вывод, что с учетом этих и некоторых других факторов ни правительственные силы (без значительного их укрепления), ни силы «сопротивления» пока не могут рассчитывать на достижение крупных успехов.

Уже традиционно конец года завершался новым экономическим соглашением между СССР и ДРА о реконструкции и строительстве ряда объектов в Афганистане, поставке различной техники и, как всегда, на основе кредита и безвозмездного оказания помощи.

ГЛАВА 5
Эскалация афганского джихада. Неусвоенные уроки

Победа является значительным источником позитивного опыта, но то же самое относится и к поражению.

Че Гевара

Новые инициативы руководства ДРА. Армейские планы прикрытия границы. Операция наших подразделений в Ташкургане. Борьба с караванами мятежников. Операция в горах Альбурз. Неблагоприятные перспективы «равновесия» сил в ДРА. Решение Политбюро ЦК о выводе ОКСВ из ДРА. Возросшая активность мятежников, их обстрелы советской территории. Операции наших подразделений в 1987–1988 гг. Итоги и неусвоенные уроки.

С началом 1985 г. последовали новые инициативы и решения руководства в Кабуле и Москве, касавшиеся ситуации в Афганистане. Надежды на миссию Кордовеса (ООН) из-за острых противоречий сторон были довольно призрачны и не обещали в ближайшее время примирения и прекращения конфликта. Более того, ДРА теперь требовала гарантий невмешательства не только с территории Пакистана, но и Ирана и Китая.

Становилось очевидным, что при возраставших масштабах военной и иной помощи мятежникам со стороны США и ряда других стран темпы роста экономики Афганистана (даже при некоторых позитивных результатах) в целом серьезно отстают от расходов на оборону и безопас-

ность. Увеличение дефицита госбюджета, а с ним вынужденная денежная эмиссия и другие непопулярные меры отрицательно влияли на социально-экономическое и, естественно, моральное состояние сельского, и городского населения ДРА. Проблему не решали и все более растущие расходы СССР на эту кампанию. В этой ситуации идея если не лишить, то серьезно ограничить поддержку мятежникам из-за рубежа (что называется, «перекрыть кислород») была, пожалуй, наиболее актуальной, и руководство ДРА, как и в истекшем 1984 г., не теряло надежды решить эту проблему.

В январе на специальном совещании в Кабуле по этим вопросам (участвовали члены политбюро ЦК НДПА, члены РВС, советские представители) Б. Кармаль заявил, что состояние охраны и защиты границы ДРА являются «вопросом жизни и смерти Апрельской революции», для чего необходимы усилия всех партийных и государственных органов власти, всех силовых структур республики. В качестве первоочередной задачи он предложил повысить численность погранвойск, хотя бы до 70–75% к их штатам. Предлагались и другие меры (работа с племенами, улучшение взаимодействия и координации в зонах и др.). Кармаль вновь затронул вопрос пересмотра стратегии борьбы с мятежниками, настаивая на перенацеливании основных правительственных сил из крупных городов на окраинные, приграничные районы, где мятежники наиболее активны и менее уязвимы.

Но эта идея не получила активной поддержки со стороны ГВС и других представителей, считавших, что обстановка в центральных провинциях и Кабуле не менее опасна и требует присутствия здесь войск. Почти в то же время афганский вопрос рассматривался и в Москве — на комиссии Политбюро ЦК (теперь уже без Андропова и Устинова). Комиссия отметила, что каких-либо заметных результатов в стабилизации обстановки в ДРА не достиг-

нуто и коренного перелома ситуации в пользу правительственных сил не произошло. Отмечая особую актуальность мер по укреплению охраны границ ДРА и участия в этом частей 40-й армии, записка комиссии констатировала невыполнение плана прикрытия по ряду вопросов (наличие открытых участков границы, доступных мятежникам). Признавая, что афганские пограничники по-прежнему имеют крайне низкую укомплектованность (30–40% к штату), указывалось на их слабую боевую активность («закрылись в гарнизонах и с мятежниками не воюют»). И вновь основными причинами такого положения объявлялись субъективизм, неорганизованность, нетребовательность афганского руководства и пр. Далее следовали трафаретные рекомендации общего характера (обратить внимание, повысить активность, усилить контроль и т. п.). Конечно польза от подобных решений была невелика.

С началом года в афганские войска поступил приказ министра обороны ДРА о прикрытии государственной границы. Его замысел, основанный на так называемом трехэшелонном построении этого прикрытия (о чем уже говорилось), мог лишь частично, на отдельных участках улучшить ситуацию на границе. В нем указывались зоны ответственности армейских соединений, принципы и задачи взаимодействия, задачи ВВС и др. В качестве же конкретных мер предусматривалось выдвижение (передислокация) под прикрытием армейских и пограничных частей трех погранбатальонов ближе к границе для контроля отдельных караванных маршрутов.

Реализация подобных мер была довольно сложной на афгано-пакистанской границе из-за высокой активности мятежников (с декабря 1984 г.), особенно на направлениях, выводящих к Кабулу. Так, выдвинутый в ходе операции 8-й погранбригады один из ее батальонов на хостинском направлении почти сразу же оказался в окружении

мятежников и нуждался в поддержке. Понадобились выдвижение в этот район армейских частей и несколько дней боевых действий, чтобы ослабить натиск мятежников. В последующем военное командование вынуждено было разместить (для поддержки погранбатальонов) полк «коммандос», тем не менее обстановка в этом районе оставалась сложной.

Аналогичная ситуация складывалась на границе провинций Нангархар и Кунар. Здесь, на караванных маршрутах из Пакистана к Кабулу велась упорная борьба. Теряя некоторые из них, мятежники меняли тактику — готовили специальные операции по проводке караванов, сопровождали их специально подготовленными группами, проводили отвлекающие действия и пр.

На афгано-иранской границе сложным было положение в приграничных провинциях Заболь и Герат. Обстановка в самом г. Герате и его окрестностях вызвала необходимость проведения здесь операции афганских армейских и пограничных частей с участием наших мотомангрупп — против крупного формирования мятежников известного главаря Туран Исмаила. В ходе операции мятежники понесли потери и часть их ушла в Иран.

Эти меры, а также прикрытие (либо минирование) ранее открытых для мятежников маршрутов на некоторое время стабилизировали здесь обстановку. Стала повышаться результативность пограничной разведки ДРА, особенно в получении упреждающей информации о перемещениях мятежников через границу.

Решением Минобороны ДРА 15-й погранполк (в Ургуне) развертывался в пограничную бригаду (9-я пгбр), намечалось формирование и еще одной бригады — для размещения в провинции Кунар. Но эти в общем-то нужные меры мало влияли на укрепление охраны и защиты границы: повсеместное дезертирство при крайне ограниченном призыве не способствовали укреплению афганских

пограничных частей и подразделений. В этом плане (призыва и пополнения) в ДРА более благополучно выглядели лишь части и подразделения царандоя: его численность быстро росла и составляла 90 тыс.человек. О причинах не говорили, но они были: в этих формированиях были лучшие условия расквартирования, быта и самой службы (кстати, они частично комплектовались за счет дезертиров из армии). Казалось бы, создавались силы, могущие со временем взять на себя основную задачу по борьбе с мятежниками. Но из-за целого ряда факторов (в том числе и субъективных) царандой так и не утвердился в этой роли.

Действия наших мотомангрупп в январе—феврале 1985 г. в основном ограничивались плановыми операциями. После операции южнее Зульфагара (стык границ трех государств) там частично оставались наши и афганские подразделения, которые проводили разведку и отдельные оперативно-боевые действия (засады, рейды и пр.). В районе Новобад (против участка Московского погранотряда) была успешно проведена операция по окружению и ликвидации крупного формирования мятежников. При этом было захвачено более 60 пленных, значительное количество оружия и боеприпасов. Еще одно формирование мятежников (более 100 человек) было ликвидировано в районе к. Калай-Заль (против участков Пянджского и Термезского погранотрядов). В этой операции участвовали две мотомангруппы и батальон царандоя. На афганском Памире подразделения Восточного погранокруга готовились к операции против объединенных групп мятежников, пытавшихся овладеть Коран-О-Мунджаном — важным пунктом в афганском Припамирье.

С началом марта наиболее активные действия проводились мангруппами Тахта-Базарского погранотряда с участием афганских ополченцев против крупного формирования мятежников северо-западнее г. Калай-Нау. В этой

операции широко применялась авиация для подавления огневых точек душманов и высадки десантов. Мятежники оказывали упорное сопротивление, но были разгромлены. У нас подорвался на мине БТР, несколько человек получили ранения и контузии.

Почти одновременно проводились операции мотомангруп Пянджского и Термезского погранотрядов по ликвидации установленного бандформирования в районе Имамсахиба и очистке окрестностей порта Хайратон от просочившихся сюда групп мятежников. В последующем наши мангруппы участвовали в операции 18-й афганской пехотной дивизии севернее Мазари-Шарифа и в районе г. Балх. И здесь мятежники понесли ощутимые потери и были рассеяны.

В марте состоялись похороны К. У. Черненко, и с приходом к руководству страной М. С. Горбачева вместе с «новым мышлением» и обещанной «перестройкой» появились надежды на благоприятный исход афганской кампании.

Однако на Западе прогнозы по этому поводу были иными. На специальных слушаниях «рабочей группы по Афганистану» в Конгрессе США (март 1985 г.), признавая «некоторое укрепление общих позиций СССР в Афганистане» за последние два года и повышение эффективности операций и боевых действий советских и афганских частей, комиссия отмечала, что афганская армия так и не стала реальной силой, способной самостоятельно справиться с мятежниками. Подчеркивалось, что она становится все большим источником пополнения мятежников оружием и бойцами за счет дезертиров. В заключение констатировалось, что считать Афганистан «советским Вьетнамом» было бы заблуждением, но и было бы ошибкой ожидать там «советский триумф» в ближайшее время. Так что прогнозы делались на затяжную кампанию. Однако дело не ограничивалось только подобными прогнозами. В том же месяце последовало обращение президента США

Р. Рейгана к нации и народам других стран с провозглашением 21 марта «Днем Афганистана» и призывом усилить поддержку моджахедам в ДРА. По оценкам аналитиков, рост денежных поступлений из США, Саудовской Аравии, ряда других стран для афганских мятежников уже к середине 1985 г. составлял около 1 млрд. долларов (кстати, вскоре после этого мятежники стали устанавливать повышенные денежные премии за подбитые боевые машины, вертолеты, убитых советских военнослужащих).

Все это, безусловно, усиливало активность мятежников. Несмотря на попытки правительственных сил и пограничников прикрыть караванные маршруты на границе, количество перебрасываемых в Афганистан людей, оружия, грузов все возрастало.

Тогда же вновь обострилась обстановка в Нуристане (Асмар, Барикот, Асадабад и др.), откуда объединенные силы мятежников пытались создать «коридор» в Панджшерскую долину, центральные районы (Кабул) и в провинцию Нангархар.

В 20-х числах марта мятежники совершили нападение на колонну транспортных машин с боеприпасами и горючим в районе перевала Саланг. Они взорвали и сожгли несколько десятков машин, были значительные потери среди наших военнослужащих.

На XV пленуме ЦК НДПА (март 1985 г.) в Кабуле в числе первоочередных военных задач вновь выдвигалось — усиление охраны и защиты границы, принятие самых энергичных мер для укрепления погранвойск ДРА. Но, как и ранее, все это оставалось лишь декларацией: афганские силовые структуры (Минобороны, МВД, СГИ), опекаемые нашими советниками, строго соблюдали ведомственные интересы. Наибольшие боевые нагрузки по-прежнему выпадали на афганские пограничные части, прикрывавшие афгано-пакистанский участок границы, особенно в зоне ответственности 8-й и 2-й погранбригад, блокиро-

вавших важный караванный маршрут № 16 и подступы к г. Хосту.

На афгано-иранском участке в это же время 4-я и 7-я погранбригады совместно с армейскими частями проводили операцию в приграничных провинциях Фарах и Нимроз по очистке от мятежников некоторых участков границы и их прикрытию. К концу марта стабилизировались обстановка и в районе порта Хайратон, очищенном от мелких групп мятежников.

В этот период в соответствии с планом начиналась крупная операция в г. Ташкурган и его окрестностях (против участков Пянджского и Термезского погранотрядов) по ликвидации нескольких формирований мятежников. К операции привлекались значительные силы: две пограничные мотомангруппы, авиационный полк САПО, части Душанбинской мотострелковой дивизии, части и подразделения афганской армии, царандоя и органы СГИ. Руководил операцией начальник войск САПО генерал-майор В. И. Шляхтин. Наибольшее сопротивление мятежники оказывали юго-западнее города. Для ударов по выявленным объектам и целям привлекались авиация, боевые вертолеты и минометные батареи. В самом городе поиск схронов и прочесывание районов вероятного нахождения душманов вели афганские подразделения и оперативные группы СГИ (наши мангруппы в основном выступали в качестве заслонов на окраинах города).

В целом операция прошла успешно. Было уничтожено около 300 мятежников, около 150 взято в плен (в том числе несколько главарей), изъято более 450 единиц различного оружия, 26 ДШК, несколько минометов, большое количество боеприпасов. У нас погибли два пограничника, несколько человек были ранены, повреждено два вертолета (экипажи не пострадали).

В этой операции (в городе) довольно эффективными были действия афганских оперативных групп СГИ, кото-

рые накануне сумели добыть достоверную информацию о многих местах нахождения и укрытия (схронах) мятежников. Думается, что эта операция по своему замыслу, составу привлекаемых сил и средств, характеру их действий заслуживает особого внимания. Во время этой операции (она завершилась в первых числах апреля) большая группа мятежников была обнаружена непосредственно у границы (против участка Московского погранотряда) — в пойме Аму-Дарьи, на большом острове Даркад. Резервов поблизости не было и пришлось срочно перебрасывать в этот район несколько застав, авиацию и другие средства поддержки. Их действиями остров был очищен, мятежники рассеяны.

Анализ данных нашей разведки и оценки представителей в Кабуле однозначно подтверждали, что расширение поддержки мятежников из-за рубежа (прежде всего — материально-финансовой и военной) приведет к новой эскалации боевых действий в ДРА.

Еще в марте при активном участии американских спецслужб в Пешаваре (Пакистан) было достигнуто соглашение между основными группировками мятежников о создании политической организации — «Союза 10» и формировании из его представителей так называемого «Правительства Афганистана в изгнании». Обсуждался вопрос и о создании «освободительной зоны» в одной из приграничных провинций ДРА.

В качестве основного района такой зоны был определен Нуристан (провинция Кунар). Отсюда планировалось развивать боевые действия через Барикот и Асадабад в направлении Джелалабад — Кабул.

Наиболее активные и масштабные действия мятежников в этом периоде были развернуты в восточных, юго-восточных и южных приграничных провинциях. Несмотря на прикрытие правительственными силами части караванных маршрутов, мятежникам все же удавалось, ис-

пользуя многие неприкрываемые участки границы, просачиваться своими отрядами и караванами через границу.

Получая самое современное оружие (мины различной модификации, противотанковые средства, средства ПВО, связи и управления), они повышали боевую активность, совершенствовали тактику своих действий. В этом периоде крупные операции (с участием афганских пограничников) проводились в провинции Кунар (обе стороны понесли большие потери) и в провинции Гильменд. С наступлением весны командованием афганских погранвойск продолжались мероприятия по прикрытию караванных маршрутов и других уязвимых участков границы. Из-за отсутствия достаточных войсковых сил широко применялось минирование, но оно лишь на какое-то время закрывало проход.

В апреле завершилось формирование управления 10-й погранбригады и оно было выведено на границу в провинцию Кунар. Некоторые авторы, участники тех афганских событий считают, что к весне 1985 г. погранвойска ДРА были усилены, что якобы серьезно улучшило их служебно-боевые возможности. И тогда, и сейчас не могу с этим согласиться. Весной 1985 г. они имели: около 20 тыс. личного состава, 70 танков, 220 бронетранспортеров, более 450 минометов, 800 автомобилей и пр. Казалось бы, силы немалые, но каковы они были в сравнении с той реальностью?

Весной 1979 г. этих сил, видимо, было достаточно (что мы тогда и предлагали руководству ДРА), чтобы более-менее надежно прикрыть наиболее активные участки границы ДРА. Но ситуация коренным образом изменилась. Граница с Пакистаном и Ираном (более 3 тыс. км) стала, по сути, воюющей. На такой границе погранзаставы или роты (по-афгански), серьезно усиленные, могли контролировать участки границы протяженностью не более 2–3 км.

Следовательно, для надежной охраны и защиты границы Афганистана требовалось, как минимум, тройное увеличение существовавших тогда у пограничников сил и средств. Они имелись в афганской армии и царандое, но решение о пополнении ими погранвойск даже теоретически не рассматривалось.

Обстановка на границах ДРА той весной 1985 г. оставалась наиболее сложной на направлениях, прикрываемых 2, 3, 6 и 8-й погранбригадами. За первую половину мая месяца пограничные части ДРА участвовали в семи операциях, провели более 300 оперативно-боевых действий (засады, рейды и пр.). При этом было уничтожено более 30 нарушителей границы, захвачено более 100 нарушителей и пленных мятежников, один караван, семь ДШК, значительное количество оружия и боеприпасов. Но это не обеспечивало даже минимальной защиты границ ДРА. Находившиеся там в мае генералы В. И. Варенников (от Генштаба) и И. П. Вертелко (от ГУПВ КГБ) сообщали, что утвержденный руководством Минобороны и КГБ план прикрытия границы по целому ряду намеченных в нем мер, особенно в части привлечения армейских частей и подразделений не выполняется. Казалось бы, подобные оценки могли помочь укреплению афганских погранчастей, но мы не строили иллюзий, зная ситуацию в Кабуле. В северных провинциях ДРА этот период характерен был локальными оперативно-боевыми действиями наших пограничных подразделений.

В районе стыка границ трех государств наши четыре мотоманевренные группы совместно с афганским батальоном рейдовыми действиями пытались ликвидировать вновь просочившиеся в этот район группы мятежников. Те уклонялись от боевых столкновений, укрывались на иранской стороне, а затем появлялись снова.

Против участков Пянджского, Термезского и Московского погранотрядов обстановка в целом сохранялась ста-

бильной, здесь велись частные оперативно-боевые действия по отдельным разведданным.

Сложная, затяжная операция проводилась в мае подразделениями Восточного погранокруга совместно с афганскими подразделениями и органами СГИ в районе ущелья Вархад (против участка 66-го Хорогского погранотряда). Мятежники, мелкими группами проникшие непосредственно в приграничную полосу, неоднократно обстреливали на границе наши пограннаряды и даже местных жителей приграничных советских кишлаков, несколько человек были ранены. Операция проводилась в сложных горных условиях последовательным занятием и очисткой отдельных участков и кишлаков. К исходу второй недели операции сопротивление мятежников резко возросло, но огневыми средствами оно было подавлено. Понадобилось еще около двух недель, чтобы окончательно очистить весь район операции.

Во второй половине апреля большая группа офицеров штаба, управлений и отделов ГУПВ работала в Среднеазиатском пограничном округе, в том числе в подразделениях, находившихся в северных провинциях ДРА. Этот выезд назревал давно: оттуда все чаще поступали тревожные сигналы о серьезных проблемах во многих подразделениях. Необходимость разобраться в них и по возможности поправить ситуацию взяла вверх над ставшей устойчивой тенденцией закрытости. Итоги работы, как и предполагалось, были неутешительными: в пограничных отрядах серьезно ухудшились дела с организацией службы, состоянием дисциплины и воинского порядка. Частыми становились перебои в снабжении, обеспечении личного состава застав и мангрупп порой самым необходимым. Снижалось качество подготовки личного состава и офицеров.

Теперь всем в ГУПВ становилось ясно, к чему привели надуманные ограничения работы офицеров Центра в ок-

руге, попытки оценивать части и подразделения САПО иными критериями — упрощенными. Командир отвечает за все, что происходит в его подразделении, части. Это неоспоримо. Но тогда, думается, мы поступили верно, признав и себя причастными к вскрытым проблемам и недостаткам. И дело было не только в отстраненности отделов и служб ГУПВ (кроме малочисленной Оперативной группы) от оперативно-боевой деятельности, службы и быта подразделений САПО и ВПО в Афганистане.

САПО, например, одновременное решение двух сложнейших задач — охрана государственной границы и оперативно-боевые действия в Афганистане — давались очень трудно. Его положение можно было облегчить еще с первого года афганской кампании — при более серьезном укреплении управленческих и тыловых структур округа и, конечно, повышенном внимании Центра к вопросам обеспечения округа всем необходимым, подготовки и воспитания личного состава. Думается, эта проблема не столько прошлого, сколько настоящего и будущего пограничных формирований, действующих в зоне вооруженных конфликтов.

Но вернемся к афганским делам тех дней.

События летом 1985 г. не давали оснований рассчитывать на скорое прекращение конфликта. Четвертый раунд афгано-пакистанских переговоров в Женеве при участии личного представителя Генерального секретаря ООН Кордовеса вновь закончился безрезультатно: пакистанцы требовали не просто вывода из ДРА советских войск, но и график этого вывода. Что, естественно, не устраивало ни советское, ни афганское руководство.

Несмотря на острые противоречия между политическими группировками мятежников, американцы не оставляли попыток их объединить: с развалом очередных «союзов» возникали «альянсы» и все начиналось заново. К объединению потенциальных союзников (разумеется, под своими лозунгами) стремилось и правительство ДРА.

В конце апреля в Кабуле прошла широко рекламируемая правительственными СМИ Лой Джирга. Небывалая по количеству делегатов (более 1700 человек) и представительству (были делегаты и от пуштунских племен, расположенных в Пакистане), она поддержала все основные цели правительства и высказала одобрение присутствию советских войск в Афганистане. Однако все эти бодрые резолюции и оценки, что становилось уже привычным, практически мало влияли на укрепление органов власти на местах.

Неспособность противоборствующих сторон активно реализовать свои политические цели и замыслы объективно создавала неустойчивое равновесие в боевых действиях между правительственными силами и мятежниками.

В июне обострилась ситуация на подступах к г. Хосту (провинция Пактия) и в ряде центральных провинций. Вновь начались боестолкновения в долине Панджшер с отрядами Ахмад-Шаха.

В этом же месяце у нас в Центре состоялось заседание Военного совета погранвойск по афганским проблемам. Обсуждались меры по повышению эффективности оперативно-боевых действий пограничных подразделений в северных провинциях ДРА (докладывал генерал И. Г. Карпов). Основания для серьезного разговора были: в силу разных причин (объективных и субъективных) действия многих подразделений были недостаточно эффективными. В условиях их распыленности (около 50 мест дислокации) не удавалось организовать повседневную и активную разведку, профессиональную подготовку офицеров и боевое сплачивание подразделений. Жестко централизованная система планирования из Центра не всегда способствовала выработке оптимальных замыслов предстоящих операций, учету реальной ситуации в районе предстоящих действий. Обсуждались и другие причины, снижавшие эффективность оперативно-боевых действий пограничных подразделений в ДРА.

Это обсуждение и решение Военного совета, думается, было весьма полезным для наших будущих действий в ДРА. Оно было важным еще и потому, что совершенствовалась тактика действий мятежников, она становилась более организованной, целеустремленной. При этом возрастало их внимание к разведке, организации материально-технического обеспечения, отдельным вопросам оперативной маскировки. Но, пожалуй, наибольший интерес представляла тактика минной борьбы мятежников (что, кстати, в полной мере проявилось в Чечне). Их активность на коммуникациях (минирование, засады, разрушение участков и пр.) подкреплялась поставками из-за рубежа новейших минно-взрывных средств: противотанковых, противотранспортных и противопехотных мин, взрывчатки, средств подрыва. Менялись и способы применения минно-взрывных средств, они становились более избирательными, целенаправленными. При этом главари бандформирований придерживались «тотальных» способов их применения в городах и других населенных пунктах, используя в местах наибольшего скопления людей — на рынках, в дуканах, школах и даже в мечетях. Подготовка мятежников-минеров специалистами из США, некоторых арабских стран, Пакистана и Китая способствовала ухищренным тактическим и техническим приемам применения минно-взрывных средств. Возрастали и масштабы их применения. Так, если в 1983 г. инженерно-саперными подразделениями САПО было обезврежено немногим более 400 мин и фугасов, то в 1984 г. — 1300, а за первое полугодие 1985 г. — более 2200.

Теперь мятежники более часто минирование коммуникаций сочетали с устройством засад, иногда крупными силами. Широкое применение находили и мины-ловушки в виде бытовых вещей, предметов, могущих привлечь внимание наших военнослужащих. Все это, конечно, требовало корректив в технической и профессиональной подготовке наших подразделений.

Наиболее важным событием лета 1985 г. стала крупная операция с участием наших подразделений в горах Альбурз — юго-западнее Мазари-Шарифа (против участков Термезского и Керкинского погранотрядов). Проводилась она в целях ликвидации формирований мятежников, обосновавших свои базы в этом горном районе. В операции участвовали наши мангруппы, подразделения афганской армии, царандоя и оперативные группы СГИ. Руководил операцией заместитель начальника Оперативной группы САПО полковник И. М. Коробейников.

На первом этапе афганские подразделения проводили частные операции в «зеленой зоне», вытесняя мятежников в горы. Второй этап начинался ударами авиации и артиллерии по основным базам и другим объектам мятежников в горах. Затем следовали высадка десантов и выход наших пограничных подразделений на рубежи прикрытия. Замысел операции с учетом всех факторов обстановки (и специфики горного участка) был достаточно продуман и это обусловило успех операции. Тем не менее мятежники оказывали яростное сопротивление, особенно при десантировании подразделений.

Операция завершилась ликвидацией в этом труднодоступном районе горных баз душманов с большими для них потерями. При этом было захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Операция нелегко далась нашим подразделениям, особенно авиаторам. Здесь, как и в других операциях, мобильность, внезапность действий подразделений решали многое. А десантирование с вертолетов в горах (часто под огнем душманов) — дело весьма опасное. Тем более в условиях ограниченной разведки маршрутов полетов и предполагаемых районов высадки.

В первые же дни операции было потеряно (подбито) два вертолета, экипажам удалось спастись. Но третий вертолет, получивший повреждение, взорвался в воздухе, погибли командир вертолета и второй пилот. Погибшие лет-

чики и останки вертолета оказались в зоне обстрела душманов. Понадобилось большое мужество группы пограничников во главе с офицером Н. С. Резниченко, чтобы достать и вынести оттуда тела погибших.

Для Николая Семеновича Резниченко это была не первая операция. В те годы он неоднократно участвовал в боевых действиях в ДРА, был тяжело ранен. Его боевой опыт был востребован позднее в Таджикистане, где он командовал группой погранвойск в РТ, а затем ряд лет руководил Главным штабом ФПС.

События в афганском приграничье показывали, что несмотря на частные, тактические успехи наших пограничных подразделений и правительственных сил ДРА, добиться заметной стабилизации обстановки, закрепления местных органов власти на местах не удавалось. И такая ситуация наблюдалась в большинстве регионов Афганистана. Не удавалось перехватить инициативу и мятежникам, несмотря на возрастающую поддержку из-за рубежа: мешало, главным образом, соперничество их главарей и группировок. Отдельные же попытки объединения их сил (обычно под давлением американцев) пока носили временный, эпизодический характер и к серьезным военным успехам не приводили.

И все-таки такое «равновесие» противостоящих сил было не в нашу пользу: при нарастании потенциала мятежников афганская кампания становилась все более обременительной для наших войск и страны в целом. Не говоря уже о серьезных экономических затратах, росли наши потери в людях и технике. Жесткие требования из Центра о сбережении людей часто вызывали обратный эффект: командиры, боясь потерь (обычно из-за слабой подготовки подразделений), все чаще прибегали к оборонительной тактике — боевому дежурству в местах дислокации под защитой минно-взрывных и других инженерных заграждений. А это, естественно, способствовало повышению ак-

тивности мятежников, поэтому об успешном завершении кампании пока не могло быть и речи.

В СССР набирала обороты «перестройка», и наше (к тому же неудачное) участие в афганских делах вызывало острую критику не только за рубежом, но и в собственной стране. Но в руководстве и штабе погранвойск каких-либо намерений о свертывании наших действий в ДРА пока не было — все помнили указание Председателя КГБ: «Будем в Афганистане столько, сколько нужно» и вопросов не задавали. Напротив, даже планировали некоторое укрепление наших позиций в сопредельном афганском прикордоне. Но мне уже не довелось быть причастным ко всем этим, да и последующим афганским делам: летом 1985 г. после 9-летней работы начальником штаба погранвойск я был назначен начальником Высших пограничных командных курсов. Эта работа была тоже довольно ответственной, но Афганистан и все, что с ним тогда было связано, не забывались, и я, естественно, старался быть в курсе наших действий там. Тем более что «афганская» тематика была тогда довольно заметной в программе Высших курсов, где проходили переподготовку начальники погранотрядов, руководители отделов округов и другие старшие офицеры (включая и старших офицеров погранвойск стран Варшавского договора). Замечу, что в то время на Высших курсах работали генералы В. И. Константинов, А. С. Владимиров, полковники Н. Т. Будько, В. А. Кириллов, П. И. Янчевский и другие «афганцы», имевшие богатый опыт применения пограничных формирований в локальных конфликтах.

В 1985 г. у нашего руководства еще сохранялась надежда переломить ситуацию в ДРА в благоприятную сторону. В начале сентября вопросы дальнейшего укрепления охраны советско-афганской границы и совершенствования боеспособности пограничных подразделений, действовавших в ДРА, рассматривались на коллегии КГБ с

участием командования пограничных округов. Казалось бы, 5-летний опыт оперативно-боевых действий наших подразделений давал хорошие основания для серьезного, объективного анализа и выработки наиболее эффективных, решительных мер по стабилизации обстановки в зоне их ответственности. К сожалению, все ограничилось благостными, трафаретными заявлениями о высокой готовности нашей группировки в северных провинциях ДРА к последующим действиям и т. п.

Но афганская действительность не прощала неподготовленности и расслабленности. В ноябре во время рейда тяжелые потери понесла одна из мангрупп Восточного погранокруга в районе Гюльхана. И вновь основными причинами потерь были слабая разведка, незнание офицерами обстановки в районе предстоящего рейда, неумелые действия при нападении душманов из засад. Неудача и потери в Гюльхане вызвали острую оценку руководства КГБ, и, как водится, туда зачастили офицеры Главка и округа для исправления ситуации.

К исходу 1985 г. серьезные события произошли в ряде приграничных районов Пакистана на афгано-пакистанской границе («линии Дюранда»). Против населявших эти районы пуштунских племен, поддерживавших правительство ДРА, пакистанской армией были предприняты карательные акции. Результат был предсказуем.

Весной 1986 г. представители этих племен на джирге в Кабуле заявили о своей готовности вести с мятежниками борьбу и защищать юго-восточные границы Афганистана. Нужны были, как всегда, деньги, оружие и... организация. А этого по-прежнему не доставало ни нам, ни афганским властям.

Весной того же года в ДРА произошла смена руководства: вместо В. Кармаля Генеральным секретарем ЦК НДПА был избран Х. Наджибулла, бывший до этого руководителем службы безопасности (СГИ) ДРА.

Мне не приходилось встречаться с Наджибом, но по отзывам моих товарищей, его знавших, это был умный, волевой и довольно организованный руководитель, придерживавшийся разумных, взвешенных оценок и решений. Он, как и его предшественник Кармаль, понимал хроническую неспособность афганской армии вести борьбу с мятежниками и поддерживал линию на укрепление сил безопасности (царандой, органы и отряды СГИ и др.) Однако эти формирования, замечу сразу, по целому ряду причин так и не стали решающей силой в стабилизации обстановки в Афганистане.

В 1986 г., как и предыдущем, перед нашими пограничными подразделениями в ДРА ставились довольно активные задачи. Наряду с частными оперативно-боевыми действиями в зонах своей ответственности они периодически участвовали в крупных операциях совместно с другими частями и подразделениями.

Так, весной (апрель—май) подразделения Восточного погранокруга с участием армейских подразделений провели крупную операцию по очистке от мятежников Вардуджской долины, района, выходящего к центру афганского Бадахшана — городу Файзабаду. Операция проводилась за пределами зоны ответственности наших погранвойск и завершилась довольно успешно.

Поучительной (для оперативного искусства) и также довольно успешной была операция наших мотомангруп, проведенная осенью того же года с участием афганских подразделений царандоя против нескольких формирований мятежников в районах, примыкающих к Имамсахибу. Операция проводилась методом последовательного блокирования (в основном десантированием с вертолетов) отдельных районов и их очистки. При этом было ликвидировано три крупных формирования мятежников, захвачено значительное количество оружия и боеприпасов. Были проведены и другие, довольно успешные оператив-

но-боевые действия. И как всегда, при активном применении авиации (вертолетов).

В тех операциях и оперативно-боевых действиях, как и предыдущих, многое решалось личным мужеством и мастерством экипажей, действующих обычно на пределе возможного.

Вообще условия для любых полетов здесь были запредельными: высокогорные громады седых хребтов Гиндукуша, перевалы, глубокие каньоны и многокилометровые ущелья, обширные горно-пустынные районы и испепеляющая жара летом.

И везде — реальная опасность душманских огневых засад, для которых наши вертолеты всегда были заманчивой целью.

Надо заметить, что действия здесь наших летчиков в экстремальных условиях, на грани риска много раз бывали решающими в разгроме душманских формирований, часто выручали подразделение, попавшие в тяжелую ситуацию.

И вполне закономерно, что многие из них за высокий профессионализм и мужество, проявленные в боевых действиях в Афганистане, получили достойные награды, заслуженное признание в пограничных войсках и в нашей стране.

Среди них офицеры Ф. Шагалеев, В. Бобков, Н. Рохлов, Р. Фалеев, А. Евдокимов, В. Бикин, В. Стрельников, Б. Захаров, В. Жидков, В. Киселев, С. Клюев, Н. Романюк, В. Калиберда и многие другие, участие которых в тех операциях внесло много нового, полезного в развитие искусства применения пограничной авиации в подобных конфликтах.

Но «госпожа удача» не всегда была к ним благосклонна: в годы афганской кампании наши пограничники потеряли около 60 вертолетов (включая и потерпевшие катастрофу), при этом погибло более 50 летчиков, членов экипажей.

Основными базами, где формировалась и готовилась пограничная авиация для действий в ДРА на заключительном этапе были авиационные полки в городах Мары, Душанбе, Алма-Ата, а также авиагруппа Восточного погранокруга в к. Гульхана (на Пальмире). Здесь осваивали мастерство, приобретали боевой опыт летчики практически всех пограничных округов.

Но вернемся к событиям 1986 г.

В Москве в это время, как известно, бушевали парламентские страсти по поводу участия СССР в афганских делах. В печати, на телевидении множились выступления по поводу наших «неправедных» действий в ДРА, порой клеветнические в адрес советских военнослужащих, находящихся там. В этой кампании наши диссиденты и «демократы» тесно сомкнулись со специалистами зарубежных спецслужб и психологических центров, где подвизались и некоторые наши «отказники». Словом, атмосфера накалялась.

Вскоре (осенью 1986 г.) состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС по афганскому вопросу. Доклад маршала С. Ф. Ахромеева с констатацией безысходности пребывания наших войск в ДРА был принят во внимание, и последовало решение о выводе их оттуда в ближайшие два года (несколько частей были выведены ранее).

Надо заметить, что условия вывода наших войск из ДРА, рассчитанные на договоренность с США, Пакистаном и представителями Генерального секретаря ООН, ставили в сложное положение советские части ОКСВ и наших друзей в Афганистане. Подписав документы о прекращении огня и невмешательстве в дела ДРА, эти страны, как известно, продолжали поддерживать действия мятежных формирований, главари которых вообще не хотели признавать никаких договоренностей. К тому же решение советского руководства касалось не только вывода наших войск, но и означало свертывание всех наших

дел в ДРА, а следовательно, и позиций, столетиями отстаиваемых там Россией.

Отказ в поддержке афганскому руководству с нашей стороны (ограниченные поставки боеприпасов и горючего в ДРА в 1988–1989 гг., конечно же, всех проблем не решали) был использован мятежниками для активных наступательных действий. Но, забегая вперед, подчеркну, что правительство Наджибуллы, его органы власти в большинстве провинций и силовые структуры ДРА, даже лишившись всякой поддержки со стороны горбачевско-шеварднадзевского руководства, в одиночку еще несколько лет сдерживали натиск мятежников.

А потом, как известно, в Афганистан последовало вторжение другой волны мятежников — талибов (кстати, тоже взращенных спецслужбами США и Пакистана), потеснивших силы «Северного альянса» и захвативших Кабул. Они ворвались в миссию ООН, где находился Наджибулла, и учинили над ним зверскую расправу. Эта средневековая вакханалия, поощряемая Западом, прошла незамеченной в российском руководстве и наших СМИ (глава российского МИД в то время был занят улаживанием конфликта между израильтянами и палестинцами). По сути, это было предательство по отношению к нашим друзьям. Позднее Э. Шеварднадзе вынужден будет признать в одном из своих интервью: «...с Наджибуллой мы поступили безнравственно... Бросили его на произвол судьбы».

К сожалению, наши руководители бросили тогда на произвол судьбы тысячи афганцев, тех, кто в нас искренне верил и на нас надеялся. Так в Афганистане на много лет воцарился этап кровавых междоусобиц. Он тяжелыми последствиями отозвался на советско-афганской (потом — таджикско-афганской границе).

Разгул терроризма в Афганистане и поток оттуда наркотиков через Таджикистан в Россию нарастали. Смена режимов в стране (разгром талибов и приход ставленни-

ка американцев Х. Карзая) способствовали росту производства героина. В наши дни, по официальным заявлениям Госнаркоконтроля, доля производимых в Афганистане наркотиков на мировом рынке составляет около 76%, а на российском — 90%.

Уход российских пограничников из Таджикистана, видимо, еще серьезнее обострит эту проблему (сейчас на границе изымается лишь 15% общего объема перемещаемого из Афганистана этого зелья). Словом, как бы не ругали режим Тараки—Амина, но он не плодил террористов («Аль-Кайду», Усами бен Ладена и др.) и не позволял превращать свою страну в главного производителя и поставщика наркотиков в мире.

Упоминание об этом не является попыткой оправдать ввод наших войск в ДРА, тем более, подчеркнуть необходимость их дальнейшего пребывания там. Безусловно, вывод наших войск был нужен. Нужен потому, что, увязнув там, наша страна, как известно, несла потери в людях, несла огромные, разорительные для экономики расходы (по признанию советского руководства — 5 млрд. рублей ежегодно), вызвавшие экономический кризис, а затем и кризис политический. К сожалению, вывод наших войск из ДРА (как и ввод туда) и прекращение всякой помощи этой стране были основаны не на трезвом расчете и прогнозировании (в том числе интересов нашей страны на будущее) и опоре на международно-правовую поддержку, а на решениях больше эмоциональных, политически коньюктурных (в угоду Западу).

Последствия этого скажутся потом. А пока указание не проявлять активные действия в ДРА без команды из Центра получили и руководители нашей пограничной группировки. Однако наши сигналы к примирению лишь вызвали повышенную боевую активность мятежников. Их формирования быстро усиливались и все чаще проникали в районы, примыкающие к нашей границе. В марте 1987 г. они обстреляли реактивными снарядами наш при-

граничный райцентр Пяндж, наряды пограничников и группу местных жителей на участке Московского (117-го) погранотряда. Были убитые и раненые.

Обострение обстановки вынудило наше командование срочно усиливать заставы и отряды, охранявшие советско-афганскую границу, личным составом, артиллерией, другой боевой техникой. Мотомангруппам ставились задачи по ликвидации наиболее активных формирований мятежников в афганском приграничье.

Этот период (1987–1988 гг.) для наших пограничных подразделений в ДРА был характерен напряженными оперативно-боевыми действиями, усилением вероятных объектов нападения душманов (мосты, переправы, трасса газопровода и др.). В ряде случаев понадобилось проведение масштабных операций с применением авиации и артиллерии. Так, осенью 1987 г. в ходе операции в районе Имамсахиба была сорвана попытка мятежников вновь подвергнуть обстрелу г. Пяндж. Почти одновременно проводилась операция «Дарбанд» (против участка Керкинского погранотряда) по ликвидации горной базы мятежников в районе Меймене.

Эта операция (руководитель полковник А. Н. Мартовицкий) отличалась скрытностью подготовки и внезапностью действий, активным применением авиации для подавления огневых точек и позиций душманов, десантирования подразделений, что обеспечило ее успех.

Последующие действия нашей группировки в ДРА в основном были нацелены на обеспечение беспрепятственного и безопасного прохода частей ОКСВ по намеченным маршрутам в афганских приграничных районах и через советско-афганскую границу. У пограничного командования (в Центре и округах) не было иллюзий в отношении активных намерений мятежников к действиям на всех этапах подготовки к выводу наших войск. И хотя в письме ЦК КПСС (май 1988 г.) о событиях в Афганистане утвер-

ждалось, что «...Советские войска выводятся, и одновременно прекращается вмешательство со стороны Пакистана и Соединенных Штатов...», реальные факты свидетельствовали об обратном.

В 1988 г. при активном участии американцев произошло объединение еще недавно враждовавших между собой лидеров мятежных группировок, действовавших в основном в северных провинциях ДРА. Призванный сплотить все оппозиционные силы севера «Исламский союз северных народов Афганистана» выдвинул лозунг не только добиться ухода советских войск из ДРА, но и «освободить советских мусульман в Средней Азии». Так, казалось бы, этнически родственный нашим среднеазиатским республикам север ДРА, несмотря на присутствие наших войск, оказался в авангарде мятежных сил.

Действия мятежников носили теперь более скоординированный и организованный характер. В короткое время они овладели многими важными населенными пунктами и объектами в приграничных восточных и северных провинциях, в том числе и центрами провинций — городами Файзабад и Кундуз.

В декабре 1988 г. их объединенная группировка, разгромив местные афганские гарнизоны, овладела г. Талуканом (провинция Тахар), где захватила большие запасы оружия, боевой техники и боеприпасов (в 50 км от нашей границы). Такими оказались последствия первого этапа вывода некоторых наших частей и снижение активности боевых действий частей и подразделений в зонах своей ответственности.

Резкое обострение обстановки вызвало необходимость вновь усиливать группировку наших пограничных подразделений в ДРА. На этот раз сюда было введено еще шесть мотоманевренных групп из восточных пограничных округов. Эта группировка, располагаясь более чем в 60 пунктах, обладала к тому времени высокими оперативно-боевыми возможностями.

В этом заключительном периоде (по февраль 1989 г.) было весьма важно не допустить сосредоточения крупных сил мятежников на основных коммуникациях, маршрутах перемещения частей ОКСВ из Афганистана к советско-афганской границе. Задача эта решалась всем комплексом мер: постоянной разведкой, нанесением ударов по формированиям «непримиримых» мятежников и даже путем переговоров и соглашений (временных, разумеется) с некоторыми главарями.

Вывод наших войск из Афганистана был достаточно организован, поскольку подготовка к нему велась с весны 1988 года.

Соединения и части 40-й армии выходили к границе по двум основным маршрутам: на Кушку и на Термез. Пограничные мотомангруппы выходили последними, поэтапно — на участках всех шести пограничных отрядов.

Общее руководство по обеспечению организованного перехода государственной границы войсками 40-й армии и выходу из Афганистана наших пограничных подразделений осуществлялось, по согласованию с Генштабом, оперативными группами ГУПВ, Среднеазиатского и Восточного пограничных округов с участием командования пограничных отрядов.

Для наших пограничников, охранявших советско-афганскую (а затем таджикско-афганскую) границу, как уже говорилось, начиналась другая война, не менее тяжкая и опасная: с захватом Кабула объединенными силами мятежников, а затем талибами эта граница превратилась во фронтовой рубеж, через который пытались активно проникать либо прорываться с боем банды экстремистов различной исламской ориентации и вооруженные караваны наркодельцов. И пограничникам здесь опять довелось испытать и радость побед, и горечь тяжелых потерь. Но это уже другая тема.

В конце 1989 г. оставил должность начальника ПВ КГБ генерал армии В. А. Матросов (его сменил генерал-лейтенант И. Я. Калиниченко). Вадим Александрович руководил пограничными войсками более 17 лет, включая всю афганскую кампанию. О генерале Матросове написано немало, и мне хотелось бы подчеркнуть лишь некоторые штрихи его деятельности в тот, «афганский» период. Проблемами наших пограничников в ДРА он с самого начала и весь этот период занимался много, непосредственно участвуя не только в оценке, а порой и разработке оперативных планов, но и в решении десятков других, сопутствующих вопросов. Не думаю, что такое постоянство было вызвано только повышенным вниманием Андропова к афганским делам: Матросов хорошо представлял специфику и сложности оперативно-боевых действий там наших пограничников и стремился, как мог, минимизировать ошибки в применении подразделений и их подготовке. Этому же была подчинена и принятая им система управления, об эффективности которой говорили и писали разное.

В целом, думается, она обеспечивала решение основных проблем, стоявших перед нашей группировкой в ДРА. На начальном этапе, видимо, в этой системе недоставало сильной, профессиональной группы окружного управления, что вынуждало привлекать к вопросам оперативно-боевого применения подразделений ДРА представителей командования округов, естественно, отвлекая их от своих прямых обязанностей. В последующем управление нашей группировкой в ДРА совершенствовалось и особых проблем не вызывало.

Генерал Матросов часто и много бывал в Среднеазиатском и Восточном пограничных округах, в подразделениях, находившихся в северных районах ДРА, и это давало ему возможность объективно оценивать ситуацию.

Кстати, он и в решении афганских проблем в ДРА не изменял своему принципу — внимательно выслушивал подчиненных, советовался с ними.

Уже говорилось о негативных последствиях засекречивания действий наших пограничников в афганских делах и ограничения доступа работников Центра и округов к информации о действиях подразделений в ДРА. И сегодня трудно признать убедительными те аргументы, которые приводил Матросов в защиту такой закрытости (по его же указанию были уничтожены основные материалы переписки, переговоров Центра и оперативных групп САПО и ВПО, что, конечно же, не добавило радости нашим историкам в попытках описать эту кампанию).

Однако эти и некоторые другие частности не были помехой в главном: сам генерал Матросов, его заместители и помощники, ответственные за действия наших подразделений в ДРА, внимательно отслеживали ситуацию и делали все возможное для эффективного выполнения подразделениями оперативно-боевых задач при сохранении личного состава.

Афганская кампания с участием в ней наших войск длилась, как известно, 9 лет. Учитывая ее специфику (трудные физико-географические условия, климат, необычные способы действий противника), она была суровым испытанием для наших воинов всех силовых структур, там действовавших. При всех ошибках и просчетах командования, подчас неоправданных потерях, в ней были примеры высоко оперативного искусства и тактического мастерства во многих операциях и оперативно-боевых действиях, образцы мужества и самоотверженности советских воинов. И это при том, что большинство наших частей не были приспособлены ни структурно, ни профессионально к решению необычных, несвойственных им задач.

В силу разных причин объединенной советско-афганской группировке, как известно, не удалось нанести реши-

тельное поражение формированиям мятежников, получавшим широкомасштабную поддержку из-за рубежа, и очистить от них территорию Афганистана. Но не удались и попытки США и их союзников устроить нашим войскам «афганский Вьетнам»: они сохраняли достаточно высокую боеспособность за все время пребывания в ДРА.

В этой кампании нашим войскам (в том числе и пограничным) все успехи давались трудно, ценой проб и ошибок. Многократно подтверждалась известная формула маршала Б. М. Шапошникова о том, что никакая отвага и никакое превосходство в силах и средствах не могут возместить недостаток знаний и умений. Поэтому опыт, приобретенный в тяжелых, экстремальных ситуациях Афганистана, дорогого стоит. К сожалению вооруженные конфликты для России (пусть даже в чем-то не схожие с афганским) не кончились, и, участвуя в них, силовые структуры, особенно в Чечне, увы, повторяют старые ошибки.

Какие же уроки афганской кампании можно считать нами менее усвоенными?

Во-первых, это способность всесторонне, объективно и правдиво оценивать ситуацию и свои действия в зоне конфликта. До сих пор бытует мнение, в том числе и среди некоторых участников афганских событий, что неудачи нашей кампании в ДРА были обусловлены ошибочным политическим решением о вводе туда наших войск. И это — правда. Но не вся. Другая ее часть состоит в том, что в эту кампанию мы ввязались абсолютно неподготовленными, как в отношении системы управления (политической, военной, специальной), так и в части профессиональной подготовки войск.

Имеются примеры иных оценок подобных ситуаций. Так, недавно в рассекреченных Национальным архивом США материалах переписки тогдашнего президента Р. Никсона с некоторыми должностными лицами (госсекретарь, министр обороны и др.) прямо указывалось на

главную причину предполагаемого вывода американских войск из Вьетнама — их неспособность противостоять повстанческим (партизанским) действиям вьетнамцев («оттягивающее ведение боевых действий» и т. п.) по причине их низкой профессиональной подготовки.

Признавалась и некомпетентность командования («больше озабоченного тем, чтобы не проиграть войну, а не тем, как победить в ней»). Такие выводы стали идеологической и организационной основой военной реформы вооруженных сил США, как известно, коренным образом изменившей их облик (в том числе и по части ведения антипартизанских — «специальных» — операций).

Мы же пока не удосужились объективно и всесторонне оценить свои неудачи и ошибки в Афганистане, и поэтому закономерно повторяем их в Чечне. И это проблемы не столько политиков, сколько руководителей силовых структур, ответственных за развитие и подготовку своих формирований и органов управления.

Во-вторых, эффективность системы нашего влияния на стабилизацию обстановки в зоне конфликта.

Как известно, советское участие в афганском конфликте было масштабным и разносторонним от поставок значительных материальных средств (в том числе военного предназначения) и советнической деятельности многочисленного отряда специалистов и советников различных ведомств до непосредственного участия в боевых действиях советских армейских соединений и частей, пограничных и специальных подразделений КГБ. Логично было ожидать в этом случае создания в ДРА единого органа (центра), объединявшего усилия всех союзных силовых и других ведомств в решении сложных афганских проблем. Разумеется, во главе с опытным, наделенным чрезвычайными полномочиями государственным деятелем.

Созданная в Москве так называемая «комиссия ЦК по Афганистану» этих проблем не решала, так как ее члены

(Громыко, Андропов, Устинов, Пономарев) в силу своего служебного положения вряд ли могли глубоко вникать в афганские дела и, естественно, были зависимы от оценок и предложений своих представителей в ДРА.

Представители же силовых структур (в основном генералы, иногда и маршалы), каждый со своим аппаратом, закрытой связью со своим шефом (министром), с ведомственными интересами и амбициями не всегда находили между собой взаимопонимание по целому ряду актуальных проблем. Наглядный пример — противоположные оценки военно-политической ситуации, положения в афганской армии и деятельности руководства ДРА, которых придерживались представители Минобороны и КГБ в Кабуле (особенно к концу 1979 г., когда решался вопрос о степени нашего участия в делах ДРА).

Так, активная поддержка Х. Амина представителями Минобороны даже после организованного им убийства руководителя страны Н. Тараки и захвата власти не совпадала с оценками представительства КГБ, считавшего Амина непредсказуемым диктатором, организатором беззаконий и репрессий в ДРА и даже вероятным агентом американских спецслужб. Противоположными были оценки этих представителей и деятельности других афганских руководителей — Кармаля и Наджибуллы, что, конечно же, не помогало общему делу, негативно сказывалось и на взаимоотношениях между руководством афганских силовых структур.

И многое из этого — ведомственную разобщенность, несогласованность, особенно в управлении объединенными силами, мы потом повторили с началом действий в Чечне.

В-третьих, роль армии в подобных конфликтах.

Наш собственный опыт (борьба с басмачеством в Средней Азии, бандеровщиной в Западной Украине, «лесными братьями» в Прибалтике), и международный показывают, что в вооруженных конфликтах, подобных афганскому, где широко применяются партизанские формы и способы борь-

бы, включая диверсии и террор, применение армейских сил мало оправдано. Справедливо замечание по этому поводу Ф. Боннарта (известный английский историк, в прошлом разведчик): «Когда сопротивление исходит от населения, его трудно сломить регулярной армией». Структурно не приспособленные, профессионально не подготовленные к контрпартизанским действиям, армейские части в таких вооруженных конфликтах несут значительные потери, а применяемые ими удары авиацией и артиллерией часто приводят к разрушению гражданских объектов и неоправданной гибели местного населения. Все это резко увеличивает число противников власти, обостряет ситуацию в стране, вызывает негативную реакцию за рубежом.

Казалось бы, афганская армия в этом отношении должна быть исключением: ведь Афганистану армия всегда была нужна не столько для войны с внешним врагом (все ее соседи — «тяжеловесы»), сколько в качестве полицейской силы для усмирения вечно бунтующих и воюющих племен — то с кабульским режимом, то между собой.

С приходом к власти Тараки и Амина в 1978 г. эти (полицейские) функции армии усилились: возникла проблема борьбы с мятежниками, применявшими партизанские, диверсионно-террористические формы и способы действий. Но афганская армия не была ни настоящей армией в полном смысле этого слова (плохо обучена и, несмотря на наличие боевой техники, недостаточно боеспособна), ни полицейской силой, способной надежно охранять границы (во многих странах, кстати, эта функция возложена на армию) и вести эффективную борьбу с мятежниками.

В то же время основные затраты на нее (в основном за счет советских поставок) не позволяли руководству ДРА создать достаточно крепкие, мобильные силы для реализации полицейских функций. К тому же массовое дезертирство, большие потери техники и вооружения (часто неоправданные) были, по сути, одним из важных источников по-

полнения мятежных формирований. Словом, чем дальше, тем больше сама армия становилась дестабилизирующим фактором. Однако признать это наши военные представители в ДРА так и не решились (вероятно потому, что с середины 50-х годов опекали и готовили эту армию).

Как уже говорилось, попытки Кармаля, а затем и Наджибуллы создать эффективные силы безопасности не удались. Между тем зарубежный и наш собственный опыт однозначно показывали, что для борьбы с повстанчеством (мятежниками) нужны специальные силы. Силы, структурно приспособленные и обученные контрпартизанским действиям, способные проводить по единому замыслу весь комплекс мер: разведывательных (включая агентурное проникновение в среду мятежников), войсковых, оперативной маскировки (обеспечение скрытности, внезапности действий, дезинформации), психологической борьбы и др. Включая, естественно, и надежное обеспечение собственной безопасности.

Так, в СССР в прошлом (конец 40-х начало 50-х годов), как известно, высокими оперативно-боевыми качествами обладали соединения и части НКВД (МВД) по борьбе с бандитизмом. В наше время такими силами располагают США («силы специальных операций») и ряд европейских государств. К сожалению, большой опыт применения специальных сил для решения подобных задач так и не был востребован нами ни в Афганистане, ни в Чечне.

Но есть и другие, довольно эффективные способы борьбы с мятежниками. И в этом плане, к примеру, заслуживают внимание операции американцев по разгрому талибов в Афганистане в конце 2001 — начале 2002 гг. Зарубежная пресса тогда называла десятки миллионов долларов, израсходованных американскими спецслужбами на подкуп полевых командиров (главарей) формирований «Северного альянса», готовых сражаться с талибами, и нейтрализацию тех из них, которые ранее талибов поддержива-

ли. При этом утверждалось, что «долларовая» операция оказалась достаточно эффективной практически без участия американских сил (удары авиации по горным базам талибов серьезного ущерба им не нанесли) и прошла почти без потерь для американцев.

Такое решение представляется вполне разумным и, как это ни странно, экономичным. Мы же в 1970–1980-е гг., расходуя в Афганистане миллиарды, неся потери, так и не сумели выкроить хотя бы часть этих денег для привлечения пуштунских, белуджских, хазарейских и других племен, их отрядов для стабилизации обстановки в ДРА без нашего активного участия.

Тяжелым уроком для афганского руководства и наших представителей в ДРА была недооценка проблем безопасности границ Афганистана, особенно на рубеже 70–80-х гг.

Позднее, когда мятежники окрепли настолько, что могли длительное время вести боевые действия самостоятельно, без поддержки с сопредельных территорий Пакистана и Ирана, предпринимаемые меры по прикрытию отдельных участков границы (чаще — формальные и малоэффективные) практически уже не могли влиять на исход кампании.

И опять сошлюсь на наш собственный и зарубежный опыт: он однозначно показывает, что силы и активность мятежников в значительной мере зависят от их поддержки извне. Объективности ради надо признать, что у королевского режима Афганистана таких проблем не было. Открытость границ для торговых караванов, многочисленных паломников, кочевников — пуштун и белуджей с их тысячными отарами скота и просто для туристов и торговцев из Индии, Пакистана и Ирана и других стран давала приличный доход в казну.

К тому же, в Афганистане, как известно, его элита с конца XIX века не спешила признавать законной установленную англичанами границу с Пакистаном («линия Дюранда»), надеясь на поддержку родственных пуштун-

ских племен, населявших восточные приграничные районы Пакистана. Так что чисто символическая охрана границ тогда особо никого не волновала.

Все изменилось с приходом к власти Тараки — Амина и развертыванием вооруженной оппозицией борьбы против их режима.

Было ясно, что практически свободное перемещение мятежников и присоединившихся к ним многочисленных «борцов за веру» из мусульманских стран (Египта, Саудовской Аравии и др.) при нарастающей поддержке более чем десятка крупных стран во главе с США неизбежно приведет к тяжелому обострению ситуации в ДРА, угрозе захвата власти мятежниками. В этой ситуации не было иного выхода, как любой ценой — даже использованием части афганской армии и царандоя — прикрыть наиболее уязвимые участки границы ДРА.

Малочисленная афганская погранохрана в то время не могла стать основой развертывания достаточно сильных пограничных войск ДРА. К сожалению, вероятные последствия этой угрозы тогда не воспринимали (или не хотели воспринимать) ни наши военные представители в ДРА, ни Амин, курировавший тогда силовые структуры ДРА.

Эту угрозу понимали пришедшие к власти в ДРА с начала 1980 г. Б. Кармаль, а позднее и Х. Наджибулла. Но и они не сумели преодолеть железобетонный принцип: «Здесь армия решает все» (следовательно, основные силы, средства и помощь из СССР должны идти сюда).

А потом было уже поздно: мятежникам ко второй половине 1980-х гг. удалось сосредоточить на территории ДРА силы, способные на равных противостоять и афганской армии, и советским частям ОКСВ. Исход этой борьбы известен.

Защитой границ Афганистана, кроме ее малочисленной погранслужбы, непосредственно занимались и офицеры погранвойск КГБ. Советники, вначале в провинциальных от-

делах погранслужбы царандоя, затем в пограничных полках и бригадах, в тяжелейших условиях, порой в полном окружении мятежных формирований, самоотверженно выполняли свой долг. И не их вина, что не удалось создать надежную систему пограничной безопасности Афганистана.

Казалось бы, дела давно минувших дней, и стоит ли вспоминать об этом? Как сказать...

Создай мы, к примеру, надежную систему охраны административной границы Чечни с захватом там власти Дудаевым — вряд ли мятежники долго продержались бы. А для этого и нужно было пять-шесть погранотрядов со средствами усиления и поддержки да прикрытие рубежа сигнализационными системами. Но наше руководство думало иначе.

Кстати, связи бандформирований в Чечне с зарубежьем — дальним и ближним — существуют и поныне. И это тоже следствие плохо усвоенных уроков Афганистана.

И еще об одном уроке — о действиях наших пограничных подразделений. Для наших пограничников участие в афганской кампании было тяжелым испытанием. Понесенные потери (погибло около 500 пограничников) — подтверждение этого. Итоги и анализ оперативно-боевых действий показывают, что пограничники в целом успешно решали поставленные задачи. Этой оценки придерживались руководство КГБ и представители других силовых структур, действующих в ДРА. Семь пограничников за эти годы стали Героями Советского Союза, несколько тысяч получили боевые награды.

Специфика пограничной службы — действия мелкими группами (нарядами) в отрыве от своих подразделений — способствовала лучшей адаптации к афганским условиям. Традиционные для пограничников верность долгу, боевое товарищество, взаимовыручка зачастую обеспечивали им выход из критических ситуаций.

За все 9 лет ни один пограничник не попал в плен, не был оставлен у мятежников убитым или раненым.

Высоким (свыше 90%) был уровень восстановления для строевой службы раненых. Обеспечивалось это эффективными лечебно-эвакуационными мерами, самоотверженной работой пограничных медиков и опять таки летчиков. Достаточно высокий моральный и оперативно-боевой потенциал пограничных подразделений достигался в основном заблаговременными мерами по их оснащению и подготовке до ввода в Афганистан.

Но там, как известно, им не все и не всегда удавалось. Были неудачи и потери, безрезультатные операции, ошибочные действия. Они, надо подчеркнуть, были следствием в основном субъективных факторов — ошибок в сфере управления, в командирской деятельности. Слабо продуманный, прямолинейный замысел операции, других оперативно-боевых действий, как правило, обрекал их на неудачу. Снижение разведывательной активности, неспособность предусмотреть, упредить действия мятежников также оборачивались потерями.

При этом просматривалась тревожная тенденция — отставание у ряда руководителей управленческого, командирского мышления от развития ситуации, ее специфики, изменения тактики действий мятежников. Серьезные проблемы возникали порой с материально-техническим обеспечением подразделений, дислоцированных в ДРА, поддержанием в них организованности и порядка, соблюдения мер безопасности.

Подтверждался проверенный многолетним опытом принцип: к эффективной борьбе с противником, применяющим партизанские методы борьбы, террор и диверсии, нужно готовиться всестороннее и заранее. У нас же в погранвойсках, к примеру, глубокое изучение офицерами-пограничниками этих проблем завершилось, по сути, в начале 1960-х гг. и потом восстанавливалось с трудом.

Кто-то может возразить, что, мол, в наше время этого и не требуется: в Афганистан мы больше не пойдем, военной угрозы для наших границ не существует (так официально

заявлено), а вместо пограничных войск теперь есть органы Пограничной службы, охраняющие границу преимущественно оперативными силами и средствами. Это так. Но проблема, все-таки остается.

Очевидно, на определенных участках границы России (в частности, со странами СНГ) новые подходы могут быть оправданны, учитывая характер взаимоотношений сопредельных сторон, сотрудничества между ними, в том числе и по пограничным вопросам. Но существует серьезная угроза провоцирования антироссийскими зарубежными центрами и спецслужбами вооруженных конфликтов в приграничных районах России с участием экстремистских мусульманских организаций и кланов на сепаратистской, религиозно-этнической основах, применяющих террор и диверсии, различные партизанские формы и способы борьбы.

События в Чечне и Таджикистане, теракты исламских боевиков и их недавние попытки провести вооруженные акции в некоторых районах Узбекистана и Киргизии — наглядное тому подтверждение.

При этом нельзя не учитывать и специфику участия России в борьбе с международным терроризмом, объявленным повсюду, в том числе и у нас, главной угрозой национальной безопасности страны. Она заключается в том, что организаторы и исполнители терактов в Каспийске, Москве, Грозном, Беслане и других местах готовятся в бандформированиях, на их базах, иногда и в приграничных районах. Так что ликвидация подобных формирований — главное условие пресечения терроризма в России.

Словом, российским пограничникам, выполняющим служебно-боевые задачи в особых районах, нужны соответствующая подготовка и необходимые для таких задач силы и средства. И еще — знание опыта старших товарищей, полученного в Афганистане, Чечне и других «горячих» точках.

Именной указатель

Абрамов И. П. — 148
Абдрашитов В. К. — *65*
Агапов Б. Н. — *290*
Акулиничев О. — *60*
Александр Македонский — *59, 80, 97, 130*
Али-Шах Пайман — *52, 53, 77, 80, 84, 135*
Амин А. — *134*
Амин Х. — *9, 10, 14, 16, 18–23, 26, 28, 29, 34, 36, 38–40, 45–48, 51, 53, 54, 59–61, 63, 67, 69–75, 80, 82–89, 91–93, 99–101, 103, 113, 116, 132, 134, 166, 267, 329, 337, 338, 341*
Артыкбаев А. А. — *167, 290*
Андропов Ю. В. — *7, 13, 20, 60, 61, 66–71, 83, 85, 87, 88, 94, 102, 105, 110, 124, 128, 129, 131, 135, 137, 138, 145, 147, 153–155, 159, 180, 181, 183, 185, 186, 189, 191, 193, 197, 212–214, 225, 233, 280, 293, 304, 307, 333, 337*
Арбатов Г. — *94*
Ахмад Шах Масуд — *51, 254, 264, 268, 273, 274, 277–280, 287, 295, 319*
Ахромеев С. Ф. — *110, 113, 117, 120, 121, 126, 127, 160, 172, 176, 190, 201, 208, 267, 272, 275, 285, 286, 294, 327*
Ашуралиев А. Т. — *147*

Баграм — *42*
Башир — *296*
Бешехти — *274*
Бжезинский З. — *15, 56*
Бикин В. — *326*
Бобков В. — *326*
Бобков Ф. Д. — *148*
Богданов А. П. — *284*
Богданов Л. П. — *16, 39, 46, 48, 60, 66, 85, 111, 134*
Богданов С. — *180*
Боннарт Ф. — *338*
Борисов А. Ф. — *203, 207, 237*
Бояринов Г. И. — *75, 99, 149*
Бояров В. К. — *148*
Брежнев Л. И. — *88, 94, 129*
Бубенин В. Д. — *149*
Будько Н. Т. — *178, 179, 182, 185, 323*
Бхутто — *258*

Варенников В. И. — *275, 300, 316*

Ватанджар — *33, 34, 36, 45, 49, 73, 77, 82, 84, 86*
Вахид А. — *210*
Вахренев В. Н. — *243, 269*
Вертелко И. П. — *193, 198, 201, 210, 237, 267, 270, 275, 278, 279, 300, 316*
Веселков Н. С. — *26, 59*
Владимиров А. С. — *323*
Власов А. А. — *72–74, 77, 80, 84, 86, 100, 111*
Воинов И. Н. — *121*

Гапур М. — *235, 252*
Гарафеев Ф. Г. — *62*
Гартман В. — *261*
Голубев Б. М. — *234, 255*
Горбачев М. С. — *311*
Горелов Л. Н. — *28, 36, 53, 83, 95*
Громыко — *94, 159, 337*
Гулябзой — *77, 86*
Гурьянов В. К. — *155, 156*

Дабс А. — *26*
Давыдов Д. — *104*
Давыдов Е. С. — *290*
Данилов Р. В. — *303*
Дауд — *15, 47*
Дауд Шах — *163*
Демин В. П. — *149*
Джандад — *135*
Диков С. А. — *185*
Данилов Р. В. — *191*
Донсков В. С. — *106, 191, 277*
Дудаев Д. — *249, 342*
Дудин Е. В. — *62*

Евдокимов А. Н. — *269, 326*
Епишкин П. И. — *65*

Жак А. — *296*
Жидков В. — *326*
Жук В. Я. — *56–58, 62*

Запороженко В. Ф. — *191*
Захаров Б. — *326*
Захир-Шах — *14, 15, 33, 36, 47*
Згерский Г. А. — *160, 172, 179, 191, 209, 269, 277, 288*
Зерай — *151*
Зия-Уль-Хак — *299*
Зульфикар — *139*

Ибрагим-Бек — *106*
Иванов Б. С. — *13, 14, 18, 20, 28, 46, 48, 53, 60, 68, 74, 77, 80, 82, 83, 85, 86, 95, 149*
Исмаил Хан — *235*

Кабанов Б. — *85, 134*
Кадыр А. — *33, 34, 101, 200, 298*
Казаков В. — *104*
Калиберда В. — *326*
Калиниченко И. Я. — *333*
Карзай Х. — *329*
Кармаль Б. — *100, 128–132, 137, 139, 151, 152, 164, 167, 169, 203, 211, 224, 225, 234, 250, 253, 266, 267, 281, 285, 291–293, 297, 300, 307, 324, 325, 337, 339, 341*
Карпов И. Г. — *104, 159, 188, 190, 191, 193, 198, 201, 207, 280, 284, 319*
Кештманд С. — *100, 151, 183*
Ким Ир Сен — *100*
Кириллов В. А. — *16, 18, 29, 39, 55, 63, 80, 86, 100, 111, 114, 117, 134, 207, 323*
Киселев В. — *326*
Клюев С. — *326*

Козлов В. — *192*
Колосков Ю. В. — *191*
Константинов В. И. — *152, 170, 323*
Кордовес Д. — *215, 244, 265, 306, 318*
Коробейников И. М. — *303, 321*
Крючков В. А. — *60, 83, 137, 149*
Кудашкин Ф. Д. — *56, 57*

Лаек — *254*
Ладен У. бен — *17, 50, 329*
Лазаренко А. И. — *144*
Латиф — *261*
Литучий В. Я. — *121, 122, 133, 140*

Магомедов С. К. — *114, 115*
Маздурьяр Ш. — *25, 26, 29, 38, 59, 69, 73, 77, 86*
Майоров А. — *152*
Макаров Н. И. — *170, 234*
Максимов Ю. П. — *69, 272*
Малютин Н. — *104*
Мао Цзэдун — *100*
Макерв В. — *192*
Мартовицкий А. Н. — *330*
Матросов В. А. — *7, 13, 22, 41, 68, 69, 71, 72, 84, 85, 94, 104, 110, 111, 117, 120, 121, 135, 137, 138, 145, 147, 155, 159, 178–181, 183, 185, 190–193, 197, 198, 202, 203, 207, 210, 229, 233, 237, 239, 250, 255, 263, 272, 276, 277, 280, 285, 286, 292, 293, 296, 300, 302, 333, 334*
Махмуд Шах Х. — *66*
Медяник Я. П. — *60, 149, 163*
Мелкумов Л. Н. — *69*
Мигалин А. — *192*
Мирошниченко Б. Г. — *172*
Мухаммад Н. — *298*
Мухаммад Пир — *113, 117, 121, 122, 128, 129, 162, 220*
Мухаммад Ф. — *136*

Навои А. — *80*
Наджибулла (Наджиб) Х. — *51, 151, 215, 293, 324, 325, 328, 337, 339, 341*
Неверовский Е. Н. — *191, 264*
Нешумова А. П. — *71*
Никсон Р. — *335*
Ницын Ю. Г. — *101*
Новиков Д. Г. — *133*
Новоселов В. К. — *62*
Нур — *151*

Оганов С. А. — *300*
Огарков Н. В. — *77, 153, 185, 186, 294*
Осадчий В. — *134*

Павловский И. Г. — *73, 74, 76, 77, 81, 83, 86*
Петровас Я. К. — *191*
Полетаев С. А. — *62*
Поляков И. А. — *62, 133*
Пономарев Б. — *72, 73, 159, 337*
Пузанов А. М. — *13, 53, 54, 60, 67, 80, 83, 86–88, 92, 95, 111*
Пухальский Б. А. — *144*
Пьеха Э. — *44*

Раббани Б. — *22, 51, 169, 198, 208, 279*
Рафи — *128, 131, 137, 151, 200*
Рашидов Ш. — *211*
Ребяткин С. И. — *147*
Резниченко Н. С. — *322*

Рейган Р. — *214, 312*
Регуш К. В. — *147, 192*
Рожков В. В. — *290*
Романенко А. И. — *255, 278*
Романов Ю. В. — *269*
Романюк Н. — *326*
Рохлов Н. — *326*

Савникин И. И. — *71*
Сагайдак И. И. — *111, 114, 121, 124, 128*
Садат А. — *174*
Саидгареев В. А. — *290*
Салманов Г. И. — *267, 278*
Самад — *252*
Саввари А. — *25, 46, 48, 77, 82, 86*
Сахаров В. В. — *37, 147, 156*
Сахраи — *135*
Сентюрин Б. Е. — *106, 191*
Сидики М. — *167, 195*
Скобелев М. — *97*
Смирнов В. Н. — *284, 303*
Смирнов В. П. — *133, 262*
Соколов С. Л. — *110, 113, 114, 120, 121, 128, 130, 137, 163, 176, 190, 201, 202, 206, 208, 242, 267*
Сорокин М. И. — *242*
Спольников В. Н. — *111, 113, 124, 126, 128, 131, 134, 152*
Стрельников В. — *326*
Строй М. — *192*
Сухарев Ф. — *192*

Табеев Ф. А. — *111, 127, 128, 169*
Тамерлан — *80*
Тараки Н. — *16, 25, 26, 28, 34, 44, 45, 48, 53, 54, 63, 69, 72–74, 80, 82–84, 86–88, 92, 100, 101, 103, 111, 116, 329, 337, 338, 341*
Тарун — *18, 23, 25, 38, 46, 52, 86*
Тито И. Б. — *100*
Туран Исмаил — *309*

Уайнбергер К. — *260*
Устинов Д. Ф. — *77, 83, 94, 153, 159, 185, 186, 291, 300, 304, 307, 337*
Ухабов В. И. — *262*

Фаиз Мухаммад — *116*
Файзиев Д. — *104*
Файзиев З. — *209*
Фалеев Р. — *326*
Фатех Пир — *163*
Федорчук В. В. — *224, 225, 233*

Халес М. — *169*
Халиков А. Х. — *179, 290, 303*
Харичев В. Н. — *106, 179, 182, 191*
Хекматьяр Г. — *22, 88, 169, 198, 208*
Хисамутдин — *18*
Хомейни — *15, 91, 139, 244, 251, 274*

Цвигун С. К. — *69, 87, 180, 181*

Чаушеску — *100*
Чебриков В. М. — *148, 225, 276, 277, 279–281, 285, 286, 291, 293, 300*
Черемных В. П. — *114, 152*
Черненко К. У. — *311*
Чжао Цзыян — *268*
Чучукин В. А. — *66, 85, 134*

Шагалеев Ф. — *326*
Шапошников Б. М. — *335*
Шаталин Ю. В. — *99*

Шеварнадзе Э. А. — *328*
Шишлов В. И. — *289*
Шляхтин В. И. — *288, 303, 313*

Щелоков Н. А. — *137*

Экбаль — *45*

Юдин Н. Н. — *232*

Якуб М. — *25, 34, 36, 38, 42, 45, 46, 53, 73, 74, 76, 100*
Якубовский Л. А. — *156*
Янчевский П. И. — *323*
Ярков И. Д. — *193, 206, 285*

Об авторе

Генерал-лейтенант Нешумов Юрий Алексеевич родился в 1929 г. в г. Мариинске Кемеровской области в семье сельских учителей.

В пограничных войсках с 1947 г.

После окончания Алма-Атинского пограничного кавалерийского училища служил на советско-иранской границе (в Туркмении) заместителем и начальником погранзаставы.

Руководил пограничными подразделениями и частями на Кавказе — на границе с Ираном и Турцией.

Закончил Военный институт КГБ им. Дзержинского и Академию Генерального штаба ВС СССР.

В конце 60-х и в 70-е годы служил в Средней Азии начальником штаба, а затем начальником войск Среднеазиатского пограничного округа.

С 1976 по 1985 г. был начальником штаба — первым заместителем начальника Пограничных войск КГБ СССР.

Накануне и после вступления советских войск в Афганистан направлялся в эту страну по заданию руководства КГБ СССР. Принимал непосредственное участие в разработке и реализации мер по укреплению охраны и защиты границ Афганистана в этот период, а также в подготовке и организации оперативно-боевых действий советских пограничных частей и подразделений в северных провинциях ДРА.

За участие в афганской кампании награжден орденом Октябрьской революции, Боевого Красного Знамени (ДРА), советскими и афганскими медалями.

С 1987 по 1993 г. — заместитель главы советской (с 1991 г. — российской) правительственной делегации на переговорах с Китаем.

С 1993 г. — в отставке, является руководителем группы консультантов-экспертов при первом заместителе директора ФСБ, руководителе Пограничной службы.

Оглавление

От автора 5

Глава 1
Афганистан: тревожное лето 1979 г. 12

Глава 2
Ввод советских войск в ДРА. Начало действий наших пограничных подразделений в афганском прикордоне 90

Глава 3
Ввод основных пограничных подразделений в северные провинции ДРА. Первые успешные операции и неудачи 151

Глава 4
Разные дни афганского приграничья. Новые попытки укрепить границы ДРА 241

Глава 5
Эскалация афганского джихада. Неусвоенные уроки 306

Нешумов Юрий Алексеевич

ГРАНИЦЫ АФГАНИСТАНА: ТРАГЕДИЯ И УРОКИ
(записки пограничника)

Редактор *В.Н. Ионов*
Художественное оформление *А.П. Зарубина*
Корректоры *Т.Б. Лазебная, С.И. Щетнева*
Компьютерная верстка *И.В. Белюсенко*

Подписано в печать 15.08.06.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 18,48. Печать офсетная
Гарнитура «PetersburgC». Тираж 2500 экз.
Заказ № 4422.

Издательство «Граница»
101000, Москва, Главпочтамт, а/я 711

Издательство «Кучково поле»
Москва, 2-й Южнопортовый пр-д, 5/2
Тел./факс: (495) 958 9108, тел.: (495) 958 8941.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ISBN 5-901679-21-0

Ассоциация «Военная книга»